MASARYKOVA UNIVERZITA

PEDAGOGICKÁ FAKULTA

Katedra ruského jazyka a literatury

Перевод современной русской повести «Школьники» О. О. Павлова

Diplomová práce

Brno 2020

Vedoucí diplomové práce:
doc. PhDr. Mgr. Simona Koryčánková, Ph.D.

Vypracovala:
Mgr. Aneta Čermáková

Bibliografický záznam

ČERMÁKOVÁ, A. *Перевод современной русской повести «Школьники» О. О. Павлова.* Diplomová práce. Brno: Masarykova univerzita, Pedagogická fakulta, Katedra ruského jazyka a literatury, 2020. 125 s. Vedoucí diplomové práce doc. PhDr. Mgr. Simona Koryčánková, Ph.D.

Anotace

Diplomová práce s názvem *Перевод современной русской повести «Школьники» О. О. Павлова* se zabývá překladem povídky *Školáci* ruského prozaika O. O. Pavlova. Práce sestává z teoretické a praktické části, která tvoří jádro diplomové práce. V teoretické části jsou představeny některé z definic překladu, jeho druhy i základní překladatelské pojmy jako ekvivalence, adekvátnost či interpretace. Tato část se dále zaměřuje na překlad beletrie. Je v ní taktéž podrobně popsána problematika překladu reálií. Praktická část práce se skládá z překladu povídky a následného komentáře k překladu, který je věnován zejména otázce autorského stylu, překladu reálií vyskytujících se v textu, a také dalším zajímavým či diskutabilním pasážím. Cílem práce bylo vytvoření adekvátního překladu, čtivého a zajímavého pro české čtenáře.

Klíčová slova

překlad, Oleg Pavlov, literatura, povídka, ruský jazyk, český jazyk, ekvivalence, adekvátnost, reálie

Abstract

The diploma thesis entitled “Translation of the contemporary Russian story Pupils by O. O. Pavlov” deals with the translation of this story from Russian to Czech. The thesis consists of theoretical and practical part, which makes up the core of the thesis. The theoretical part presents several definitions of the term translation, also its types and basic translational concepts, such as equivalence, adequacy and interpretation. Then, it focuses on translation of fiction. A detailed description of translation of realia is provided afterwards. The practical part consists of the translation of the story, followed by the commentary of the translation, specifically about the translation of author's style, realia and other interesting or arguable passages. The aim of the thesis is to create adequate translation, which will be interesting to Czech readers.

Keywords

translation, Oleg Pavlov, literature, story, Russian language, Czech language, equivalence, adequacy, realia

Prohlášení

Prohlašuji, že jsem závěrečnou diplomovou práci vypracovala samostatně, s využitím pouze citovaných literárních pramenů, dalších informací a zdrojů v souladu s Disciplinárním řádem pro studenty Pedagogické fakulty Masarykovy univerzity a se zákonem č. 121/2000 Sb., o právu autorském, o právech souvisejících s právem autorským a o změně některých zákonů (autorský zákon), ve znění pozdějších předpisů.

V Brně dne 20. dubna 2020 Aneta Čermáková

Poděkování

Na tomto místě bych chtěla poděkovat doc. PhDr. Mgr. Simoně Koryčánkové, Ph.D., za odborné vedení diplomové práce a poskytnutí cenných rad, podnětných připomínek a množství návrhů. Velmi si vážím vstřícného přístupu a času, který mi během psaní práce věnovala. Poděkování patří také mým rodičům a příteli, kteří mě po celou dobu studia podporovali.

Содержание

Введение ... 8

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ ... 11

1 Перевод ... 11

1.1 Точность, верность, эквивалентность и адекватность ... 12

1.2 Оценка качества перевода ... 13

1.3 Классификация видов перевода ... 14

2 Художественный перевод ... 15

2.1 Эквивалентность, адекватность и оценка в контексте перевода литературных произведений ... 16

2.2 Интерпретация ... 17

3 Перевод реалий ... 18

3.1 Классификация реалий ... 19

3.2 Способы переноса реалий ... 20

3.3 Перенос некоторых видов реалий ... 22

4 Иноязычные вкрапления в литературном произведении ... 24

5 Повесть «Школьники» ... 26

5.1 О редакциях повести ... 27

ПРАКТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ ... 29

1 Překlad povídky ... 29

2 Komentář k překladu ... 52

2.1 Polemika o díle autora ... 52

2.2 Autorský styl ... 53

2.2.1 Dlouhá souvětí ... 54

2.2.2 Konstrukce s pomlčkou a spojkami ... 55

2.2.3 Zdrobněliny ... 55

2.2.4 Neurčitá zájmena a příslovce 56
2.2.5 Překlad názvu povídky 57
2.3 Analýza problematických jevů překladu 57
2.3.1 Reálie 57
2.3.2 Přímá řeč a vnitřní monolog 65
2.3.3 Německé promluvy v textu 66
2.3.4 Frazeologizmy 67
2.3.5 Náboženská tematika 67
2.3.6 Mluvící jména 68
Заключение 69
Резюме 76
Список использованной литературы 82
Приложение 1 89
Биография Олега Павлова 89
Приложение 2 92
Олег Павлов – Школьники 92

Введение

Перевод представляет один из видов языковой деятельности, заключающийся в процессе адекватной и полноценной передачи мыслей, выраженных на исходном языке, средствами переводящего языка.[1] В настоящее время перевод все более важен для общества, являясь посредником глобализации, которая, с одной стороны, оказала огромное влияние на переводческую сферу деятельности, но с другой стороны, без перевода немыслима.

Одним из самых сложных и интересных видов перевода является художественный перевод, который можно понимать как инструмент культурного освоения мира и расширения коллективной памяти.[2] Художественный перевод, как поэтический, так и прозаический, – искусство, определяющееся как плод творчества.[3]

Настоящая дипломная работа посвящена переводческой теме, а именно переводу части русской повести, написанной О. О. Павловым, на чешский язык. Предмет исследования – художественный перевод.

Целью дипломной работы является создание адекватного перевода, сохраняющего особенные черты авторского стиля и переносящего аутентичную атмосферу произведения. Наряду с этим, переводной текст должен быть привлекательным и понятным для чешского читателя. Мы будем стремиться к тому, чтобы перевод вызывал у читателей одинаковые эмоции и реакции, которые вызывает повесть на русском языке. Целью настоящей работы является также ознакомление чешских читателей с малоизвестным русским писателем, творчество которого заслуживает внимания и за границей. Выбранная нами повесть показывает, что творчество О. О. Павлова не ограничивается только лагерной темой, но включает и другие интересные произведения.

Представленная цель предполагает изучение теории перевода и ознакомление с основополагающими для переводоведения терминами и понятиями, так как в переводоведении важно взаимодействие теории и практики.

---

[1] НЕЛЮБИН, Л. Л. *Толковый переводческий словарь*. Москва: Флинта: Наука, 2003. с. 138.
[2] Там же. с. 146.
[3] ПРОХОДСКИЙ, А. Н. *Проблемы художественного перевода* [online]. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2008. [cit. 2020-03-06]. Режим доступа www: < https://otherreferats.allbest.ru/languages/00178338_0.html#text>.

Однако только теория не хватает, поэтому необходимо и глубокое проникновение в творчество О. О. Павлова и выявление важных черт его авторского стиля. Знакомство с жизнью автора, его другими произведениями и мнениями критиков по поводу его творчества поможет создать качественный перевод.

Дипломная работа будет состоять из теоретической части, в которой приведется определение перевода и важных переводческих понятий, к примеру, эквивалентности, адекватности и интерпретации, и опишется перевод реалий и иноязычных вкраплений в тексте. Внимание будет акцентировано на проблематике художественного перевода. В конце данной части приведется основная информация о повести «Школьники» и о ее редакциях. В теоретической части будут употребляться дескриптивный (описание отдельных явлений) с сопоставительным методом исследования (сопоставление разных мнений, определений и понятий).

Далее последует практическая часть, концепция которой будет отличаться тем, что в ее первой части будет приведен перевод повести, а затем будет следовать вторая часть с комментарием к переводу, разделенным на отдельные главы, начиная с полемики над творчеством О. О. Павлова и выделения основных черт его авторского стиля. Кроме того, на фоне перевода будут отобраны выразительные или сложные для перевода пассажи, способ перевода которых будет вместе с другими спорными переводческими решениями и трансформациями прокомментирован. Оригинал повести будет размещен в приложении, вслед за биографией ее автора.

При переводе и анализе переводческих решений будет использован сопоставительный метод исследования (например, в рамках сопоставления исходного текста с переводом), метод интерпретации (понимание и объяснение содержания лексических единиц) и метод стилистического анализа (выделение языковых примет стиля).

Тема дипломной работы была выбрана на основе личного интереса в области переводоведения и художественного перевода, а также к личности и творчеству О. О. Павлова. Важную роль при выборе темы сыграл интерес к русской литературе и культуре, и возможности передать их чешским читателям. Сама тема работы намекает на взаимодействие переводоведения, языкознания, литературоведения и страноведения. Перевод литературного произведения не

обходится без знаний из области стилистики, литературы и культуры исходного и принимающего языков.

Практическая значимость нашей работы дает возможность использовать перевод и последующий комментарий к нему на практических курсах по художественному переводу в вузах. Перевод всей повести можно разместить в Интернете на специализированных литературных веб-сайтах, и, таким образом, сделать его доступным для интересующихся читателей. Не в последнюю очередь он может быть опубликован в литературных журналах. Дипломная работа может служить основой для будущего перевода книги «В безбожных переулках», частью которой является не только повесть «Школьники», но и роман «В безбожных переулках», а также рассказы «Сны о себе» и «Яблочки от Толстого».

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

1 Перевод

Лингвисты и теоретики переводоведения определяют, что такое *перевод*, разным образом, обращая внимание на различные аспекты переводческой деятельности. К примеру, в некоторых основополагающих подходах к определению *перевода* делается акцент на передаче информации, сохранении формальной структуры исходного текста или нахождении семантических соответствий между единицами исходного и переводящего языка.[4] Мы рассмотрим определения и мнения лишь трех выдающихся теоретиков.

По мнению В. С. Виноградова, слово *перевод* многозначно, и имеет два терминологических значения. Во-первых, *перевод* является процессом передачи содержания, выраженного на одном языке, посредством другого языка. Во-вторых, перевод представляет собой устный или письменный текст, а именно результат данного процесса.[5] К тому же, это особый вид словесного искусства, который создается для определенной языковой эпохи, современной читателю.[6]

И. Левый приводит нормативное определение *перевода* – каким он должен быть в идеальном случае. *Перевод как произведение* можно воспринимать как художественную репродукцию, художественное воспроизведение, в то время как *перевод как процесс* является подлинным творчеством. Третьей категорией И. Левый называет *перевод как тип искусства*, определяя ее как промежуточную категорию между исполнительским искусством и оригинальным творчеством.[7]

А. Попович обращает внимание на *перевод в литературной коммуникации*. С точки зрения метакоммуникации, т. е. разных коммуникативных возможностей оригинального литературного текста, А. Попович относит *перевод* к аффирмативным метатекстам, называя его стилистической моделью другого произведения (прототекста). *Процесс перевода* в упрощенном виде определяет как наполнение уже «готовой темы» «новой формой».[8]

---

[4] СУЛЕЙМАНОВА, О. А. *Грамматические аспекты перевода*. Москва: Академия, 2012. с. 12.
[5] ВИНОГРАДОВ, В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) [online]. Москва: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. с. 5. [cit. 2020-02-03]. Режим доступа www: <http://www.helpforlinguist.narod.ru/VinogradovVS/VinogradovVS.pdf>.
[6] Там же. с. 139.
[7] ЛЕВЫЙ, И. *Искусство перевода* [online]. Москва: Прогресс, 1974. с. 90–91. Режим доступа www: <http://padaread.com/?book=39638&pg=1>.
[8] ПОПОВИЧ, А. *Проблемы художественного перевода*. Москва: Высшая школа, 1980. с. 143–158.

1.1 Точность, верность, эквивалентность и адекватность

В теории перевода широко используются недостаточно точные или даже в некоторых аспектах совпадающие термины *точность* и *верность,* и *эквивалентность* с *адекватностью*. Задачей данного раздела является не изложение всех существующих определений и мнений разных теоретиков и лингвистов, а отображение общего понятия.

Термин *верность* был в последние десятилетия заменен термином *эквивалентность*, одним из самых главных понятий современного переводоведения.[9] Н. В. Комиссаров, разработавший *теорию уровней эквивалентности,* определяет *переводческую эквивалентность* как реальную смысловую близость оригинального и переводного текстов. Уровни (типы) эквивалентности зависят от того, какая часть содержания сохраняется в переводе для обеспечения *эквивалентности*, так как на всех уровнях перевод осуществляет межъязыковую коммуникацию.[10] Н. В. Комиссаров свою модель несколько раз перерабатывал и последняя предложенная им система состоит из пяти взаимосвязанных уровней: *уровня цели коммуникации, описания ситуации, способа описания ситуации, структуры высказывания и лексико-семантического соответствия*.[11]

Вместо понятия *точность* стал употребляться термин *адекватность*. *Адекватность* перевода можно определить как верное воспроизведение стройной системы связей и отношений средствами другого языка, соответствующими ожиданиям участников коммуникации и условиям, в которых перевод реализуется.[12]

Некоторые теоретики, как, например, А. Д. Швейцер, различают *адекватность* и *эквивалентность*, в то время как другие, к примеру, В. С. Виноградов, называют их сходными терминами, предпочитая в сегодняшнем переводоведении термин *эквивалентность* с меньшей семантической

---

[9] ГАРБОВСКИЙ, Н. К. *Теория перевода*. Москва: Издательство Московского университета, 2007. с. 263.
[10] КОМИССАРОВ, Н. В. *Теория перевода (лингвистические аспекты)*. Москва: Высшая школа, 1990. с. 51.
[11] ГАРБОВСКИЙ, Н. К. *Теория перевода*. Москва: Издательство Московского университета, 2007. с. 298.
[12] Там же. с. 285–289.

категоричностью.[13] По мнению А. Д. Швейцера, *эквивалентность* связана с результатами перевода, а *адекватность* – с процессом, условиями протекания коммуникативного акта.[14]

1.2 Оценка качества перевода

Оценка качества перевода может быть передана посредством изложенных терминов, характеризующих перевод как *точный, эквивалентный*, *буквальный*, *свободный (вольный)* и *адекватный* на основе преобладания определенного критерия.[15]

Эквивалентный перевод воспроизводит содержание оригинала на одном из уровней эквивалентности.[16]

В *точном переводе*, в котором воспроизводится только предметно-логическая часть содержания, возможны отклонения от жанрово-стилистической нормы и правил переводящего языка. Такой перевод частично эквивалентен.[17]

Буквальный перевод является механическим воспроизведением коммуникативно формальных элементов оригинала. Для него характерно отсутствие творческого подхода, сосредоточивание на отдельных элементах текста и нарушение норм языка перевода. В настоящее время такие переводы редки, раньше таким образом переводили, например, религиозные тексты.[18]

При *свободном (вольном) переводе* переводчик не учитывает формальные и семантические компоненты подлинника[19], который может выступать лишь как вдохновение. Данный перевод, для которого характерны разные отклонения, в частности, добавления и пропуски, реализуется на уровне текста, с чем связана невозможность определения эквивалентности языковых единиц.[20] Главный аспект – творческий, а репродуктивный аспект заметен в гораздо меньшей мере. Уровень

---

[13] ВИНОГРАДОВ, В. С. *Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы)* [online]. Москва: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. [cit. 2020-02-05]. с. 18. Режим доступа www: <http://www.helpforlinguist.narod.ru/VinogradovVS/VinogradovVS.pdf>.
[14] ГАРБОВСКИЙ, Н. К. *Теория перевода*. Москва: Издательство Московского университета, 2007. с. 292.
[15] КОМИССАРОВ, Н. В. *Теория перевода (лингвистические аспекты)*. Москва: Высшая школа, 1990. с. 233.
[16] Там же. с. 234.
[17] Там же. с. 234.
[18] HRDLIČKA, M. *Literární překlad a komunikace.* Praha: ISV, 2003. s. 21.
[19] МИНЬЯР-БЕЛОРУЧЕВ, Р. К. *Теория и методы перевода* [online]. Москва: Московский Лицей, 1996. [cit. 2020-02-06]. с 189. Режим доступа www: <https://studfile.net/preview/4121905/>.
[20] ПРОХОДСКИЙ, А. Н. *Проблемы художественного перевода* [online]. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2008. [cit. 2020-02-06]. Режим доступа www: < https://otherreferats.allbest.ru/languages/00178338_0.html#text>.

вольности бывает разным, и результат, таким образом, представляет собой пересказ, адаптацию или парафразу.[21]

Адекватный перевод считается целью художественного перевода, заключая в себе воссоздание единства содержания и формы исходного текста.[22] При таком переводе достигается максимальный уровень эквивалентности. Переводчик сохраняет все значимые качественные аспекты оригинала, причем данный процесс можно назвать творческим воспроизведением.[23]

Хороший перевод читатель воспринимает не как перевод, а как подлинное произведение, возникшее на данном языке. Для того чтобы перевод был не только качественным, а именно адекватным, он должен соответствовать множеству требований. Если перевод соответствует трем главным критериям – естественности, тождественности значения и динамике, то читатель воспринимает языковое оформление перевода вполне органичным. Перевод на него одновременно оказывает то же влияние, как оригинал, и вызывает у него одинаковые реакции и эмоции.[24]

1.3 Классификация видов перевода

Существуют различные классификации видов перевода, причем виды перевода часто не совпадают по своим характеристикам. Мы приведем базовую структуру, указанную Н. В. Комиссаровым и определяющую две основных классификации перевода:

1. **Жанрово-стилистическая классификация** (по характеру переводимых текстов)
2. **Психолингвистическая классификация** (по характеру речевых действий переводчика в процессе перевода)

В первой классификации можно выделить *художественный* (*литературный*) и *информативный* (*специальный*) *переводы*, в то время как

[21] HRDLIČKA, M. *Literární překlad a komunikace.* Praha: ISV, 2003. s. 21.
[22] МИНЬЯР-БЕЛОРУЧЕВ, Р. К. *Теория и методы перевода* [online]. Москва: Московский Лицей, 1996. [cit. 2020-02-06]. с 188. Режим доступа www: <https://studfile.net/preview/4121905/>.
[23] HRDLIČKA, M. *Literární překlad a komunikace.* Praha: ISV, 2003. s. 22.
[24] KNITTLOVÁ, D., GRYGOVÁ B. a ZEHNALOVÁ J. *Překlad a překládání*. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2010. s. 14–15.

во второй выделяются по способу восприятия оригинала и создания переводного текста *письменный* и *устный переводы*.[25]

Для настоящей дипломной работы важна тема художественного перевода, поэтому далее мы будем рассматривать проблематику перевода литературных произведений.

2 Художественный перевод

Художественный перевод подразумевает перевод художественной литературы, для произведений которой характерна художественно-эстетическая или поэтическая функция и насыщенность языковыми средствами с временными семасиологическими связями, что ее отличает от остальных речевых произведений. Это вид речевой деятельности[26], заключающийся в возникновении речевого произведения на языке перевода, которое оказывает художественно-эстетическое воздействие на читателя переводного текста, на его воображение и чувства. С этим связаны отклонения от смысловой точности, обеспечивающие художественность перевода.[27]

Что касается функционально-стилистической стратификации русского языка, некоторые лингвисты специально выделяют язык художественной литературы, однако не все с этим согласны. Это самый подвижный и развивающийся стиль, для которого характерны необычность выражения и новизна, достигаемые посредством, например, синтаксиса, диалектизмов и средств художественной выразительности, т. е. эпитетами, сравнениями, метафорами, авторскими неологизмами, повторами, игрой слов, иронией и «говорящими» именами.[28] В художественной литературе употребляются разнообразные языковые единицы, в том числе нейтральные и стилистически маркированные, закрепленные за определенным стилем.[29]

---

[25] КОМИССАРОВ, Н. В. *Теория перевода (лингвистические аспекты)*. Москва: Высшая школа, 1990. с. 94.
[26] МИНЬЯР-БЕЛОРУЧЕВ, Р. К. *Теория и методы перевода* [online]. Москва: Московский Лицей, 1996. [cit. 2020-02-05]. с. 182. Режим доступа www: <https://studfile.net/preview/4121905/>.
[27] Там же. с. 94–97.
[28] ПРОХОДСКИЙ, А. Н. *Проблемы художественного перевода* [online]. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2008. [cit. 2020-02-03]. Режим доступа www: < https://otherreferats.allbest.ru/languages/00178338_0.html#text>.
[29] КАРДАНОВА, К. С. *Стилистические аспекты перевода*. Москва: Академия, 2010. с. 13.

В процессе перевода художественного текста меняются некоторые отношения и связи, разрушается связь с исходной культурой и одновременно возникает новое отношение к культуре принимающей. Перевод становится посредником для сближения двух разных культур.[30] По отношению к оригиналу он относительно свободен, так как переходит в принимающую литературную и социальную среду, в которой может быть воспринят другим образом по сравнению с исходной средой.[31]

В зависимости от принадлежности оригинала к определенному литературному жанру можно различить следующие подвиды – перевод поэзии, пьес, сатирических произведений, текстов песен и т. д., но такое деление только условно.

Общие переводческие правила и принципы приемлемы и для перевода художественных текстов, поскольку множество алгоритмов и явлений совпадает с переводом, который можно определить как перевод в сфере профессиональной коммуникации. Переводу художественных текстов нельзя обучить, он не поддается формализации в полной мере. Самое важное – художественное творчество.[32]

2.1 Эквивалентность, адекватность и оценка в контексте перевода литературных произведений

Что касается *эквивалентности перевода художественного текста*, ее можно разделить на два основных уровня, а именно *уровень языковых единиц* (грамматических, лексических, фразеологических) и *уровень творческий* (эквивалентность на уровне формальном, семантическом, функциональном и коммуникативном). Избранные переводчиком эквиваленты языковых элементов первого уровня можно оценить либо как правильные, либо неправильные. Перевод в рамках второго уровня считается результатом речевого творчества переводчика, и его нельзя назвать абсолютно правильным или наоборот, так как данный перевод является лишь одним из возможных вариантов интерпретации инварианта.[33] Выбор

[30] HRALA, M. *Současnost uměleckého překladu*. Praha: Československý spisovatel, 1987. s. 21.
[31] КАРАБУЛАТОВА, Ю. Ф. *Проблема перевода реалий в художественном тексте* [online]. Орск: Орский гуманитарно-технологический институт ОГУ, 2014. [cit. 2020-02-09]. Режим доступа: www: <http://elib.osu.ru/bitstream/123456789/96/1/2294-2297.pdf>.
[32] СУЛЕЙМАНОВА, О. А. *Грамматические аспекты перевода*. Москва: Академия, 2012. с. 11.
[33] KUFNEROVÁ, Z. *Překládání a čeština.* Jinočany: H & H, 1994. s. 109.

вариантных соответствий и подходящих трансформаций осуществляется с учетом контекста всего произведения.[34]

Следование только лингвистическому принципу (на языковом уровне) в художественном переводе, обычно приводящее к дословному, с языковой точки зрения точному, но в отношении к художественному тексту слабому переводу, не приемлемо. Переводчик передает характерные и важные черты исходного текста, но одновременно старается найти, к примеру, лучшие синонимы и художественные образы, отсылающие к тем же понятиям, как и оригинал.[35]

Однако чрезмерные поправки переводчика, основанные на субъективных, собственных соображениях, не считаются правильными. К примеру, сложный оригинал, наполненный символами, намеками и аллюзиями, нельзя в переводе упрощать с целью создания перевода, полностью понятного для всех читателей.[36] От объема всех изменений в переводе зависит его точность, так как в каждом переводе некоторая информация не воссоздается и исчезает, более того, появляется и новое, не встречающееся в оригинале.[37]

2.2 Интерпретация

Интерпретация включает в себя изобретательность, самостоятельное мышление и ответственность переводчика. Это одна из важнейших составляющих в процессе перевода литературного текста, представляющая суть художественного перевода. *Интерпретация литературного произведения* похожа на интерпретацию музыкального произведения, в котором именно от музыканта и дирижера зависит способ употребления разных средств музыкальной выразительности.[38]

При *интерпретации* играют роль два основных фактора, а именно переводчик и нормы с концепциями (языковые, литературные, художественные), относящиеся к данной эпохе, поэтому иногда наблюдается несколько *интерпретаций* одного произведения. У переводчика рождается представление о направлении перевода, определенное намерение, он вдохновляется текстом,

---

[34] ПРОХОДСКИЙ, А. Н. *Проблемы художественного перевода* [online]. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2008. [cit. 2020-02-03]. Режим доступа www: < https://otherreferats.allbest.ru/languages/00178338_0.html#text>.
[35] Там же.
[36] HRDLIČKA, M. *Literární překlad a komunikace.* Praha: ISV, 2003. s. 23.
[37] ПРОХОДСКИЙ, А. Н. *Проблемы художественного перевода* [online]. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2008. [cit. 2020-02-03]. Режим доступа www: < https://otherreferats.allbest.ru/languages/00178338_0.html#text>.
[38] PECHAR, J. *Otázky literárního překladu*. Praha: Československý spisovatel, 1986. s. 46.

однако его подход к оригиналу должен быть рациональным. На перевод оказывает влияние и эпоха. С одной стороны, «абсолютный» перевод, исключающий эпохой обусловленный взгляд на оригинал, невозможен. С другой стороны, такой взгляд не должен вести к неоправданным изменениям и сдвигам, немотивированным подлинником.[39]

Интерпретация может оказать большое влияние на направление перевода на читателя. Видение мира писателя и переводчика, и, соответственно, средства изображения при переводе сталкиваются. Идеалом является слияние с автором, требующее вживания, обоняния, выдумки, исканий, находчивости и остроты зрения, поэтому в переводе должна проявляться творческая индивидуальность переводчика лишь в той мере, в какой не заслоняет своеобразие автора оригинала.[40] Приемлема только *адекватная интерпретация*, допускающая несколько подходящих вариантных конкретизаций подлинника.[41]

Далее мы рассмотрим проблематику перевода отдельных явлений, встречающихся в повести «Школьники», в частности, *безэквивалентную лексику – реалии* и *иноязычные вкрапления*.

3 Перевод реалий

Наличие в оригинальном тексте *слов-реалий*, тесно связанных с теорией непереводимости, исключает возможность полноценного, адекватного перевода. Проблемой перевода реалий занимались, например, Л. С. Бархударов, А. В. Федоров, Я. И. Рецкер, С. И. Влахов и С. П. Флорин. Несмотря на то, что реалии как таковые являются непереводимым элементом, переводческая практика опровергла теорию непереводимости.[42]

Согласно «Толковому переводческому словарю», реалии обозначают *«слова или выражения, обозначающие предметы, понятия, ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке»*. Л. Л. Нелюбин приводит еще три других значения, называя *реалии разнообразными факторами,*

---

[39] HRDLIČKA, M. *Literární překlad a komunikace.* Praha: ISV, 2003. s. 27–28.
[40] ПРОХОДСКИЙ, А. Н. *Проблемы художественного перевода* [online]. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2008. [cit. 2020-02-01]. Режим доступа www: < https://otherreferats.allbest.ru/languages/00178338_0.html#text>.
[41] HRDLIČKA, M. *Literární překlad a komunikace.* Praha: ISV, 2003. s. 30.
[42] КАРАБУЛАТОВА, Ю. Ф. *Проблема перевода реалий в художественном тексте* [online]. Орск: Орский гуманитарно-технологический институт ОГУ, 2014. [cit. 2020-02-15]. Режим доступа: www: <http://elib.osu.ru/bitstream/123456789/96/1/2294-2297.pdf>.

изучаемыми переводоведением, *предметами материальной культуры* и *словами, обозначающими национально-специфические особенности жизни и быта*.[43]

По мнению С. И. Влахова и С. П. Флорина, слово *реалия*, важное понятие в теории перевода, не зафиксировано, в отличие от понятий *безэквивалентная лексика* и *экзотизмы*, близкими по значению. Это не все встречающиеся термины – другие лингвисты приводят следующие понятия: *неполноэквивалентная лексика*, *фоновая лексика, национальные словесные образы, бытовые слова, лакуны, локализмы, варваризмы* и др.[44] Й. Сипко предлагает термин *этнокультуремы*. В этих языковых элементах, стоящих в центре переводческого процесса, проявляется менталитет народа.[45]

По языковой форме к реалиям можно отнести не только слова, но и сокращения и словосочетания. Некоторые лингвисты сюда включают еще цитаты и крылатые выражения.[46] Такие *литературные языковые реминисценции*, по мнению Й. Сипко, несмотря на их переводы на другие языки, живут только в этническом сознании русских. Поэтому создание тождественного коммуникативного эффекта в переводе невозможно.[47]

3.1 Классификация реалий

Существуют разные классификации *слов-реалий*. К примеру, С. В. Влахов и С. П. Флорин приводят комплексную схему, распределенную на 4 разных деления – предметное, местное, временное и переводческое. Предметный принцип является самым главным для деления, так как в основе находится предмет или явление, называющие реалию. По предмету реалии делятся на три труппы:

1. **Географические реалии**

Географические реалии часто являются терминами и обозначают названия объектов физической географии и метеорологии (*тундра*), географических

---

[43] НЕЛЮБИН, Л. Л. *Толковый переводческий словарь*. Москва: Флинта: Наука, 2003. с. 178.
[44] ИВОЙЛОВА, Н. Ю., СМИРНОВА, А. А. *К проблеме перевода реалий в художественном тексте* [online]. Социальные и гуманытарные знания, 2017. Том 3. № 2. с. 183. [cit. 2020-02-15]. Режим доступа www: <http://j.uniyar.ac.ru/index.php/dnk/article/view/488>.
[45] СИПКО, Й. *Этнокультурный базис русско-словацких переводов*. Прешов: Наука, 1999. с. 132.
[46] ИВОЙЛОВА, Н. Ю., СМИРНОВА, А. А. *К проблеме перевода реалий в художественном тексте* [online]. Социальные и гуманытарные знания, 2017. Том 3. № 2. с. 184. [cit. 2020-02-15]. Режим доступа www: <http://j.uniyar.ac.ru/index.php/dnk/article/view/488>.
[47] СИПКО, Й. *Этнокультурный базис русско-словацких переводов*. Прешов: Наука, 1999. с. 11.

объектов, связанных с человеческой деятельностью (*арык*), и названия эндемиков (*снежный баран*).

2. **Этнографические реалии**

В данную группу можно отнести предметы и явления, связанные с бытом (*маршрутка*), трудом (*военрук*), искусством и культурой (*баня*), далее этнические объекты (*свибловские*), меры и деньги (*пятак*).

3. **Общественно-политические реалии**

Эта группа состоит из реалий, обозначающих административно-территориальное устройство (*губерния*), органы и носителей власти (*царь*), общественно-политическую жизнь (*помещик*), и еще из военных реалий (*полковник*).[48]

Большинство приведенных примеров реалий заимствовано из публикации «Непереводимое в переводе»[49]. В качестве остальных примеров употреблено несколько подходящих реалий из повести «Школьники». С нашей точки зрения классификация реалий более важна для переводоведения, чем для переводческой деятельности, поэтому для основного представления достаточно распределение реалий по предметному признаку.

3.2 Способы переноса реалий

Для подбора правильного способа перевода переводчик должен определить, важна ли данная реалия для поэтики переводимого текста. С. И. Влахов и С. П. Флорин в публикации «Непереводимое в переводе» приводят следующие способы переноса реалий.

Транскрипция и *перевод* являются двумя основными приемами переноса. *Транскрипция* состоит в перенесении реалии графическими средствами переводящего языка, как можно больше приближающимися к исходной фонетической форме (*ушанка – ušanka*). *Перевод*, названный также как *замена* или *субституция*, используется, когда *транскрипция* невозможна. Существуют разные способы перевода:

---

[48] ВЛАХОВ, С. И., ФЛОРИН, С. П. *Непереводимое в переводе*. Москва: Международные отношения, 1980. с. 50–56.
[49] Там же. с. 51–56.

1. **Введение неологизма**

Данный прием заключается в создании нового слова или словосочетания. Сохраняется содержание и колорит переводимой единицы.

Часто образуются *кальки* и *полукальки*. *Кальки*, слова, заимствованные путем буквального перевода, в большей степени сохраняют семантическое содержание (*перестройка – přestavba)*, но нередко происходит утрата колорита. *Полукальки* отличаются тем, что они отчасти заимствованы, но при этом содержат собственный материал (*Верховный совет – Nejvyšší sovět*).

Кроме того, используется *освоение*, подразумевающее адаптацию иноязычной реалии и ее уподобление нормам языка перевода (*пирожок – pirožek*).

Следующим видом перевода являются *семантические неологизмы.* Переводчик образует новую единицу, передающую смысловое содержание реалии. Данный неологизм не имеет этимологической связи с оригинальным словом. Помимо того, существующие слова могут приобретать новые значения (*банк данных*). Перевод реалий посредством создания неологизмов употребляется редко.

2. **Приблизительный перевод**

Часто употребляемый вид перевода воспроизводит в довольно высокой степени предметное значение, но колорит не удается сохранить.

В данную часть можно отнести принцип *родо-видовой замены*, заключающийся в замене реалии словом с более широким (более узким) значением, что можно назвать *генерализацией* и *конкретизацией*. На практике чаще применяется первый способ, когда заменяется видовое понятие родовым (*портвешок – vajno*).

Посредством употребления *функционального аналога* можно достигнуть одинаковой реакции у читателя, заменяя реалию понятием переводящего языка (*военрук – učitel branné výchovy*).

Описание (*объяснение, толкование, переводческая перифраза*[50]) следует использовать тогда, когда нельзя употребить остальные приемы (*тулуп – dlouhý kožich*).

---

[50] ГАРБОВСКИЙ, Н. К. *Теория перевода*. Москва: Издательство Московского университета, 2007. с. 484.

3. **Контекстуальный перевод**

Содержание реалии передается посредством не словарного перевода, а соответствия, значение которого вытекает из контекста (*сарафан – pytlovité šaty*).[51]

Приведенные примеры заимствованы либо из «Непереводимое в переводе», либо из повести «Школьники» и созданного нами перевода. При приблизительном и контекстуальном видах перевода теряется часть колорита, происходит нейтрализация. На практике изложенные методы в одном тексте комбинируются. По мнению Й. Сипко, семантика и осмысление некоторых реалий в конкретных культурно-исторических традициях различаются, что может привести к неправильному, неточному переводу.[52] Поэтому иногда переводчик должен использовать прием *опущения*, с одной стороны, снижающий познавательную ценность текста для нового читателя, но, с другой – достигающий основной функции художественного текста, функции поэтической.[53]

Реалии отражают национальный или исторический колорит, придавая тексту характерную окраску. В тексте они сливаются с другими словами, и не всегда несут семантическую и стилистическую нагрузку, поэтому нежелательное обращение внимания читателя на них может привести к нарушению необходимой составляющей адекватного перевода, равновесия между формой и содержанием.[54]

3.3 Перенос некоторых видов реалий

В данной части рассмотрим перенос некоторых видов реалий, встречающихся в повести «Школьники», точнее, проблематику перевода слов-сокращений, советизмов и наименований денежных единиц. Большинство примеров реалий заимствовано из повести «Школьники», в качестве остальных употреблены реалии из «Непереводимое в переводе»[55].

---

[51] ВЛАХОВ, С. И., ФЛОРИН, С. П. *Непереводимое в переводе*. Москва: Международные отношения, 1980. с. 79–93.
[52] СИПКО, Й. *Этнокультурный базис русско-словацких переводов.* Прешов: Наука, 1999. с. 8.
[53] ГАРБОВСКИЙ, Н. К. *Теория перевода*. Москва: Издательство Московского университета, 2007. с. 486.
[54] ИВОЙЛОВА, Н. Ю., СМИРНОВА, А. А. *К проблеме перевода реалий в художественном тексте* [online]. Социальные и гуманытарные знания, 2017. Том 3. № 2. с. 184–185. [cit. 2020-02-15]. Режим доступа www: <http://j.uniyar.ac.ru/index.php/dnk/article/view/488>.
[55] ВЛАХОВ, С. И., ФЛОРИН, С. П. *Непереводимое в переводе*. Москва: Международные отношения, 1980.

1. **Аббревиатуры (сокращения)**

Слова-сокращения, в которых реализуется языковая экономность, в большинстве случаев понятны для переводчика, так как их легко расшифровать. Трудности при переводе связны не с семантикой, а с подбором надлежащего эквивалента, межъязыкового синонима.[56]

Частотны аббревиатуры *инициального типа,* т. е. *с начальными прописными графемами* (*КГБ, ЦК*), переходящие в чешский язык в основном в советскую эпоху (*KGB, ÚV*), иногда даже без прямого перевода (*ГУЛАГ – GULAG*).[57] Такие аббревиатуры принято переводить аббревиатурой, уже наличествующей в языке перевода (*ВДНХ – VDNCh*). Если не существует эквивалентное сокращение или его по разным причинам нельзя употребить, применяется перевод развернутой формой, причем переводится исходная единица (*ПТУ – učňák*).[58]

Особенностью русского языка являются сокращения, образованные *от первоначальных (или первых двух) слогов*, огромное количество которых возникло во времена СССР (*военрук*). У некоторых слов-сокращений несколько значений, поэтому переводчик должен расшифровать данное сокращение (*военный руководитель*) и подобрать или создать соответствие согласно контексту (*učitel branné výchovy*). Существуют и лексемы, к примеру, *составленные из части первого и целого следующего слова* (*грампластинка – (gramofonová) deska*).[59]

Аббревиация – это нарушение языково-коммуникативных процессов. На примере романа «Доктор Живаго» Й. Сипко утверждает, что социальные аномалии и их отражение в языке связаны. Сокращения переносят насилие в обществе и насилие над языком.[60] Несмотря на это, аббревиатуры не естественны для художественной литературы, и их употребление в литературных произведениях связано с созданием местного и социального колорита, отражением атмосферы и др. Переводчик должен передать их доступными средствами, имеющимися в языке перевода.[61]

---

[56] ВЛАХОВ, С. И., ФЛОРИН, С. П. *Непереводимое в переводе*. Москва: Международные отношения, 1980. с. 314–315.
[57] СИПКО, Й. *Этнокультурный базис русско-словацких переводов.* Прешов: Наука, 1999. с. 51.
[58] ВЛАХОВ, С. И., ФЛОРИН, С. П. *Непереводимое в переводе*. Москва: Международные отношения, 1980. с. 316–317.
[59] СИПКО, Й. *Этнокультурный базис русско-словацких переводов.* Прешов: Наука, 1999. с. 51–53.
[60] Там же. с. 56–57.
[61] ВЛАХОВ, С. И., ФЛОРИН, С. П. *Непереводимое в переводе*. Москва: Международные отношения, 1980. с. 328.

2. **Советизмы**

Советизмы – это слова, связанные с эпохой СССР и социалистическим режимом. В переводе на чешский язык составляют меньше трудностей, чем их перевод, к примеру, на французский. Это обусловлено тем, что Чехословакия была социалистической республикой, и в чешский и словацкий языки из русского были заимствованы разные слова. Поэтому переводчику не надо задумываться над переводом слов *пионер* (*pionýr*) или *комсомолец* (*komsomolec*). Советизмы можно разделить на три группы. *Собственно советизмы* связаны с СССР (*совхоз – sovchoz*), *региональные советизмы* являются общими для всех социалистических стран (*субботник – subotnik*) и *интернациональные советизмы* получили широкую известность (*спутник – sputnik*). Как показано, на чешский язык они чаще всего переводятся с помощью транскрипции.[62]

3. **Наименования денежных единиц**

Наименования денежных единиц принято транскрибировать, так как они представляют собой своеобразный символ определенной страны или нескольких стран (*копейка – kopějka*). Иногда приходится использовать описание (*двушка – dvě kopějky*) или родо-видовое соответствие (*червончик – desetirublovka*).[63]

4 Иноязычные вкрапления в литературном произведении

Иноязычные вкрапления, термин, употребляемый С. В. Влаховым и С. П. Флориным, частично отличается от иноязычных и заимствованных элементов лексики и фразеологии, встречающихся в литературном произведении – экзотизмов, варваризмов и др. *Иноязычные вкрапления* представляют собой слова и выражения (даже пассажи или письма), приведенные в иноязычном написании или транскрибированные на языке, который отличается от языка оригинала.[64] И. Левый и М. Грдличка включают в данный разряд и *вкрапления диалектные* и *архаические*.

Классики русской литературы часто употребляли такие разнообразные вкрапления (главным образом на французском языке). В западной литературе

---

[62] ВЛАХОВ, С. И., ФЛОРИН, С. П. *Непереводимое в переводе*. Москва: Международные отношения, 1980. с. 141–147.
[63] Там же. с. 165–174.
[64] Там же. с. 263.

нередко наблюдались афоризмы, крылатые выражения или просто единичные слова на латинском и древнегреческом языках, что считалось признаком образованности.[65]

Писатели используют *иноязычные вкрапления* для отражения колорита и научной среды, добавления аутентичности и атмосферы, и создания элемента речевой характеристики. В нашей повести они придают оттенок комичности и иронии, так как в оригинале они переданы посредством транскрипции. В большинстве случаев такие вкрапления понятны для читателя, ознакомленного с тем, что персонажи произведения владеют соответствующим иностранным языком, могут на нем общаться или хотя бы его понимают. Однако встречаются и такие вкрапления, которые непонятны и становятся для определенного персонажа непостижимым шифром, приобретающим функцию, определенную Я. Шабршулой как „nocionálně-kryptická funkce“.[66]

С *иноязычными вкраплениями* или *вставками* переводчик может справиться по-разному. На выбор влияют языки, то есть исходный язык, язык иноязычного вкрапления и язык перевода, в частности, близкородственность к языку перевода или отдаленность от языка перевода первых двух. *Иноязычная вставка* может быть передана следующим образом[67]:

1. **Сохранение** иноязычного высказывания в переводном тексте в неизменном виде без дополнительных пояснений, или с дополнением примечания (перевода) и комментария
2. **Перевод**
3. **Транскрипция**

По мнению И. Левого, чужеродная языковая система (использование иностранного языка или местного диалекта) становится художественным средством, и поэтому она непереводима, так как в основе перевода лежит замена языкового материала. Такие вкрапления он предлагает перевести и намекнуть на

---

[65] ВЛАХОВ, С. И., ФЛОРИН, С. П. *Непереводимое в переводе*. Москва: Международные отношения, 1980. с. 262.
[66] HRDLIČKA, M. *Literární překlad a komunikace.* Praha: ISV nakladatelství, 2003. s. 111.
[67] АЛЕКСЕЙЦЕВА, Т. А. *Иноязычные вкрапления в переводе* [online]. Проблемы современной науки и образования, 2017. № 1 (83). [cit. 2020-02-03]. с. 80–83. Режим доступа www: <https://cyberleninka.ru/article/n/inoyazychnye-vkrapleniya-v-perevode>.

атмосферу чужеязычности сохранением кратких реплик, например, приветствий, и комбинировать их с пояснениями прямо в тексте.[68]

Нельзя сформулировать общие и абсолютно употребительные правила для передачи иноязычных вкраплений. Переводчик всегда должен искать оптимальный вариант для конкретного произведения, следуя креативному и чувствительному подходу.

5 Повесть «Школьники»

Данное произведение можно отнести к жанру *мемуарной повести*. В 90-е годы и другие писатели среднего поколения публиковали мемуарные повести о своем детстве, к примеру, А. Н. Варламов или П. М. Алешковский.[69]

Темой повести является детство и школа со всеми к ним относящимися драками, детскими глупостями и мелким хулиганством. В автобиографической повести «Школьники» взрослый герой вспоминает о своем детстве, о судьбе своей семьи, и на заднем фоне показана еще и судьба страны, бывшего СССР. Мальчику сложно включиться в коллектив, так как он чувствует, что другой, причиной чего является его неполная семья, к тому же, его внешность является не самой идеальной.[70]

Во-первых, повествование построено как движение вперед, когда автор описывает хронологические моменты вживания героя в окружающий мир, и, во-вторых, это и движение назад, так как описанные истории проникнуты мировосприятием уже взрослого повествователя, что в большей степени влияет на язык, а также на детали, на которые автор обращает внимание.[71] Главный герой – ребенок, мальчик, в дальнейшем подросток с московской окраины, и рассказчик – уже взрослый главный герой, демонстрирующий свой внутренний мир. У рассказчика довольно отстраненная позиция, исключающая более глубокое или в некоторых пассажах даже какое-нибудь проявление эмоций.

---

[68] ЛЕВЫЙ, И. *Искусство перевода* [online]. Москва: Прогресс, 1974. [cit. 2020-02-03]. с. 137–138. Режим доступа www: <http://padaread.com/?book=39638&pg=1>.
[69] БАСИНСКИЙ, П. В. *Переулок – не тупик* [online]. Новый мир, 2001. № 8. [cit. 2020-01-21]. Режим доступа www: <https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2001/8/pereulok-ne-tupik.html>.
[70] *Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги* [online]. Биобиблиографический словарь: в 3 томах. Москва: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. с. 6-9. [cit. 2020-01-21]. Режим доступа www: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10547>.
[71] РЕМИЗОВА, М. *Можно ли полюбить пионера-героя* [online]. Независимая газета, 1999. [cit. 2020-01-20]. Режим доступа www: <http://www.ng.ru/culture/1999-11-12/7_pioner.html?id_user=Y>.

По Олегу Павлову данное произведение – повесть, однако критик и писатель П. В. Басинский его называет скорее «историями» или «эпизодами», связанными и объединенными одним замыслом, заключающимся в показе драмы одного ученика.[72]

5.1 О редакциях повести

Повесть была впервые опубликована в 1999 году в журнале «Октябрь»[73]. На основе первой повести можно утверждать, что она является произведением *автобиографической ювенильной мемуаристики*. В первой главе автор оставил свое имя в обращении директора школы к главному герою *(«Павлов! Ну-ка подойди ко мне!»*). В следующей редакции повести, вошедшей в книгу «В безбожных переулках», изданной в 2007 году издательством «Время», уже обращение директора заменено на простое *«Ты! Ну-ка подойди ко мне!»*.[74]

Вторая редакция повести больше, в ее состав входит 8 глав, в то время как в первую редакцию – 6 глав. По всей видимости, во вторую редакцию была включена часть, точнее, редакция рассказа «Вниз по лестнице в небеса».[75] При жизни автора существовал веб-сайт «Проза Олега Павлова», где в открытом доступе можно было скачивать его книги и читать сведения автора к ним.[76] После его смерти сайт перестал существовать.

В основу настоящей дипломной работы легла вторая редакция рассказа, лучше отвечающая постановленной нами цели, а именно возможности будущего перевода книги «В безбожных переулках». Сравнивая первую и вторую редакции, мы обнаружили, что первая является более разговорной с точки зрения лексических единиц и синтаксиса, и благодаря этому ее язык воспринимается как более естественный. Во второй редакции в меньшей степени встречаются разговорные и просторечные слова, она насыщена в основном нейтральной лексикой, и, что

---

[72] БАСИНСКИЙ, П. В. *Переулок – не тупик* [online]. Новый мир, 2001. № 8. [cit. 2020-01-21]. Режим Режим доступа www: <https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2001/8/pereulok-ne-tupik.html>.

[73] ПАВЛОВ, О. О. *Школьники. Повесть* [online]. Октябрь, 1999. № 10. [cit. 2020-01-21]. Режим доступа www: <https://magazines.gorky.media/october/1999/10/shkolniki.html>.

[74] ПАВЛОВ, О. О. *Школьники* [online]. В безбожных переулках. Москва: Время, 2007. [cit. 2020-01-21]. Режим доступа www: <https://www.kodges.ru/static/read_5286_1_7.html>.

[75] ПАВЛОВ, О. О. *Вниз по лестнице в небеса. Рассказ* [online]. Новый мир, 2003. № 6. [cit. 2020-01-22]. Режим доступа www: <http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2003_1/Content/Publication6_3121/Default.aspx>.

[76] ЩЕРБИНИНА, Ю. В. *Сайт Олега Павлова: «Книги – это книги»* [online]. Литературная Россия, 2015. № 2011/18. [cit. 2020-01-22]. Режим доступа www: <https://litrossia.ru/item/5077-oldarchive/>.

показательно, сложными синтаксическими конструкциями. Возможно, некоторые изменения были предложены при редакции в издательстве «Время», но все-таки вторая повесть отличается не только языком, но и структурой. Уже нет возможности спросить у автора о том, почему он решил резко поменять язык повести, влияющий на восприятие произведения читателем.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

1 Překlad povídky

Oleg Pavlov – Školáci

1

Do třídy mě dovedli během vyučování. Věděl jsem, že máma ještě zůstala stát za dveřmi. Děti se otočily. U tabule strnul žák s křídou v ruce. Mladá, ale nehezká učitelka, co se jmenovala Roza Fjodorovna, mě vyzvala, abych nahlas řekl svoje jméno a příjmení. Třída ztichla. Z poslední lavice se na mě šklebil kluk, kterého se asi dotknul můj příchod. Naparoval se a šilhal očima ke kořenu nosu… V tom vyhrkl: „Brejloun!“. Všichni se začali smát. Učitelka ho švihla ukazovátkem po zádech, až se z toho zkroutil. Nervózně, zato pevně a silně mě popadla za ruku a posadila mě do prázdné lavice ve vedlejší řadě. Ten potrestaný umíněný kluk mě celou hodinu nenechal na pokoji, pitvořil se a prskal, nadával mi do „brejlouna“ a „špekouna“. A to se mi stalo poprvé. Do té doby jsem nebral svoji tloušťku nebo to, že nosím brýle, jako něco, kvůli čemu bych měl být urážen.

Zazvonilo. O přestávce jsme se do sebe pustili na chodbě nacpané dětmi a váleli jsme se po zemi, dokud nás od sebe neodtrhli dospělí. Pak mi začali nadávat ještě jiní kluci. Běhali za mnou a řvali na celé kolo další tři nebo čtyři. Ten uličník byl jejich šéf. Nemotorně jsem se vrhal do hloučku kluků, ale ti z toho měli akorát ještě větší srandu. Prudce se rozeběhli, jako když se rozsypou korále. Snažil jsem se je dohonit, ale protože to nešlo a zadýchával jsem se, málem jsem se rozbulil.

Ten kluk, co jsem se kvůli němu trápil, se jmenoval Kosťa. Jeho příjmení, Křivonosov, bylo pro děti legrační, něco jako nadávka. Ale Kosťa bral svůj nos vážně a všechny ve třídě nutil, aby uznávali jeho zvláštní tvar. Prali jsme se o všech přestávkách. Lehce se vyhýbal mým výpadům a já jsem ani nevnímal bolest, když do mě bouchal, jen jsem víc a víc zuřil. Zato když jsem mu nadával, že má křivý nos, a vysmíval se přitom i jeho příjmení, míval jsem nad ním navrch zase já. I když jeho nos, navíc rozpláclý jako kachní zobák, byl tak jako tak směšný. Ze školy jsme chodili stejnou cestu. Zase jsme se do sebe pouštěli a prali se, až jsme se při těchto našich osamělých soubojích najednou sblížili a skamarádili.

Po vyučování jsme si to mašírovali k němu nebo ke mně domů. Tak jsem se dozvěděl, že žil taky jenom s mámou. Naše mámy pracovaly, ale ta jeho mu vždycky nechala vzkaz. Každý den mu napsala, co si má dát na oběd a udělat doma.

V cizím bytě bylo hodně zvláštních věcí, třeba pianino nebo gramofon s deskami. Kosťa měl svůj pokoj a v jeho rohu svoji postel s přehozem. A nad postelí visely na dosah ruky poličky s pestrobarevnými knihami, fotografiemi různých lidí a malými suvenýry, které vypadaly jako hračky. Táhlo mě to ke všemu cizímu. Hraní s cizími hračkami. Povídání s cizí mámou, když se na něco ptala. Rád jsem jedl cizí jídlo… Kosťův oběd jsme si mezi sebou spravedlivě rozdělovali.

V kuchyňské skříňce jsme našli láhev vína, kterou, jak se nám zdálo, jeho máma schovávala. Tohle víno jsme na tajňačku popíjeli. Odměřili jsme si, kolik tekutiny bylo v láhvi, a Kosťa rozlil kyselé červené vínko do štamprlí. Tuhle trošku jsme ještě ředili vodou, protože jsme se báli, že se opijeme. Ale stejně jsme si představovali, že jsme opilí, a byt jsme vždycky obrátili vzhůru nohama. To jsme po sobě takhle jednou cákali vodu, až to odneslo pianino. Dostali jsme strach, a tak jsme ho utřeli dosucha, ale pianino se rozbilo. A to nešlo utajit.

Protože jsem měl pocit viny, vzal jsem Kosťu k sobě domů, kde jsme udělali potopu. Ani ne tak naschvál, prostě jsme si hráli. Stříkali jsme po sobě vodou ze sprchy. Podlahu v kuchyni a na chodbě jsme zaplavili teplou vodou, vymáchali se v ní a zmáčeli se skrz naskrz. Bosí jsme chodili po vodě. Z už beztak vlhkého bytu v přízemí stoupala pára, jako by tam bylo termální jezero. Dokonce se zdálo, že voda přibývá sama od sebe. Nabírali jsme ji talířky přímo z podlahy a dlouho jsme s tím nemohli nic udělat. Kosťa najednou řekl, že když vodu zasypeme cukrem, tak musí zmizet. Vypařit se. Rozsypali jsme po té vodě, rozlité okolo, všechen cukr, který jsme našli v kuchyni. Hnedka se v ní rozpustil, a to vůbec nebylo podle našeho plánu. Dál jsme z podlahy smutně nabírali teď už úplně odpornou břečku. Tak nějak jsme vysušili byt. Bosé nohy se lepily ke sladké podlaze, a to pro nás bylo zvláštní i legrační zároveň, byli jsme jako cizinci, co se prochází po jiné planetě.

Když přišla máma z práce, nevšiml jsem si únavy v jejích očích a nepochopil jsem, že kvůli ušlechtilému činu pro svého kamarádíčka na ni takhle k večeru nakládám ještě vytírání podlahy. Pokorně jsem čekal na potrestání. Ale máma, jen co si oddychla, až do noci mlčky likvidovala to, co jsme s Kosťou napáchali v bytě. Nebylo si čím osladit čaj. Tak jsme ho pili hořký, neoslazený, a já jsem tu hořkost snášel s hrdostí a údivem, že mě máma opět nepotrestala za to, co jsem udělal.

Stejně jsem Kosťu považoval za toho šťastnějšího, dokonce i potom, co mi řekl, že už to je hodně dávno, co jeho opravdová, vlastní máma umřela. Tušil jsem, že je to tajemství, a neprozradil jsem ho, i když jsem nechápal, jakou teda ještě mohl mít Kostík mámu, kromě té, kterou jsem viděl, a proč vzpomínal na nějakou paní. Udržel jsem tohle tajemství, dokud jsme se neporvali. V zimě. Už se stmívalo, když jsme po našem odpoledním vyučování vtrhli do školního dvora. Z nebe se sypal sníh. Dvůr tonul v nadýchaných bílých vločkách, ale zimní vzduch byl mlhavý a šedavý, jako rozdrápaný do krve od padajících střípků sněhových vloček. Několik dětí se začalo koulovat. S Kosťou jsme se taky ze srandy prali a převalovali ve sněhu. Porazil jsem ho. Odběhl do houští za ostatními a najednou nahlas vykřikl: „Tvoje máma nasává!“ Pocit na zvracení ve mně rychle vystřídal záchvat zuřivého vzteku, ale Kosťu jsem stejně nechytil, protože jsem byl neohrabaný. Pořád jsem rozzuřeně běhal a běhal za tím hbitým a mazaným klukem, který přede mnou utíkal a zlostně vykřikoval furt to samé dokola, až jsem to nevydržel a vítězoslavně zakřičel: „A tvoje máma umřela! Malej sirotek! Malinkej sirotek z děcáku!“ Kosťa se zastavil a skočil na mě. A v tu chvíli už ne já, ale on bulel kvůli tomu, co uslyšel, řval tak hrozně, jako by ho na nože brali.

Tenhle jeho řev mě tak vylekal, až jsem se dal na útěk, abych se zachránil, ale zbytečně. Kosťa si na ledu narazil záda. Od sebe nás odtrhla strašná obrovská ženská – ředitelka školy. Vyřítila se do dvora jen v šatech, čapla nás za krk jako štěňata a táhla nás do úplně prázdné vytopené školy, kde se dunivě ozýval každý zvuk. Zdálo se nám, že nás tohle vypasené stvoření obrovských rozměrů zhltne. Její vlasy měly šílenou načervenale zrzavou barvu, jako by hořely. Všemocná bytost nás propustila živé, ale nařídila, aby rodiče zítra přišli do školy.

Potulovali jsme se v zimním soumraku, připomínajícím hlubokou věčnou tmu, a přemýšleli jsme o tom, že to bude něco hrozného, jestli naše mámy půjdou za ředitelkou, jako by si šly vyslechnout ortel. Nemohli jsme zastavit čas, a tak jsme se ho s Kosťou rozhodli obalamutit, dělat, že tenhle den vůbec nebyl. Navzájem jsme si přísahali, že našim mámám nic neřekneme. Další den jsme čekali, že za námi ředitelka přijde do třídy, a umírali jsme strachy, když jsme zaslechli kroky. Ale mohutná hrozná ženská na nás zapomněla.

Netrvalo dlouho a k ředitelce jsem stejně musel kvůli rozbitému sklu ve třídě. Jeden kluk, Rjabov se jmenoval, do mě vrazil a já jsem se svalil na prosklenou skříň. Rjabov utekl a Roza Fjodorovna popadla za límec mě. V prosklené skříni narvané učebnicemi byla tak velká díra, že to spíš vypadalo na krádež, než že se jen rozbilo sklo.

Někam mě vlekli. Přivedli mě do velké ředitelny, kde seděla ona, ředitelka školy, s nakrčeným obočím. Roza Fjodorovna jí něco pošeptala do ucha, ředitelka zrudla vzteky, a jak jsem tam tak stál jak solný sloup, omráčila mě nelítostným bezútěšným řevem: „Nechám tě předvést na milici, tam tě vychovají! Ať přijde matka do školy!“

Přišel jsem domů a celý večer jsem se klepal strachy. Čekal jsem, že si pro mě přijdou. Zhasnul jsem v pokojích, aby si mysleli, že nikdo není doma, a taky jsem nenápadně vyvěsil sluchátko, aby nezačal zvonit telefon. Máma si nevšimla, že je něco špatně.

Nedokázal jsem ze sebe dostat, že si ji k sobě předvolala ředitelka školy. Den za dnem jsem to tajil. Do školy jsem chodil, protože jsem se bál tam nechodit, a ve vyučování jsem seděl polomrtvý strachy. Věřil jsem, že tahle statná ženská s hustým obočím mě může vzít mámě a nechat zavřít na milici. Škola a milice si byly v mých představách podobné – místo, kam člověk jde, i když nechce, protože ho k tomu donutí všichni ostatní, kteří jsou silnější než on sám. Sice jsem toho o milici moc nevěděl, ale moc dobře jsem si pamatoval, jak právě tohle slovo naháněla hrůzu tátovi. Pamatoval jsem si, jak zneklidněl, když máma vyhrožovala, že zavolá milici. Věděl jsem, že milice může někoho sebrat, a myslel jsem si, že nadobro. Taky jsem si myslel, že milice je něco jako temná místnost, kde člověka trestají tmou, skrývají před příbuznými, drží od domova a nedávají mu najíst. A tohle všechno až do konce života.

Slovo milice mi uvázlo v uších. Později jsem začal trochu koktat, a potom, po mnoha letech, jsem se zakoktával, když mě něco rozrušilo nebo když jsem se bál.

Jmenovala se Alla Pavlovna. Když jsem slyšel její hlas, cítil jsem se najednou jako sirotek. Byla schopná řvát na kohokoliv. Bylo to, jako by snad rozhodovala o životech dětí. Rodiče jí ustupovali, takže jsme pořád vídali totéž, jak muž nebo žena osamoceně čekají před dokořán otevřenými dveřmi ředitelny, jako by si měli vyslechnout rozsudek. Na rozbité sklo Alla Pavlovna nezapomněla. Ať jsem se před ní schovával sebelíp, stejně se do mých zad opřel hluboký bas: „Ty! No tak, pojď za mnou!“ Podlamovaly se mi nohy, ale musel jsem se přiblížit k té břichaté hoře: „Kdy přijde matka do školy? Buď ať to zaplatí, nebo nechá zasklít.“ Neopovážil jsem se jí odpovědět. Ani jsem si nedovolil se na ni podívat, protože v tu ránu bych úplně zkameněl.

Každé ráno ředitelka vítala žáky u vchodu do školy. Úplně všichni od prvního až do posledního kolem ní museli projít, ukázat jí přezůvky, a vlastně i sami sebe, jako by vcházeli z jednoho světa do světa jiného, ve kterém se zavazovali, že nebudou lenošit, budou se učit, poslouchat a dobře se chovat. Dokonce i boty jsme si schovávali do sáčků

a na znamení pokory si nazouvali pantofle. Všichni hlasitě a snaživě zdravili: „Dobrý den, Allo Pavlovno!“ Zdálo se, že nevidí a neslyší. Zato školní zdi se z ničeho nic otřásaly jejími výkřiky: „Ať přijde matka do školy! A otec taky!“

Neměl jsem otce. To, že někdo neměl tátu, se všechny děti ve třídě dozvídaly tím nejobyčejnějším způsobem. Všichni svačili. Školní svačina stála tři rubly a pár kopějek měsíčně. Dětem z neúplných rodin platil školní svačinu stát. Roza Fjodorovna s tím nedělala cavyky a peníze vybírala přímo ve vyučování. Procházela mezi lavicemi s igelitovým sáčkem v ruce, takže všichni viděli, že někteří do toho sáčku nic neházeli. Když nebylo dost párků nebo karbanátků pro celou třídu, tak jsem měl vždycky pocit, že jsem snědl cizí jídlo, které měl dostat ten, komu svačinu zaplatili rodiče.

2

Školní zahrada na jaře rozkvétala, kvetly v ní staré jabloně a byla tam spousta zastrčených míst.

Jen spadané ovoce na podzim lákalo hejna ptáků, jinak zahrada pustnula v zapomnění. Bobule trnitých, divoce rostoucích šípkových keřů, které obrůstaly školní plot, v září ronily kapičky krve sladkokyselé chuti. A všichni ty šípky žvýkali, dokonce i v hodinách.

U školy bydlela školnice, která stejně jako čarodějnice naháněla strach tím, že ven vycházela jenom s koštětem anebo v zimě s lopatou. V jakémkoliv počasí tiše dělala jednu a tu samou práci, při které zpod omotaného šátku šlehala očima po povykujících školácích. U téhle ženské, celé nateklé a červené, jako by ji poštípaly včely, žila asi tak šestiletá, drobná a zrzavá holčička, která se jako zvířátko ostýchala všeho kolem sebe. Vedle ní se navíc věrně motal malý voříšek bez ocásku. Všichni školáci pejska znali a on se ke všem hloupoučce lísal. Toho, kdo mu dal něco na zub, vítal radostným vytím jako svého dobrodince – plazil se k němu skoro až po břiše, vrtěl pahýlem ocasu, jako když se houpe kyvadlo kukaček, klepal se a u nohou se úplně tiskl k zemi. Mladší ho hladili, mačkali a brali jeden druhému. Ti starší, zoufalí posměváčci, štěkali a dělali strašné ksichty, kvůli kterým vořech trpěl a šoural se pak zpátky. Ale jen co tupci, kteří běhali za školu na kouřovou, zmoudřeli, začali si hledat zábavičku na úrovni, s hlubším smyslem. Nalákali pejska k sobě a do tlamičky mu vydechovali dým tabákového kouře. Psíček kýchal, zoufale vyl a upaloval ke své paničce, k dceři školnice. Zrzavou holčičku to šílené vytí a pohled na k smrti vystrašeného milovaného pejska trápily tak, až se rozbulila. Jak

ten zoufalý pláč uslyšela školnice, s pusou dokořán těžkopádně vyběhla ze svého brlohu a hned začala holčičku utěšovat, chlácholit a utírat jí slzičky zástěrou.

Ale pes vyl a holčička dál a dál plakala…

Fádní velikánskou budovu školy zdobily reliéfy s významnými ruskými spisovateli. Postavy, které nad hlavním vchodem na úrovni prvního patra vystupovaly ze zdí, si koukaly na záda. Až jednou na jaře podnapilý učitel branné výchovy ustřelil Gorkému nos. To tenkrát sráželi rampouchy z říms a střech, ale ten nejnápadnější zůstal trčet Gorkému na nose. Hořel na něm plamínek slunečních paprsků, takže se roztékal jako svíčka, a dokonce hrozilo, že někomu spadne na hlavu.

Učitel branné výchovy se sám vnutil k tomuhle hrdinskému činu, protože se chtěl zavděčit Alle Pavlovně. Sliboval, že rampouch sejme výstřelem z malorážky. Ve školním dvoře se shromáždil dav zvědavých žáků, kteří se chtěli podívat, jak střílí z pušky. Sama Alla Pavlovna zmerčila rampouch, spočítala mu to a pak jen samolibě čekala.

Vypadalo to, že se učitel, plukovník ve výslužbě, o kterém se nevědělo, v jakém vojsku vlastně sloužil, poprvé za krátkou dobu svého učitelování odhodlal předvést střelecké umění v reálu. Byl dost nervózní a tvářil se strašně důležitě. Vypadal jako udělaný trpajzlík, s hrudí jako krabí krunýř a rukama jako klepeta, a v obličeji byl celý rudý, jako by vylezl z vařící vody.

Výstřel nikdo nepostřehl, jako by snad puška spolkla kulku, místo toho, aby ji vyplivla. Všichni byli svědky toho, jak se nos z ničeho nic odloupl od reliéfu, upadl a rozbil se.

Učitel se znemožnil. Nešťastný plukovník se v tu ránu ukázal jako úplný packal, a co víc, zohavil přední fasádu školy a způsobil jí tak velkou škodu. Nos však za ty roky stejně nenechali opravit. V zimě Gorkému dorůstal nos z ledu a na jaře zase roztával. Jen jsme se podívali nahoru a hned jsme si vzpomněli na plukovníka ve výslužbě, ubohého skrčka, který jednou jedinkrát vystřelil a přede všemi se ztrapnil.

Z nějakého důvodu nám jich všech bylo líto. Učitelek s křídou v ruce, hlavně těch, co učily matematiku, protože chtě nechtě vypadaly jako šmudly. Křída jim rozežírala ruce, až se vysušily a zhrubly jako ruce malířů. Taky se drolila přímo z tabule, kterou učitelky nepřítomně zaplňovaly čísly jako tvář neštovice, a zažírala se do oblečení. Hodně vyučujících mělo ve třídách vlastní děti. Tihle žáci přidávali roky unaveným postarším učitelkám, které k nim upjatě skrývaly mateřské city. Všechny vyvolávaly své děti příjmením jako cizí, a dokonce jim za ukázkovou odpověď dávaly špatné známky, aby to vypadalo, že jsou spravedlivé.

Jen mlaďounké pančelky, které učily cizí jazyky a na hodinách vrkaly jak rodilé Němky nebo Angličanky, se k žákům měly tak nějak něžně, a za tuhle svou uklidňující slabost byly oblíbené. Ale jak rychle se všechny ty stejně hodné učitelky objevovaly, tak rychle mizely. Bývaly dlouho na mateřské, a kvůli tomu jsme pokaždé cítili jakousi žárlivost. To se ale netýkalo Katěriny Ivanovny.

Rauch neboli Raušice, jak se jí tajně říkalo, byla rodilá Němka s mastným ospalým bezduchým obličejem, co se po škole pohybovala pomocí tlustého ukazovátka, o které se opírala jako o hůl. Před ukazovátkem se prvně objevovalo její břicho, vznášelo se nízko nad zemí jako horkovzdušný balon. Tenhle létající balon na sebe bral ovocné barvy jejích šatů jako chameleon, někdy malinovou, jindy zase višňovou nebo meruňkovou. Všechny tyhle pytlovité šaty s rukávky byly ušité podle jednoho střihu, a navíc byly všechny ze stejné staromódní látky, z umělého krimplenu.

Ukazovátko používala i na hodinách německého jazyka, který jsme jinak mohli slyšet jenom ve filmech o fašistech. Důkladně, a dokonce tak nějak bez nenávisti, ho vtloukala do hlav svých oveček. Zato pouštěla hrůzu, když si zjednávala pořádek. Dobrácky usínala, ale jen co se ve třídě ozval nějaký rušivý zvuk, její víčka se rozlepila a hora lidského masa se dala do pohybu. Chrlila jako sopka: „Achtung!“ Všichni strnuli strachy, a to Raušici uklidnilo, zvlídněla a žáka, který se u tabule mezitím pokřižoval, vyměnila za dalšího.

„Bitte, bitte…“ mířila na nás ukazovátkem, protože si dávno nepamatovala naše jména. Vyvolaný prošel z boku, aby se vyhnul ukazovátku, a jen co si u tabule stoupnul za tím impozantním kolosem s rukama sepjatýma jako mnich, začal odříkávat stejný naučený úryvek nebo báseň v němčině. Mohli jsme to poplést a plácat blbosti ze skřehotavých slov, hlavně se ale nezadrhnout, nepřestat mluvit. To Raušice nemohla vystát. Když někdo zmlkl, probudila se, celá zrudla a řekla: „Ajn, cvaj, draj – das koridor zajn!“

Kdysi pobývala v Německé demokratické republice, vlastně jen v jednom městě, v Drážďanech. A když se název tohohle města najednou objevil v učebnici, probudila se, na něco si vzpomněla a povzbudivě, jako by souhlasně, pronesla: „Jaaa, jaaa… Drezdn ist gute štat!“ Sama německy opakovala pořád stejných deset vět, které se podobaly příslovím. Rusky hovořila ještě lenivěji a stručněji, a když začala mluvit, bylo to, jako by se musela vynořit z nadpozemského, velmi hlubokého snu.

3

Skoro všechny ulice v moskevské čtvrti Sviblovo, v téhle bývalé vesničce, byly, neznámo proč, pojmenovány podle letců nebo mořeplavců, a taky podle polárníků, tak třeba Amundsenova, Nansenova nebo Děžňovova ulice… I betonové panely bytovek připomínaly hřbitov dávno mrtvých dobyvatelů Arktidy. Ledová pustina, která křehla ve vesmírném větru a ležela na kosmické zmrzlé půdě někde v mlze, byla pro lidi neobyvatelnou. Ale samotáři rodu lidského tam stejně pobývali a usmysleli si, že všem těm objevitelům najednou vzdají hold přehlídkou příliš krátkých a úplně stejných ulic, ve kterých se zpod asfaltu pořád ještě draly na svět nějaké výhonky a lopuchy, a dopřejí jim věčný klid zrovna tady.

V téhle moskevské čtvrti se usadili Tataři, kteří sem byli přestěhováni v šedesátých letech z čtvrti Marjina rošča. Kromě Tatarů tu žili vesničané, kteří obývali vesnici Sviblovo do té doby, než byla zbourána. Ve Sviblově byly dvě školy – naše, „dobrá“, a ta, o které nám říkali, že se v ní dá naučit jen to špatné. Rodiče mnoha dětí kdysi chodili do naší školy, která byla postavena jako první, ještě, než se do pětipatrových chruščovských paneláků nastěhovali noví obyvatelé. Ty, o kterých se toho moc nevědělo, do školy nepřijímali rádi, jako by z donucení, protože se nastěhovali do Sněžné a Serebjakovovy ulice, které spadaly pod naši školu. Sedovova a Rusanovova ulice zase patřily pod tu školu, kterou nás strašili.

Vztek rozdělil uličky, v létě prašné a prázdné a v zimě úzké kvůli závějím, na naše a jejich. Našich chlapců, kteří začínali nasávat a které čekala buď basa, nebo vojna, jsme se báli. Když se sešla tlupa, odchytávali jsme okolo domů cizáky a pak je mlátili. Ti, co se vrátili z vojny, si pořídili rodinu a začali pracovat. Tam, kde pracovali otcové, pracovali i synové. Místní muži si brali Tatarky, Tataři se zase ženili s místními dívkami, žili prostě a pak umírali. Po vesnici tu zůstal bezejmenný hřbitov za roklí u říčky Jauzy, tam, kde končily domy. Kříže i plůtky okolo hrobů oranžově rezavěly a hřbitov tak zdálky připomínal skládku starého železa, kde pohřbívaly a jen tak si přisvojovaly kousky země jenom rodiny původních obyvatel, kteří dožili svůj život už ve městě starců a stařen.

Po tom, co jsme si ve škole odbyli svoje povinnosti, jsme nehledali svobodu a volnost mezi domy, ale na nezastavěných místech, kde už nebyly novostavby – v roklích, po obou březích dříve hluboké, ale pořád ještě vábící řeky Jauzy, a taky u dvou rybníků o velikosti fotbalového hřiště. Tam jsme se v létě koupali a v zimě odhrnovali sníh z ledových plácků a bruslili. Na lesnatém kopci nad tím rovným úpatím, kde se Jauza

vinula jako jedovaté zakalené hádě, ale pak byla zahnána do kanálů, pod zem, a vylévala se zpět ve dvou rybnících, vyčnívala opuštěná usedlost sviblovských statkářů s rozbořeným kostelem, který měl odřené kamenné zdi a proražené temeno kupole, připomínající lebku. Nesl se odtamtud jenom křik vran.

Z vesnických domů, které kdysi stály okolo usedlosti a pak vedle jejích ruin beze stopy zmizely, zůstaly podzemí a sklepy. Hledali jsme zapadlé vchody, které už byly pokryté drny a srovnané se zemí, a stávalo se, že jsme se přitom i propadli do země. Proto jsme se té opuštěné statkářské usedlosti báli. Měsíc co měsíc se v lese na kopci, v tom, co zbylo z usedlosti a rozpadlého kostela, našla mrtvola. Nejednou jsme viděli milicionáře, připomínající houbaře, jak se tu potulovali, pročesávali okolí a snažili se najít stopy dalšího zločinu.

Bydleli jsme asi třicet kilometrů od Rudého náměstí a Kremlu, ale to, jak vypadají, jsem věděl jen podle obrázků. Okolo jako by ani nebyla Moskva. Cizí stejné čtvrti, ta samá předměstí, kde končily linky metra, pokud tam teda vůbec vedly. Nad všemi domy ve čtvrti se vypínal patnáctipatrový věžák. Z jeho střechy bylo vidět modravé a vlnící se moskevské moře, co se na obzoru táhlo skoro až do výše nebe, s tisícovkami vzdálených domů, které vypadaly jako odplouvající lodičky.

Moskva jako vtahující propast začínala zdálky vábit rajskými plody Botanické zahrady a pompézně zhýralým babylónským kolosem výstaviště VDNCh. V Botanické zahradě jsme setřásali jablka, ale na výstavišti jsme se mohli přiživit o něco líp. Ze školy jsem znal kluky, co tam chodili a vraceli se se žvejkačkami nebo se zahraničními mincemi. Vyměňovali je s cizinci za sovětské odznaky. Spolužák mě naučil, jak se to dělá, a já, hned jak jsem si pořídil desítky odznáčků s Leninem, jsem taky začal chodit na VDNCh, protože jsem toužil po vlastní sbírce mincí.

Všude tam byla slyšet cizí řeč. Kolem cizinců se hemžily skupinky vlezlých domýšlivých dětí, pořád se jim pletly do cesty a obzvlášť hustě obsypávaly všechny cizince tmavé pleti. Bály se jenom milicionářů. Bylo mi jasné, že to, co dělám, je špatné, a taky jsem měl strach, když jsem se dychtivě motal pod nohama zahraničních turistů a lákal jsem je na vyrýžované zlaté odznaky, které jsem měl připíchnuté na vnitřní straně školní bundy. Černoši mi nevadili a ostatní jsem jako by podváděl, protože jsem si myslel, že cizinci jsou nepřátelé naší země. Usmíval jsem se na ně a dovoloval jsem jim být v mé blízkosti jen kvůli penízku nebo žvejce. Nikoho ani nenapadlo považovat výměnu odznaku za minci za nevyrovnanou, vždyť za odznáček s Leninem jsem v trafice utratil svých patnáct kopějek a vůbec jsem nechápal, že ta malá mince, za kterou jsem odznak

za pár drobáků vyměnil, nebyla nic jiného než americký dolar… Nikdo z nás neměl ani tušení, kolik a v jaké měně si výměnou za laciné odznaky ten den nahrabal. Klidně se mohlo stát, že potom jsem už na školní chodbě ty americké dolary, kterých jsem měl fůru, s radostí vyměnil za české koruny. A taková africká mince s nějakou palmovou větvičkou se měnila nejen za amerického strejdu, ale taky kanadského jelena. Bylo zvláštní, že si cizinci většinou odznak nevzali a minci nám jen tak nechali. Nešlo mi na rozum, proč jsou tak hodní.

Až mě jednou u hlavního východu z výstaviště, přímo pod kolonádou, nějaký muž v civilu popadl za rameno a někam mě táhl. Okolní dav znervózněl. Muž se mě snažil uklidnit, ale přitom sám vyděšeně drmolil: „Klid, občane, klid… Jsem spolupracovník…“. Vlekl mě do nějaké místnosti za pokladnami, kde už sedělo na lavičce asi deset chycených dětí a taky stálo několik milicionářů s tamtěmi v civilním oděvu.

Při pohledu na milicionáře jsem se v tu ránu začal strašně stydět a bát. Všichni caparti se naříkavě rozfňukali. Milicionáři nevěděli, co dělat, ale ti v civilu zvlídněli a začali nás utěšovat. V tu chvíli jsem začal tušit, že nás nepotrestají… A nastalo čekání na odpuštění, jako bychom měli všichni hlad a čekali, že nám dají najíst. Jeden v civilu se zeptal, zda jsou mezi námi pionýři. Všichni jsme společně odpověděli, už pionýrským způsobem: „Zdeee.“ Muž začal mluvit jako pionýrský vedoucí, že cizincům vůbec nešlo o nějaké odznaky, ale brali to tak, že nám, sovětským dětem, dávají almužnu jako žebrákům. Hanbou se mi rozhořela tvář, cítil jsem, jak ve mně koluje horká krev a spaluje všechno uvnitř. Děti si stouply do řady ke stolu, vysypávaly mince a odevzdávaly žvejky. Z pocitu, že teď ve mně i ve světě už bylo všechno tak, jak má být, se mi chtělo dát pusu těm dobráckým strejčkům. Taky jsem živě vnímal, že se moje duše očistila. Po jednom nás začali propouštět. Každý dal čestné slovo, že už nikdy nepůjde na výstaviště kvůli mincím. A já jsem se vyhýbal cizincům ne ze strachu, ale protože jsem se jich štítil, bál jsem se té jejich proradnosti, kterou maskovali dokonalým vzhledem a úsměvy.

4

Tenkrát asi osm lidí, všechny, co ještě nebyli v pionýru, zavedli do pionýrské místnosti jako do umýváren… Do té doby mi takhle bylo jen na letním pionýrském táboře, když došlo na koupací den. Styděl jsem se společně se všemi dětmi svléknout donaha, ale zároveň to bylo vzrušující. To takhle poprvé v životě zbídačeně držíte v rukách ručník a mýdlo, děláte si hlavu z toho, aby na vás nenašli nějakou vadu, kvůli které by se vám

začali posmívat, a zároveň tušíte, že to celé je jako zkouška. Ale jak se umyjete, máte pocit čistoty, až do večera z toho jste celí pryč, jako v cizí kůži. Neuspořádaně jsme vešli do místnosti, jinak zamknuté, kam pouštěli jen žáky s červenými šátky… Vypadalo to tam tajemně a slavnostně, a ze všech těch věcí se chvěla duše. A co teprve ten zlatě vyšívaný rudý prapor z těžkého sametu s tváří Lenina, který se třpytil a byl jako živý, i když se vůbec nevlnil. Nasládle vonící čestná uznání, rozvěšená po stěnách, byla bůhvíproč zdrojem sladké vůně. Utichlé trubky ocelově zářily jako vycíděné nádobí. A taky tam spočívaly v prosklených skříních mlčící pionýrské bubny, potažené podrápaným pergamenem s tmavými fleky, který vypadal jako seschlá kůže.

Na prvním stupni byla mým oblíbeným předmětem hudební výchova, která začínala poslechem gramofonové desky.

Někdy jsme se naučili slova i melodii a novou píseň jsme zpívali za doprovodu gramofonu. To mě bavilo, bylo to lehké. Ale vzpomínám si na ten šok, když jsem uslyšel hymnu. Poslouchali jsme ji dokonce ve stoje a učitel hudebky, vytáhlý chlap připomínající smyčec, se u katedry taky postavil. Prvně bylo z gramofonu chvilku slyšet nepříjemné praskání. A jen co zazněly první zvučné tóny, úplně jsem se rozklepal. Jedna za druhou se rozlívaly vlny zuřivosti, strachu a štěstí, a já, sám jsem nechápal proč, jsem začal vnímat tu ušlechtilost a bojovnost. Mohutné zvuky si pohrávaly s mojí sevřenou dušičkou jako s pírkem. Když ta vlna dosáhla výšiny, najednou začala padat, až se tajil dech. Ze špalíku dřeva, který jsem si dotáhl z pracovek, jsem vyřezal čepel tak, jak jsme si to představoval, a na další hodinu jsem přišel s mečem schovaným pod školní bundou.

Dokud jsme se učili slova, nic se se mnou nedělo. Ale jen se rozehrála hudba a něco bojovného zase ovládlo moji duši. Svíral jsem svůj meč a byl jsem připravený k neznámé bitvě. Z nějakého důvodu jsem to, co jsem dělal, považoval za velikánské tajemství, které nikdo neznal. Když jsem začal zpívat, najednou se mi v očích rozlilo vlhké teplo, a jak jsem uslyšel vlastní hlas, pocítil jsem takovou sílu a takové nadšení, jako bych padl a vstal z mrtvých.

Museli jsme se naučit slib a vyrobit vlastní album o jednom z pionýrských hrdinů. Kvůli nemoci jsem pionýrský šátek nedostal už dřív. Abych ho získal, zúčastnil jsem se tenkrát bouřlivého sportovního klání a dostal jsem se mezi ty nejlepší, ale onemocněl jsem. Rok jsem si ve vzpomínkách zdrceně omílal pionýrský slib, který jsem si v sobě nesl jako urážku za tu nespravedlnost, protože mi šátek neuvázali mezi prvními. Tenkrát by mě přijetí do pionýra povýšilo nad ostatní, ale teď se stalo osudem těch zaostávajících,

co ve třídě zůstali pozadu v prospěchu i chování. Vzrušení se ale objevilo znovu, a ani nikdo z těch slabých si netroufl pomyslet, že do pionýra stejně vezmou všechny.

Usadili jsme se za podlouhlým stolem jako jedna velká rodina a pionýrská vedoucí vytáhla štos už hotových alb, vydaných jako knížky, co se podobaly těm dětským – velké, měkké, a hlavně s obrázky. Zeptala se, jestli někdo z nás má oblíbeného hrdinu a jestli jí třeba někdo sám neřekne, o kom by chtěl udělat album.

Rychle jsme jednohlasně začali žadonit o Pavlíka Morozova, jako bychom se báli, že ho dostane někdo jiný. Vedoucí znervózněla. Když nás utišila, začala jednomu po druhém sama rozdávat alba s takovým výrazem, jako by určovala náš osud… Na mě připadl Ljoňa Golikov. Uviděl jsem ho na obrázku a bylo mi z toho do breku. Hrdinského na něm není nic, na sobě má prachobyčejnej kožich a na hlavě ušanku, vždyť jen ten samopal drží v rukách, no jakej je tohle hrdina!

Připadalo mi, že se na mě Ljoňa Golikov dívá ze svého oslavného portrétu osaměle a prosebně… Na rozdíl od jiných pionýrských hrdinů tohohle chlapce ani nemučili, a tím byl jeho hrdinský čin v mých očích tak nějak málo opravdový. Svoje album jsem zdobil jako hrobeček. Na všechno se dostalo. I na barevný papír, a dokonce na lamety na vánoční stromek. Na zasedání rady oddílu, kde v naprostém tichu poslouchali naše vyprávění, mi vedoucí vyhubovala za pestrobarevnost, a o hrdinském skutku Ljoni Golikova jsem povídal už skoro v slzách, takže mě musela utěšovat, a přitom nejspíš cítila svoji vinu. Když mi uvazovali pionýrský šátek a já jsem sliboval, že nebudu litovat svého života, cítil jsem, že lžu. Spoustu dní se mi zjevoval smutný zabitý kluk a světlo v jeho vyhaslých očích si stěžovalo jen na to jedno: zabili mě, zabili mě, zabili mě… Bylo mi hrozně z pomyšlení, že když by máma zahynula ve válce, tak jsem se nemusel narodit. Vyptával jsem se jí: A cos jedla, když byla válka? Co dávali dětem? Její odpověď mě musela přesvědčit o tom, že lidi neumírají z hladu, ani když je válka. A jak jsem se stal pionýrem, právě toho jsem se nejvíc bál: umřít.

Ten povznášející pocit, při kterém se dělalo člověku až zle, se podobal hladu. Pionýrské nástupy byly jako příprava na smrt… V lednu, to umřel Lenin, a pak zase v dubnu na jeho narozeniny, se všechny třídy řadily v tělocvičně, v takovém obrovském sálu s natřenou prkennou podlahou jako v kasárnách, s vysokánskými stropy a hustě zamřížovanými okny pro případ, že by náhodou odlétl nějaký míč. Ze stropu a stěn trčely háky od gymnastického nářadí, připomínající skřipec. Za našimi zády visela rovně lana. Všechno tohle vybavení nás nutilo na něco napjatě a bolestně čekat, s pocitem poslušnosti, který drtil duši.

Pionýrské nástupy vždycky začínaly brzo ráno, ještě před vyučováním. Trošku se mi motala hlava, protože jsem byl nevyspaný. Ráno se málokdo stihnul nasnídat, takže jsme v řadách stáli s prázdným žaludkem. Vybavuji si ten pocit hladu, když jsem měl pusu plnou slin bez chuti. V řadách slídili učitelé, kontrolovali, jestli všichni mají šátek. Jejich hlasy zněly ostře jako rozkazy… Mnozí se už styděli nosit pionýrské šátky, protože si připadali mnohem dospělejší, a bez jakéhokoliv potěšení si uvazovali zmuchlané rudé hadříky, vytažené z kapes.

Naše pionýrská vedoucí byla asi tak sedmnáctiletá holka se světlou kůží a zrudlým obličejem. Říkali jsme jí Marina jako nějaké naší kamarádce, vždyť v pionýru si všichni byli rovni. Pionýři, ti, co už zmužněli, stáli v křivých řadách a s utrpením hltali hladovými bojácnými pohledy dívku v obepnuté pionýrské košili a v sukýnce nad kolena. Nástup začal. Troubila trubka… Vznášelo se víření bubnů… Vedoucí s holýma nohama pochodovala k ředitelce a zvučným hlasem podávala zprávu o nástupu oddílu. Její neúmyslně nestydatý a smyslný vzhled Allu Pavlovnu rozčiloval a v Marině byla malá dušička, protože nechápala, co udělala špatně. „Pokračujte…," vybízela ji ředitelka v hrobovém tichu. A pak přinášeli prapor oddílu… Alle Pavlovně nic neuteklo. Když se jí něco nelíbilo, mlčky a se žensky sevřenými rty došla k tomu, koho si všimla, a upravila ho. Nebo když zpozorovala, že má nějaká holka náušnice nebo namalované řasy, vyštěkla na celou tělocvičnu: „Běljajevová, ke mně! Vyndej si z uší ty cetky!" nebo „Rumjancevová! Pochodem v chod na záchod a smyj si tu mazanici!"

Stávalo se, že se při nástupu udělalo někomu špatně, omdlel a skácel se k zemi. Nejčastěji to byly holky. Nástup ale pokračoval dál, a tahle chvíle byla tou nejslavnostnější a nejděsivější. K upadlému nebo upadlé přiběhla učitelka, pomohla jim vstát a dala jim kapesníček, aby si utřeli rozbitý nos. A jak je potichu odváděla k doktorovi, schovávala se za řadami žáků před nespokojeným neústupným pohledem Ally Pavlovny.

5

Během toho podzimu, kdy se rozpadla naše rodina, jsme se s mámou a starší sestrou po výměně bytu, která připomínala násilné vystěhování, ocitli v cizím vlhkém bytečku. V nové škole, kam jsem znovu nastoupil do první třídy, mě starší kluk o přestávce zachránil před kopanci a šťouchanci… Vtom jsem uviděl klidného vysokého chlapce s hezkou tváří, co vypadal jako pionýr. Krásný, šlechetný, teda aspoň tak jsem si pionýry představoval. Hned jak jsem ho uviděl, vrhnul jsem se k němu pro pomoc, spravedlnost,

ochranu… Toužil jsem po tom, aby ti kluci, kteří se do mě o přestávkách společně naváželi a se kterými jsem si já sám nemohl poradit, teď uviděli, že se kamarádím s takovým chlapcem. A tak jsem zalhal, že mu můžu dát žvejkačku, aby se se mnou chtěl skamarádit. Máma mi totiž jednou z práce přinesla žvejku. Věřil jsem, že když ji poprosím, donese další. Ta nabídnutá žvejka se mu zamlouvala. Šel se mnou do třídy a já ho předvedl vyjeveným spolužákům. Začali mě prosit o odpuštění, a to je k tomu ani nenutil, prostě jen stál za mými zády a koukal se jejich směrem.

Další den si řekl o to, co jsem mu slíbil. Ale já jsem znovu zalhal a slíbil, že žvejkačku přinesu zítra, a den na to jsem se před ním schovával, kde jen to šlo. Ale kluk si dobře pamatoval na můj malý dluh a o přestávce si na mě počkal u třídy. Znova jsem mu zoufale něco nakukal a slíbil jsem rovnou dvě žvejkačky, pokud počká do zítra. Nepamatuju si, jak dlouho mi ještě věřil a čekal. Když pochopil, že ze mě nic nekápne, začal být zlý. Zatáhl mě na záchod a začal mě mlátit tak, jak to ti starší umějí, pěstičkami do obličeje a až do krve. Zřetelně si vybavuju, že mě to nebolelo, naopak mi z toho bylo smutno. Spoutala mě myšlenka, že jsem ho podvedl, a za to jsem si ve skrytu duše přál nějaký trest, aby se mi ulevilo, jako bych dostal odpuštění. Rostli jsme, ale kluk si mě pamatoval. A neodpouštěl mi to. Neměl jsem žvejky, které bych mu mohl dát. Máma je už nepřinesla.

Čím byl starší, tím víc mě řezal. Číhal na mě na záchodě a bral mi peníze, nebo se bavil tím, že někoho odchytil a donutil, aby mi udělal něco ponižujícího. Jen z ředitelky měl ze slušnosti trochu strach, ale Alla Pavlovna se k němu chovala tak, že mu to lichotilo. I když se zlobila, neodpustila si to a prohlásila: „A heleme se, hezoun!“ On se pochichtával a s ješitnou vznešeností snášel její pohlavky, a hned jak odběhl, ředitelka se přestala zlobit a vzala ho na milost.

Taky vyrůstal bez otce, ale jeho máma pracovala jako uklízečka v hotelu Kosmos, takže mu všichni záviděli. O přestávkách se scházel s nejhezčí holkou ve škole, se snědou baculatou Arménkou s velkým poprsím, které přitahovalo nadšené pohledy školáků. Odváděl si ji na konec chodby, kde jejich rty srůstaly při polibku za zády spolužáků jako za zástěnou a rozpojovaly se, až když zazvonilo. Jako by s hraným uspokojením pili něco z úst toho druhého, a on si jednou dokonce odplivl přes rameno, aby to všichni viděli. To, co nezmerčili učitelé, kteří chodili sem a tam po chodbě, před sebou měli žáci, tak šedesát děcek z různých tříd, co se motali na chodbě. Nesl se po ní nadšený a závistivý šepot. Všichni chodili po dvou, ve skupinkách, ale jako by se báli zastavit na místě a zaměřit se na to, co se dělo u okna.

Pokaždé, když jsem viděl, jak se mu oddává do náruče kvůli polibku, jsem měl kdovíproč na krajíčku, jako by si bral něco mého. Slyšel jsem, jak jí láskyplně oslovoval: „Ženuško moje…“. Ale taky na ní někdy řval přes celou chodbu: „Ženo!“ Všímal jsem si všech nových detailů, třeba, že začala nosit jeho manšestrovou košili. Jednou po zvonění vešla do právě vylidněného bufetu, kde jsme s jedním klukem uklízeli po naší třídě, protože jsme měli službu. Když mluvila s prodavačkou, uslyšel jsem její hlas. Byl nečekaně hrubý, nepříjemný. Koupila si džus a banánek plněný krémem. Otočila se a stoupla si kousek od okna a my s kamarádem jsme strnuli, protože nás naše blízkost k ní ohromila. Nechtělo se jí odnést prázdnou skleničku. Jak nás uviděla, postavila ji na stůl, ze kterého jsme sklízeli. V tomhle gestu nebylo nic jiného než lenost, a možná tak ještě opovržení. Ale mně se zdálo, že si mě všimla. Byl jsem vedle ní, cítil jsem její vůni, a dokonce jsem pocítil teplo, když jsem se dotknul prázdné skleničky, kterou nechala na stole. Její teplo, jak jsem si myslel.

Za pár měsíců, v zimě, jsem si všiml, že ztloustla a o přestávkách postávala sama, a aby se vyhnula pohledům ostatních, dívala se do prázdného bílého okna. Spolužáci se tvářili, že si jí nevšímají, ale vyhýbali se jí, a tím ji vystavovali všem na oči. Nevypadala nešťastně, spíš jen vztekle. Ještě věřila, že je výjimečnější než ostatní. Alla Pavlovna zašla na tohle patro a byla spokojená s tím, co viděla. Přede všemi to nahlas okomentovala: „Pořád tloustneš, drahoušku? No nedá se nic dělat, budeš si hlídat postavu!“. Nevím, co napadalo ostatní, ale sám jsem, nevím proč, vzpomínal na zákusek, jak se slabostí pro čokoládovou polevu a jemný bílý krém jedla banánek.

Jednoho dne její osamocená postava, se kterou, jak se zdálo, bylo něco jinak, úplně zmizela. Říkalo se, že ji vyhodili ze školy. A on taky hodně rychle zmizel, na jaře se vypařil spolu s těmi, co už nechtěli chodit do školy. V těch posledních jarních měsících byl ve škole nejednou už od rána opilý. Jeho život už dávno připomínal dospělácký flám, ale on bůhvíproč pořád chodil na hodiny. Alla Pavlovna ho nepouštěla do školy, a když zjistila, že stejně proklouznul a sedí zpitý v lavici, sama si pro něj došla až do třídy, popadla ho za límec a vyhodila ho ze školy. Do konce vyučování zůstával ve školním dvoře. Bral dětem peníze a ty starší, své spolužáky, kteří si jako pořádní drsňáci běhali o přestávce zakouřit, posílal pro láhev, a potom se šel dospat do školní zahrady nebo někam jinam, sám nebo s nějakou zbloudilou holkou, kterou taky nalil silným vajnem. V té době jsem se s ním srazil na žáky vyšlapané cestičce. Betonový plot kolem školy byl sice odolný, ale stejně v něm ze všech čtyř světových stran nějaká obrovská síla prorazila díry ke zkratkám. Kluk se táhl někam pryč ze školního pozemku a já byl za školou,

poflakoval jsem se v jejím okolí. Podíval se na mě a nejspíš mě nepoznal. Cpal mi cigaretu jako nějakému kamarádíčkovi. Prosil mě, abych mu pomohl dojít domů. Křečovitě se do mě zavěsil a nechtěl se mě pustit, sotva se držel na nohách, jak byl zesláblý… Všiml jsem si, jak se třásl. Pocítil jsem to tak zřetelně, až jsem na chvíli zapomněl na svůj vlastní strach a lehce jsem se vysvobodil. Vyrazil jsem, jen co mi síly stačily, on upadl a usedavě zaskučel, ale já jsem už uháněl do školy.

6

Říkali jsme mu Igorek. Byl o trochu starší než my, ale všechno mladé jako by v něm dávno zmizelo… Tak nápadně se odlišoval od kluků, kteří obdivovali jeho sílu a odvahu a vzrušeně lapali po vzduchu nebezpečného života, ale kteří se rozprchli domů, jen co se začalo stmívat… Na otce a mámu si nepamatoval. Říkal, že se narodil ve vězení. Žil s bábou a dědkem, ale když vyrostl, pouštěli ho do bytu, jen když přinesl flašku vodky. Vyprávěl nám, že ho děda naučil pít vodku v šesti letech.

Igorkova špinavá snědá tvář se podobala rytířskému štítu, jak byla ztvrdlá od jizev. Vedle něho jsme se ničeho nebáli. Jeho pohled nebyl nebezpečný nebo panovačný, naopak v něm vévodila vyrovnaná a klidná nebojácnost. Byl jako plamen, ve kterém člověk pomalu hořel, a ani při tom necítil bolest, nebo jako něco zlého, co připomínalo kámen. Byl o sebe schopný típnout cigaretu a ani neceknout, jen aby udělal dojem a předčil naše očekávání. Mluvil jen občas a málo. Víc mlčel, jako by pořád měl před očima to, co nemohl vyjádřit slovy. Na to, co bylo dobré, reagoval se smíchem, na špatné supěním. Nebo ze sebe najednou vyrazil „šmejd“ či „svině“, a tím si ve věcech udělal jasno. Když se rozčílil, jeho hlas zněl jako psí štěkot. Pohrdal toulavými psy, protože se všeho báli, a miloval ptáky, žádné ochočené andulky a kanárky, ale ty, kteří si potravu hledali venku. S respektem jim říkal „zloději“ a nadšeně sledoval, když nějaký vrabec krásně a mrštně kradl drobečky skoro z jeho ruky.

Členové bandy, které šéfoval Igorek, byli součástí tajemného nepřítomného světa, ve kterém se dodržovaly jeho rituály… Den co den vynášel za ocásek ještě živou, omráčenou krysu, kterou chytil v naší zemljance, polil ji benzinem ze sklenice od majonézy, kterým jsme vždycky rozdělávali oheň, podpálil ji a odhodil… Dělal to všechno mlčky. Všichni jsme byli diváci. Jak se krysa rozhořela, začala sebou křečovitě trhat. Igorek pozoroval, jak ta ohnivá hrouda poletuje dokola a divoce vřeští, a komentoval to: „Hoří, svině…“. Trestal tak nějaké zlo, něco chamtivého, zbabělého, podlého. Všichni trpěli, ale dívali se. Když vřeštění najednou utichlo a plamen zhasl, cítili

jsme se lehčeji. Zlo shořelo zaživa a zbyla z něho jen doutnající ohořelá hromádka. Už nám nebylo líto krysy. Každý by to odporné stvoření zabil tím, co by se mu dostalo do ruky, když by ho našel v zemljance.

Igorka Mitrofanova jsem spoustu let vídal ještě ve škole, ale neodvážil jsem se na něj promluvit nebo k němu přijít blíž, aby si mě všiml. Vždycky s ním chodil jeden kumpán. Jmenoval se Puchnin. Byl zrzavý a menší i slabší než Igorek, dokonce se mu ježily vlasy, byly nepoddajné a nespoutané, úplně jako bodliny. Jeden měl zakaboněnou tvář s vystouplými lícními kostmi a druhý zase lesklou uhrovitou pleť, a ty jejich držtičky byly odrazem naprosto různých duší, ale něco je dělalo nerozlučnými jako bratry. Od dětství je oba oblékala chudoba, až se zdálo, že nosili stejné oblečení. A když povyrostli, oblékali si dospělácké obnošené hadry, zvonáče podle staré módy, získané bůhvíjak, zelené vojenské košile, co si nezastrkovali do kalhot, a k tomu kanady. V zimě se venku potloukali v keprových holínkách a prošívaných vaťácích, a když se začalo stmívat, svým zevnějškem děsili kolemjdoucí. Rádi ve čtvrti vyvolávali strach.

Menším dětem, hlavně těm, co vyšli po svačině z bufetu se zákuskem nebo karbanátkem, Puchnin vždycky něco škubavě a s křikem vytrhl z rukou, a vyškubnutý kousek si poslal rovnou do pusy, jako by ani žádný nebyl. Žalovníčky strašil a šťouchal do nich. Asi jsem byl jediný, kdo se mu mohl rovnat postavou, i když jsem byl mladší. Jednou, když mi něco vzal, jsem se na něj vrhnul a povalil ho na zem. V tu chvíli se do něj pustila všechna děcka, jedni ho kopali, druzí štípali a další popadli za vlasy a někam vlekli. S jásotem ho přemohli. Ale povstání malých otroků bylo potlačeno za nejkratší možnou dobu. Puchnin najednou vyběhl na naše patro s jedním klukem a ukázal na mě. Kluk ke mně rychle přiskočil a dal mi pěstí do břicha. Byl o dost silnější, ale já jsem v nějakém návalu zoufalosti přece jen tu bolest snesl a skočil jsem po něm. Pustili jsme se do sebe, ale v tu chvíli se přihnal Puchnin, zasypali mě smrští rychlých ran a během chvilky si se mnou snadno poradili. Nikdo mi nepřišel na pomoc. Spolužáci se ustrašeně mačkali v hloučku a dívali se, jak dostávám nakládačku. Když byla poprava u konce, někdo mi vzrušeně a se strachem v hlase zašeptal do ucha: „Bil tě Igorek Mitrofanov!“.

V mém životě se objevilo další nebezpečí. Čas od času jsem vnímal přítomnost těch dvou někde poblíž, jako by byli přízraky, které se mohly jedné noci dokonce objevit u mě doma, v bytě, ve kterém jsem bydlel. Připadalo mi, že Puchnin nechodil večer spát a ten druhý, kterého se všichni báli, chodil do školy z jakéhosi tmavého vlhkého sklepa. Roky utíkaly. Někdy jsem z ničeho nic uviděl dvě shrbené postavičky zavěšené do sebe, které vyrůstaly z tmavého bodu v dálce nebo se objevovaly hned za zatáčkou, a i když

mě z nějakého důvodu lákalo se zastavit, zatočil jsem nebo zrychlil krok. V tu dobu už ani jeden z nich nechodil do školy. Ale slyšel jsem a věděl jsem o nich víc, než bych mohl povědět sám o sobě, i když o takových, jako byli oni, jsme se neodvážili mluvit nahlas… Věděli jsme, ve kterých domech bydlí, s jakými holkami se tahají, kde se po večerech schází. A nikdo se jim nechtěl přimotat do cesty. Ti zmlácení, co měli smůlu, se tím chlubili, jako by to byl hrdinský čin, protože strach z Mitrofanova a Puchnina byl neoddělitelně spojen s obdivem. Dokonce jsme záviděli těm, kteří byli pod jejich ochranou, jako by snad získali pro všechny ostatní nedosažitelnou svobodu.

Do třídy se mnou chodil Saša Fjodorov neboli strejda Fjodor, jak se mu přezdívalo kvůli jeho rozvážnosti a důležitému výrazu v obličeji. Základka pro něj končila v poslední, osmé třídě, protože se jako i mnoho dalších rozhodl, že půjde na učiliště a vyučí se automechanikem. Do školy jsme chodili bez pytlíků s přezůvkami, protože jsme si připadali dospěle, a tahle ponižující povinnost se nás proto už netýkala. Pokud měli ve škole dozor žáci desáté třídy, někdy nás schválně nepustili do hodiny a nutili nás podřídit se jim, a tak nás ponížit. Pokud dozorující opuštěná dvojice ve vchodu odchytila někoho od nás, většinou jsme ji hned výhružně obklíčili. Ve vypasovaném saku, vyžehlené košili a s tátovou kravatou vypadali všichni stejně hloupě a legračně. Měli v plánu se dostat na vejšky a univerzity a nás čekaly postupové zkoušky na učňáky. V tom roce nám dokola omílali, že ze třech tříd vytvoří nějakou jednu, ve které se budou dál učit jen ti nejchytřejší a nejlépe vychovaní, a se všemi ostatními se rozloučí. Jako by se učitelé stali soudci a škola podivným místem, ze kterého všechny, kteří za osm let nedostali rozum, posílali na stavby, do továren a fabrik, aby si tam odpykali svůj trest…

Strejda Fjodor věděl, že ho čeká učňák, a dávno se přestal bát školy. Jednou ho dozor zadržel ve vchodu. Nevšiml si ruky na svém rameni, toho rozkazovačného gesta, setřásl ji a pokračoval dál, ale ten, co měl dozor, ho popadl za bundu a škubnutím přitáhnul k sobě. I když to měl strejda Fjodor spočítané, začal se s ním strkat a kopat kolem sebe, a to bavilo jeho mučitele, který s ním hravě otáčel, jako by ho držel na řetězu. Byl jsem u toho, ale neměl jsem sílu mu jít na pomoc a překonat rozpaky z bezstarostného hezounka.

To do něj se zamilovávaly holky. Učitelky, mladé i starší, nevědomky žensky flirtovaly s tímhle snědým svalnatým blonďákem. Narodil se a vyrostl v zahraničí. Jeho táta byl velvyslanec v jedné africké zemi. Rodiče ho poslali zpět do vlasti, pod babiččin dohled, aby dokončil školu v obyčejné sovětské škole a začal pracovat na svém komsomolském posudku. Ale hezoun se z nějakého důvodu s provokativní hrubostí

odmítal podílet na téhle společenské frašce, stal se kapitánem školního volejbalového týmu a vůbec byl v tělocviku jedním z nejlepších. Když ho, hlavně učitelé, požádali, aby vyprávěl o exotické africké zemi, začal si přihlouple hrát na přednášejícího a hraně referoval o apartheidu jako při politické desetiminutovce. Tvář měl vždycky pohrdavě křečovitou. A když bychom chtěli tenkrát zjistit, co že se o tom nováčkovi vědělo, ukázalo by se, že se o něm nevědělo zhola nic, a že všechen ten dojem dělalo oblečení zahraničních značek a jeho hollywoodský vzhled.

Najednou se ozvalo rupnutí. To se utrhl rukáv. Strejda Fjodor se ocitl na svobodě, a když si osahával rozervaný cár na rameni, jako by to byla rána, přišlo mi, že se mu obličej křiví bolestí. Starší žák ustoupil o několik kroků a čekal. Do školy ho nepustil… Už zazvonilo. Několik rozčilených a kdovíproč povzbuzených spolužáků se rozhodlo, že taky nepůjdou na hodinu. Najednou strejda Fjodor vykřiknul: „Jdem za Igorkem… Musíme to říct Igorkovi…“. V pěti jsme vyrazili. Po cestě jsme pochopili, že nás vede přímo za Mitrofanovem, protože ho znal, bydleli kousek od sebe… Motala se mi hlava z pocitu, že se dostaneme do jeho blízkosti, úplně jako bychom hledali pravdu a mohli ji najít jen u něho.

Mitrofanov s Puchninem polehávali v altánku u školky. Nejspíš se tam potloukali už od noci. Igorkův pohled byl zamračený a kalný. Unavenou tvář měl protkanou pavučinou vrásek. Prvně mluvil jen strejda Fjodor. Potom se ozvali i ostatní a jeden přes druhého vykládali o tom, co se stalo ve škole. Měli jsme tušení, že bývalý žák, který se ráno probudil na lavičce u školky a který má teď kocovinu, tomu začíná rozumět a něco promýšlí. Puchnin se nás s křikem snažil vyhnat, asi proto, že žárlil na svého kámoše, kterého jsme prosili o pomoc, ale Igorek se z nějakého důvodu zvedl a vedl nás za sebou. Sám strejda Fjodor o přestávce vyzval na souboj toho, co mu ublížil, a ten výzvu přijal. Osamoceně stál v našem obklíčení a ve tváři měl pořád stejný pohrdavý výraz. Starší žáci, kteří se vytráceli na cigaretku, se krčili bokem u hlavního vchodu. Puchnin vybuchl a už by se vrhnul na hezounka, ale Igorek ho okřikl, a tím ho ochránil. Rozhodli se, že se budou prát bez svědků. Igorek nám přikázal, ať počkáme na školním dvoře, a oba zamířili někam do zahrady, která jako by přidušeně ztichla, když v ní zmizel vysoký sportovní chlapec s podsaditým trhanem.

Po rvačce, kterou nikdo neviděl, se nováček ještě dlouho neukázal ve škole a Igorkovi se nehojila ranka na rozbitém rtu. S údivem se jí dotýkal prsty, jako by to bylo živé stvoření, a byl z toho vedle: „Všechno je v celku až na tu hubu, tu mám vždycky do krve!“. Od té doby jsme se každý večer scházeli v altánku u školky nebo jsme chodili za

Igorkem jako kuřátka, a nedocházelo nám, že občas neměl kam jít. Postupně si na nás zvyknul, začal myslet tak nějak na všechny a taky méně pít. Puchnin byl věčně nespokojený. Rozdával posměvačné přezdívky, ale Igorek je po něm nechtěl opakovat, a proto na to už nikdo nereagoval. Puchninovi od malička nějak říkali, někdy „zrzek“, jindy zase „skunk“. Nechápal, za co schytal takové příjmení, trápil se a taky snil, že až dostane občanku, změní si ho na nějaké hezčí. Ale pro všechny ostatní bylo utrpení se na něj jenom dívat a vidět ty napuchlé hnisavé pupínky, co měl po celém obličeji.

Když jsme byli spolu, tak jsme si hledali nějakou důležitou zábavu, kterou jsme navíc zahalovali tajemstvím, pokud už v ní samotné nebylo něco tajemného. Jednou jsme třeba hledali poklad na břehu Jauzy, jindy jsme se zase rozhodli, že sami odhalíme vraždu muže. Jeho tělo, které se našlo u školky, se nepodařilo identifikovat. Nejsem si jistý, co z toho byla hra a co byl život. Poslouchali jsme Igorka. Nevím, jestli byl sám sebou, když se jeho život s námi stával jakousi válečnou a sportovní hrou, nebo jestli to bylo později ve stejný den, když po nocích mizel s Puchninem. Když se pak objevil, vypadal jako mrtvola, s mrtvolně šedomodrými rty a s mrtvým pohledem. Puchnin se ušklíbal a říkal, že Igorek je zloděj a umře ve vězení, když už se tam narodil, a to Igorkovi lichotilo, líbilo se mu to, jako by mu to dělalo dobře na nervy. Vymyslel, že se budeme plavit po Jauze na malých polystyrenových vorech a vykopeme si zemljanku na zimu. Sebe si představoval jako kapitána pirátské flotily a velitele krycího zákopu na frontě, a my jsme byli jeho námořníčci a vojáčci. Doopravdy jsme se učili snášet bolest, nést odpovědnost za své činy a dokonce slova, ale naučit nás něco pro každodenní život Igorek nemohl, leda nás tak děsil historkami o vězeních a lágrech, kterých znal tolik, jako by si někde za ostnatým drátem a mřížemi sám odseděl půlku života. Taky nás poučoval, že v životě je nejspolehlivější práce automechanika nebo aspoň jeřábníka. S Puchninem chodili na učňák, kde se učili na jeřábníky.

Všichni jsme si pořídili vaťák a keprové holínky, abychom byli stejní jako on. Svůj vaťák jsem si vyprosil od babičky. Pracovala na poště a dostala ho jako stejnokroj na zimu. A na holiny jsem si u ní vyškemral deset rublů, protože jsem jí zalhal a slíbil, že peníze utratím za nějaké nedostatkové tenisky. Dlouho jsem pak s ostatními chodil okolo kasáren pétépáků, dokud mi jeden voják nepřehodil přes plot pár ochozených holínek. Hned jsem mu za ně štěrbinou prostrčil svoji desetirublovku. Umíral jsem štěstím a byl jsem radostí bez sebe. Jako by vaťák a holínky byly branou do jakéhosi zvláštního chlapského života. Objímaly, utěšovaly, hřály a uzavíraly do příjemné silné tíže, chránily a konejšily, byly jako brnění, byly znamením pro našince a cizáky.

V kině Saturn jsme měli každou neděli na posledním promítání spicha. Toho, kdo se nepřišel ukázat, v Sviblově neuznávali. V setmělém promítacím sále, kde ožívaly širokoúhlé filmové stíny, se potají dělalo jasno v křivdách nakupených za celý týden nebo se domlouvalo na kšeftících. My jsme mezitím dychtivě sledovali film, přidušení rozpětím plátna jako liliputáni, a ničeho jsme se nebáli, protože za nás všechno vyřizoval Igorek. Jeho osamocená postavička se v tu chvíli přemisťovala po sálu. Někoho krotil a někoho udobřoval. Tam, na posledním promítání, se v teple a v úkrytu vznešené tmy scházeli jen místní tyrani a pouliční pánové cizích životů. A my jsme seděli uprostřed nich jako nezvaní hosté a třásli jsme se nejen z dění na plátně, ale taky z pištění opilých malých cour, které se vrtěly na klíně velkých kluků. Po promítání se dav vyřítil do noci a jako hlučný kamarádský chumel se valil, dokud se postupně nerozplynul. Někteří zmizeli v jedněch ulicích, jiní se rozplynuli v temnotě dalších, tenhle zahnul za roh a tamten šel rovně nebo se chytl první party, na kterou natrefil a u které zavětřil vínko, a i když nevěděl, kam a s kým jde, stejně šel, aby se sám neztratil.

Houfně jsme se slízali taky o svátcích, které nám několikrát do roka nadělovaly náramnou podívanou, ohňostroj pod širým nebem. Do různých koutů Moskvy, kde byl vidět aspoň kousek nebe, se pozdě večer valily tisíce a tisíce lidí. Lidi stáli jako ztracení a zapomenutí, upínali zrak do nebe, do toho okamžiku cize prázdného, jako by čekali na soudný den. Zaburácel hrom, vyletěla a vybuchla hořící žlutá koule, všechno kolem osvítilo žhavé tepající záření a pak se rozjasnilo jako ve dne. Každá rána ohňostroje vyvolávala vítězné kvílení, pískání a povzbuzování, které se rvaly ven z lidských hrdel, jako by se dělo něco nezvratného a velkého. Tyhle shromážděné davy tu zůstávaly do posledních záblesků. A když nebe najednou pohaslo, lidé utichli a rozešli se.

Milice hlídala, aby z davu nebyly slyšet sprosté výkřiky a aby se lidi nervali, i když tak to obvykle končilo, jako i tenkrát v listopadu u sousoší Dělník a Kolchoznice, když dorachotily poslední dělové salvy, které po noční obloze rozsypaly krvavě žluté konfety.

Igorek slíbil, že koupí víno, a všichni jsme se připravovali na to, že se před ohňostrojem opijeme. Bylo dohodnuto, že se jako vždycky sejdeme u školky. Do té doby jsem se ještě nezkoušel opít, ale z nějakého důvodu jsem nebál toho, co se stane. Igorek přišel s velkou lahví schovanou na prsou. Říkal tomu „bomba“. Vzduch už byl zaplavený inkoustovým soumrakem, do toho bubnoval déšť. Uplakaná světýlka domů překrývala svoje tmavé obrysy připomínající baráky. Přišel jsem na řadu. Cvaknul jsem si z kolující láhve a nedal jsem najevo, že to dělám poprvé.

V ústech a na rtech mi ztuhla karamelově sladká chuť. Zaposlouchal jsem se do sebe a na něco jsem čekal, na nějakou ránu, ale přeslazená tekutina ze studené láhve se ve mně najednou proměnila na příjemné teplo. Ten první lok byl plný dobroty a tepla, ze kterých se motala hlava jako z nadbytku kyslíku. Znovu jsem se přisál k teplému a vlhkému hrdlu buclaté láhve, kterou už ohřály rty ostatních, a pocítil jsem dojemný pocit pohodlí a propojení se všemi, kdo z ní pil.

Opilé partičky vtrhávaly na každé zastávce do pomalého autobusu s kulatými světly, který jezdil po trase od Rusanovovy ulice k VDNCh. Pamatuju si, že jsem byl zmáčknutý lidskými těly a cítil jsem se, jako bych byl hluboko pod vodou, která za mě dýchala a plavně se mnou houpala ze strany na stranu ve svém lehounkém náručí. K dílu sochařky Muchinové šli Sviblovští společně a pak se rozplynuli ve velikánském lidském moři. Unášelo mě to se všemi. Vybavuju si radostné výkřiky, burácení hromu a různobarevný ohnivý déšť padající z nebe. A potom rozzuřené úpění a skřípání zubů při rvačce. Po ohňostroji, a bylo jedno, že to bylo na povel, se do sebe pustili, čtvrť do čtvrti, dav do davu, kouzlili ze vzduchu vojenské opasky, podomácky vyrobené nunčaky a řetězy na kolo, které ve tmě jiskřily nad hlavami. V té šílené rychlosti jsem se nestíhal vzpamatovat z ran okolo sebe, zkrátka jsem ochrnul se svěšenýma rukama, ale kolem mě běsnila a hučela bitka. Rvačka probíhala mimo mě, ani o mě nezavadila, jako bych byl neviditelný a nezranitelný. Pomalu jsem si začal uvědomovat, co se dělo ostatním. Přímo přede mnou se prali dva kluci. Mlátili se hlava nehlava, jako by byli slepí. Jen stisknuté zuby, na které mířily rány pěstí, suše praskaly.

Stačilo, aby zapískali milicionáři, a všichni se z náměstí před sochou rozprchli. V nočním autobusu, ve kterém bylo světlo a prázdno jako v nemocničním pokoji, jsem přišel k sobě. Asi tak třicet lidí se vracelo domů. Mnohé jsme neviděli a mysleli jsme si, že je chytila milice. Jedni se vychloubali ranami, které dostali, druzí zase vlastní silou. Byli hrdí na to, že Sviblovo v dnešní rvačce zvítězilo nad Pátým obvodem, ale mně to bylo všechno jedno. Souhlasný hukot provrtával vzduch. Najednou mi došlo, že mají radost i ze mě. Někdo vyprávěl, že viděl, jak jsem to nandal několika „pěťákům“. Buď to pomotal nebo kecal, ale já sám jsem neotevřel pusu a zničeně jsem mlčel.

K našemu domu jsem šel sám po vylidněné ulici. Hlava, která mi během toho v té zimě vystřízlivěla, byla jako cizí. Talíře pouličních lamp, bryndající žlutou řídkou polévku, se kolébaly ve větru. Stíny, vychrstnuté na asfalt jako pomyje, rychle uhýbaly. Do mého mozku se ze všech stran jako švábi slézal nějaký šramot. Najednou mi po zádech přeběhl strach, ze kterého mě zamrazilo. Pak ke mně z té šramotící tmy zavanula hrůza.

Pocítil jsem něčí přítomnost, něco živého, co mě pozorovalo, nebo mi to šlo v patách. Nevím proč, ale zdálo se mi, že někdo usiluje o můj život. Bylo to jako předtucha smrti, stejně tak nesmyslná, jako i pronikavá. Představoval jsem si, že teď naproti mně ze tmy vyjdou neznámí kluci. Úplně jsem to viděl. V tuhle noc, hned po tom, co jsme si to s nimi jednou vyřídili, přišli do Sviblova, aby se pomstili, oni, „pěťáci“, kterým někdo od nás možná někoho zabil, a zítra se tu najde mrtvola, protože teď musí zabít oni, a to se už stalo, vím to, vyprávěli mi o tom! Napravo stál pětipatrový dům, ve kterém nesvítilo ani jedno okno. Nalevo se táhlo ničím nezastavěné místo s osamoceně stojícími holými keři, kde se na studené zemi se zbytky ještě zelené trávy zrovna v tuhle listopadovou noc válela vlhká těžká mlha. Světlo, které z vysokých stožárů lamp klesalo k zemi jako padák, bylo také zahaleno mlžným oparem. Najednou byl za keři už zřetelně slyšet rámus a chraplavé skučení. Na světlo sebou plácla velikánská šedá vrána, úplně jako by spadla z velké výšky. Prudce se podívala mým směrem a vyčkávavě strnula, pozorovala, co já na to. Spadlý pták vypadal nemocně nebo zraněně a bylo mi jasné, že je pro něj těžké vzlétnout. Ale jen co jsem to pochopil, vrána se přemohla, vyskočila a začala se postrkovat křídly vpřed. V drápech pevně svírala nějakou zdechlinu. Se svým úlovkem zvládla uletět asi deset metrů. Pak se vše znovu opakovalo a já jsem si stihl všimnout krysího ocásku, vlajícího ve vzduchu…

Chcíplá krysa byla těžší než vrána, která už byla z nočního přenášení své kořisti se silami u konce.

Všechno se tím vysvětlilo, ale já stejně začal upalovat ke svému domu jako o závod se smrtí. Běžel jsem po spící prázdné ulici a zuřivě jsem řval, abych se zbavil strachu, a taky jsem si představoval, že na své cestě válcuju všechny nepřátele.

2 Komentář k překladu

2.1 Polemika o díle autora

Analýzu překladu otevírá kapitola zprostředkovávající pohled na tvorbu Olega Pavlova. Některé rysy jeho autorského stylu, které mu byly vyčítány ruskou kritikou (nebo byly naopak vyzdvihovány), jsou velmi výrazné, a byly tudíž náročné i pro překlad.

Autor překládané povídky, Oleg Pavlov, spisovatel, jehož díla jsou často čtenářsky náročná, je v současné ruské literatuře pro mnohé kritiky i čtenáře personou non grata, i když bychom měli uvést spíše „byl“, jelikož spisovatel v roce 2018 zemřel na infarkt. Tvorba Olega Pavlova vyvolávala ostré diskuse a vzbuzovala protichůdné emoce. Po jeho smrti se objevily zejména kladné články o jeho tvorbě, na internetu lze najít komentáře i zamyšlení, ve kterých jejich autoři sice upozorňují na složitý charakter a komplikovanou osobnost Olega Pavlova, nicméně většinou hodnotí jeho tvorbu jako cennou a nadčasovou, mající své místo v současné ruské literatuře.

Kritici, kteří autora ať už za jeho života nebo později uznávali a uznávají, vyzdvihují zejména jeho originální styl, který nelze přirovnat k jiným spisovatelům. Někdy nachází podobnost při srovnání s díly Andreje Platonova, zejména co do autorského stylu. Spisovatel a kritik Pavel Basinskij definoval důležité téma jeho tvorby, a sice život vojáků a dozorců v lágrech v posledním období socialismu, tj. v posledním desetiletí před rozpadem SSSR.[77] Právě zobrazení života ve všech jeho aspektech je pro něj stěžejní, a netýká se to jen života v lágrech, jak ostatně dokazuje i povídka *Školáci*. Spisovatelka a kritička Majja Kučerskaja si všímá toho, že Pavlovova tvorba není literárním mainstreamem, nepíše o „módních“ tématech, ale o takových, která opravdu zasluhují pozornost čtenáře.[78] Navíc jeho tvorbu můžeme zařadit do realismu, ať už „nového“, „objektivního“, či s prvky naturalismu, čímž se odlišuje od mnohých současných autorů, kteří se hlásí k postmodernismu. Jeho díla odkazují ke klasické ruské literatuře, ne však z hlediska rozsáhlosti. Například dílo *В безбожных переулках* Oleg Pavlov označil za román, ačkoliv kritika ho pokládala spíše za novelu.

---

[77] БАСИНСКИЙ, П. В. *Ангел – наш!* [online]. Российская газета, 2017. № 245(7411). [cit. 2020-01-09]. Режим доступа www: <https://rg.ru/2017/10/29/oleg-pavlov-stal-obladatelem-literaturnoj-premii-angelus-2017-goda.html>.

[78] КУЧЕРСКАЯ, М. А. *Лауреатом Солженицынской премии стал Олег Павлов* [online]. Ведомости, 2012. [cit. 2020-01-09]. Режим доступа www: <https://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2012/02/27/za_sostradane_k_nim#ixzz1nZ08HwqH%20%D0%98%D0%BD%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B2%D1%8C%D1%8E>.

Jeho díla jsou emočně silná, mnohdy až surová, zároveň nejde jen o popis děje a vykreslení psychologie postav, ale také o zamyšlení, ať už s náboženskými či filozofickými motivy. Nejen vzhledem k podobnosti tématu Olega Pavlova přirovnávají k Alexandru Solženicynovi.

Vladislav Otrošenko zmiňuje, že Pavlov sice nebyl jedním z nejpřekládanějších ruských současných autorů, zato získal v Evropě ocenění, polskou cenu Angelus, a navíc se o něm v zahraničí psalo a byl kladně hodnocen.[79]

Filoložka Julija Ščerbinina shrnula, proč se mnohým kritikům Pavlovova tvorba nelíbí. Podle některých z nich je hrdinou děl „fňukal“, kterého musí být čtenáři líto. V próze je nedostatek humoru nebo v ní není vůbec nic humorného. Kritici se navíc vysmívají autorovu přílišnému patosu při zobrazování utrpení. Třeba Kirill Ankudinov označil Olega Pavlova za nejzoufalejšího a nejpochmurnějšího autora současnosti, jenž si podrobuje čtenáře, vtahuje ho do své noční můry, neurózy. V jeho próze je příliš obrazů nemoci a smrti.[80]

Kritička Kapitolina Kokšeňova je toho názoru, že Pavlovova tvorba byla spouštěčem velké vlny v literatuře, protože díky ní vyplulo na povrch to, čeho se bojí ruská společnost. Kritikům podle ní vadil kromě chmurných témat jeho příliš hutný a vážný styl psaní.[81]

Některé kritiky jsou velmi negativní, občas věnují přílišnou pozornost samotnému autorovi, k němuž někteří kritici zaujmuli odmítavý postoj. V Pavlovově tvorbě lze najít vše zmíněné, ať už to kladné, či záporné. Jisté je, že Oleg Pavlov byl velmi výrazný současný autor, který nebral v potaz módní trendy a psal tak, jak jen on sám uznal za vhodné.

2.2 Autorský styl

Oleg Pavlov měl svůj specifický styl, přičemž obecně lze v jeho dílech najít následující charakteristické rysy. Lyrické a epické pasáže se rychle střídají, autor kombinuje spisovný, až knižní jazyk (např. *времяпрепровождение, зиять*), s hovorovými elementy (*червончик, жвачка*), v dílech s lágrovou tematikou se objevují i vulgarismy,

---

[79] ОТРОШЕНКО, В. О. *Разговор с литературой* [online]. Горький, 2018. [cit. 2020-01-08]. Режим доступа www: <https://gorky.media/context/razgovor-s-literaturoj/>.
[80] ЩЕРБИНИНА, Ю. В. *Сквозное сердце* [online]. Знамя, 2012. № 3. [cit. 2020-01-09]. Режим доступа www: <https://magazines.gorky.media/znamia/2012/3/skvoznoe-serdcze.html>.
[81] КОКШЕНЕВА, К. А. *Больно жить* [online]. Студия русской культуры Капитолины Кокшеневой, 2018. [cit. 2020-01-09]. Режим доступа www: <http://koksheneva.ru/posts/bolno-jit-oleg-pavlov/>.

kterých je v překládané povídce velmi málo (*шлюшка*). Přímá řeč je spíše vzácná, zato je silným nosným prvkem příběhů, a v překládané povídce slouží k dokreslení charakteristiky postav (např. direktivní příkazy ředitelky) a jako situační prvek.

Povídka je napsána v ich-formě, autor vypráví několik příběhů ze svého dětství očima dospělého a používá tomu odpovídající jazyk. Zároveň se vyznačuje hlubokým ironickým emočním podtextem a někdy je patrná přílišná stylizace a důkladná promyšlenost vět, která podle našeho názoru textu ubližuje, činí ho nepřirozeným (např. *Помню, сжатый человеческими телами, я чувствовал себя в толще какой-то сильной воды, которая будто бы дышала мной и плавно качала из стороны в сторону в своих невесомых объятьях*.).

Autor popisuje vzhled i charakter postav, přičemž využívá metafory (*кукольное личико*), personifikace (*одевала их одинаково бедность*), srovnání a přirovnání (*с тысячами далеких домов, похожими на уплывающие кораблики*). Celý text je protkán jednoduchými komparacemi a přirovnáními se spojkami *jako (как, словно)* a *jakoby (будто, как будто),* např. *светло и пустовато, как в больничной палате; такой краснолицый, словно варили его в кипятке; толща звуков колыхала душонку, будто щепку.*

Následující podkapitoly jsou věnovány problematice překladu některých konkrétních prvků autorského stylu, který by měl být v procesu překladu v ideálním případě zachován.

2.2.1 Dlouhá souvětí

Povídka má hutný sloh, typická jsou pro ni dlouhá, komplikovaná souvětí s přechodníky a přídavnými jmény slovesnými, která se někdy zdají být až překombinovaná, navíc občas tvoří samostatný odstavec. Jednodušší věty najdeme například v počátečních popisech jednotlivých epizod a ve vyhrocených situacích, kde jsou prostředkem gradace. Krátké věty navíc tvoří kontrast s dlouhými souvětími.

Převod souvětí je v takovém typu textu náročný – například v odborném stylu lze i v češtině využít přídavná jména slovesná a nejrůznější spojky, vyjadřující různé poměry mezi větami. I když daný jev považujeme za autorův záměr a snažili jsme se proto souvětí zachovávat, často jsme se nakonec rozhodli pro parcelaci do dvou i více větných celků, abychom učinili text plynulejším. Navíc v rámci souvětí autor používá právě pro docílení plynulosti a přirozenosti textu spojky *a, ale, i (а, и),* což ilustruje toto souvětí tvořící odstavec:

Мы расселись за продолговатым столом, как одна большая семья, ***и*** *пионервожатая достала стопу уже готовых альбомов, изданных в виде книжек, наподобие детских: больших, мягких, где главное всегда – это картинки,* ***и*** *обратилась с вопросом,* ***а*** *есть ли у кого-то из нас любимый герой* ***и****, может, кто-то сам ей скажет, о ком бы хотел делать альбом.*

V překladu vznikly dvě věty, s čímž je spojeno i nevyužití dvou spojek z originálu:

Usadili jsme se za podlouhlým stolem jako jedna velká rodina ***a*** *pionýrská vedoucí vytáhla štos už hotových alb, vydaných jako knížky, co se podobaly těm dětským – velké, měkké, a hlavně s obrázky. Zeptala se, jestli někdo z nás má oblíbeného hrdinu* ***a*** *jestli jí třeba někdo sám neřekne, o kom by chtěl udělat album.*

2.2.2 Konstrukce s pomlčkou a spojkami

Celkem osmnáctkrát je v textu povídky použita větná konstrukce s pomlčkou a ruskou spojkou *a*. Pro češtinu není typické časté používání pomlček místo čárek či pro oddělení větných celků, jejich zdůraznění. V překladu byly tyto konstrukce upravovány různým způsobem podle celkového kontextu, například v tomto souvětí jde o srovnání ve slučovacím poměru, a proto byla pomlčka odstraněna:

После драки, которой никто не видел, новенький еще долго не показывался в школе – ***а*** *у Игорька не заживала ссадина на разбитой губе.*
Po rvačce, kterou nikdo neviděl, se nováček ještě dlouho neukázal ve škole ***a*** *Igorkovi se nehojila ranka na rozbitém rtu.*

V několika případech před pomlčkou navíc stojí čárka, což odkazuje k podřadnému souvětí. Ještě častější je použití pomlčky se spojkou *и*, které je ale v ruštině frekventovanější a překlad takových vět byl přirozenější. V několika případech byla použita také spojka *но*.

2.2.3 Zdrobněliny

V ruštině je použití deminutiv častější než v češtině, což se netýká jen dětské literatury, ale jazyka obecně, a proto není nezbytně nutné tento jev považovat za autorův záměr. Nicméně užití deminutiv zahrnujeme do autorského stylu, protože vytváří kontrast ve srovnání s další slovní zásobou. Právě zdrobněliny oživují jinak docela nezajímavý a strohý jazyk, jsou nositelem emocionality a expresivity. V češtině jejich užití nebývá vždy vhodné, analogická deminutiva některých ruských slov existují, ale jejich použití v daném kontextu by bylo spíše úsměvné a nepůsobilo by přirozeně. Některé zdrobněliny proto nebyly převedeny (např. *ровнехонько – rovně*, *паренек – kluk)* a účinek deminutiva (nejčastěji byla hovorovým prvkem) byl kompenzován na jiném místě.

V následujícím příkladu nebylo deminutivum použito, ale došlo k doplnění podstatného jména o přídavné, a sice o shodné přívlastky s nespisovnými koncovkami, odrážejícími přímou řeč a zároveň odkazujícími k zdrobňujícímu významu původního deminutiva ve významu *chudáček*:

*(...) пока бешенство не исторгло уже из меня освобождающие, торжествующие вопли: «А твоя мама умерла! **Сиротка**! Детдомовская **сиротка**!»*
*(...) až jsem to nevydržel a vítězoslavně zakřičel: „A tvoje máma umřela! **Malej sirotek! Malinkej sirotek** z děcáku!“*

Deminutiva, která je možné v češtině označit za hovorová nebo která v kontextu působí ironicky, byla zachována, např. *кулачонок – pěstička*, *женушка – ženuška*, *огонек – plamínek* (zde vzhledem ke kontextu celé věty došlo k záměně významově blízkým slovem).

2.2.4 Neurčitá zájmena a příslovce

V povídce si lze povšimnout nadměrného výskytu neurčitých zájmen (např. *какой-то, что-то, кто-то*) a neurčitých příslovcí (např. *как-то, куда-то*).

Celkem osmnáctkrát je v povídce použito neurčité příslovce *почему-то* (a jednou *отчего-то*). Takový výskyt hodnotíme jako nadměrný, jde o jasný autorův záměr. Autorovi se navíc v ruštině nabízelo několik synonym (*что-то, чего-то; по неизвестной причине, неизвестно почему, по какой-то причине*)[82], která ale nevyužil.

Toto příslovce lze do češtiny přeložit jako *z nějakého* n. *z jakéhosi důvodu,* ekvivalentem je i synonymické *kdovíproč* (lze psát také jako *kdoví proč*) a *neznámo proč*.[83] V rámci kompenzace hovorových prvků z jiných míst textu nebo po posouzení celé věty může být příslovce při překladu převedeno také jako *bůhvíproč (bůhví proč).* Pokud příslovce budeme překládat různými způsoby, nedodržíme autorův záměr. Na druhou stranu jsme ani jednu z variant neshledali jako ideální a vhodnou k překladu ve všech případech. Možné překlady do češtiny jsou víceslovné (pouze spřežky je možné psát dohromady), ať už knižní (*z jakéhosi důvodu*), neutrální (*z nějakého důvodu*) nebo hovorovějšího rázu (*bůhvíproč* n. *kdovíproč*), první dvě varianty nejsou formálně podobné ruskému neutrálnímu příslovci *почему-то*, a varianta třetí (spřežky) je podle

[82] Почему-то. *Словарь синонимов* [online]. Академик. Словари и энциклопедии на Академике. [cit. 2020-02-20]. Режим доступа www: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/132542/%D0%BF%D0%BE%D1%87%D0%B5%D0%BC%D1%83>.
[83] Почему-то. *Русско-чешский практический словарь* [online]. Lingea. [cit. 2020-02-20]. Режим доступа www: <https://slovniky.lingea.cz/rusko-cesky/%D0%BF%D0%BE%D1%87%D0%B5%D0%BC%D1%83-%D1%82%D0%BE>.

našeho názoru specifická, a ne zcela obvyklá, a rozhodně nelze tyto spřežky použít při překladu ve všech výskytech.

Rozhodli jsme se pro převedení různými synonymy (na několika místech i jiným způsobem dle kontextu), protože i tak zůstane zachován význam *nejistoty*, nicméně opakování jedné jednotky docíleno nebude. Jako jeden z mnoha příkladů lze uvést následující větu:

***Зачем-то** еще ходил на уроки, хотя его жизнь давно стала загульной, взрослой. Jeho život už dávno připomínal dospělácký flám, ale on **bůhvíproč** pořád chodil na hodiny.*

2.2.5 Překlad názvu povídky

Povídka je nazvána *Школьники*, což do češtiny můžeme přeložit jako *Školáci* nebo *Žáci*. Podle SSJČ je školák *chlapec (dívka) chodící do školy nižšího stupně, žák nižší školy*[84], a žák ten, *kdo chodí do něj. školy (zvl. základní n. střední), do učiliště, kursu ap.*[85]. Slovo *žák* se často používá s přívlastkem (neshodným – *žáci 3. B., žáci základní školy*), dochází tedy ke konkretizaci, o jakého žáka se jedná. Naopak slovo *školák* je obecnější, sice odkazuje k mladšímu věku dítěte, ale zároveň etymologicky vychází ze slova škola, stejně, jako tomu je v ruštině. Váže se tak přímo k prostředí, ve kterém se jednotlivé epizody povídky odehrávají, nebo jsou s ním nerozlučně spjaty. Povídku jsme proto nazvali *Školáci*.

2.3 Analýza problematických jevů překladu

Vzhledem k rozsahu práce není možné se věnovat všem problematickým jevům a překladatelským řešením, které by si zasloužily komentář. Budou proto uvedeny a popsány pouze ty nejdůležitější a nejzajímavější případy.

Je třeba podotknout, že někdy nebylo možné najít vhodný a stejně emocionálně a expresivně zabarvený ekvivalent slova v češtině (např. u slova *мамаша, кирзачи, мазила*), a proto byl několikrát použit princip kompenzace, aby bylo docíleno stejného účinku na čtenáře.

2.3.1 Reálie

V následující podkapitole bude k jednotlivým problematickým místům uveden potřebný kontext, a sice dohledaná informace, umožňující překladateli zvolit řešení, které nemusí

---

[84] Školák. *Internetová jazyková příručka* [online]. Ústav pro jazyk český AV ČR, 2020 [cit. 2020-02-23]. Режим доступа www: <https://prirucka.ujc.cas.cz/?slovo=%C5%A1kol%C3%A1k>.
[85] Žák. *Internetová jazyková příručka* [online]. Ústav pro jazyk český AV ČR, 2020 [cit. 2020-02-23]. Режим доступа www: <https://prirucka.ujc.cas.cz/?slovo=%C5%BE%C3%A1k>.

být vždy jediné možné a absolutně správné. Tyto informace zároveň slouží jako argumenty, zdůvodňující konečný překlad.

2.3.1.1 Milice

Se sovětským režimem jsou neodmyslitelně spjaty pojmy *милиция* a *милиционеры*, které do češtiny můžeme přeložit jako *milice* nebo *policie* (analogicky *milicionáři, policisté*). V případě použití slova *milice* může u čtenáře vzniknout negativní konotace (např. *lidové milice v Československu*). Překladatel Libor Dvořák ve svém překladu Mistra a Markétky, kde se tyto pojmy také vyskytují, využívá pojmy *milice* a *milicionář*, avšak jednou, nejspíš z nepozornosti, přeložil stejné slovo jako *policista*.[86]

Milice fungovala i po rozpadu SSSR až do roku 2011, následně byla přejmenována na *policii* (*полиция*), která je tedy v případě Ruské federace novodobou reálií. V našem textu nejde jen o zmínku *milice* nebo *milicionáře*, tyto pojmy jsou součástí vyprávěné historky, opakují se, *milicionáři* navíc kontrastují se *spolupracovníky* (milice) *v civilu*. Pro zachování dobové reálie je třeba přeložit tyto jednotky jako *milice* a *milicionáři*, např.:

*Я знал, что в **милицию** «забирают», думал, на веки вечные.*
*Věděl jsem, že **milice** může někoho sebrat, a myslel jsem si, že nadobro.*

2.3.1.2 Oblečení a obuv

Do oblasti vojenské terminologie by bylo možné zařadit sousloví *кирзовые сапоги* (hovor. *кирзачи*). *Kirza* je bavlněná „vícevrstvá“ tkanina, materiál používaný při nahrazování jednotlivých dílů svršku obuvi, např. holení u juchtových holínek, které se používaly v Rudé armádě a vojáci je nosí dodnes. [87] Jde o tkaninovou náhražku kůže, *umělou kůži*. Na internetu lze najít třeba zmínku o *holinkách z kirzy*[88]. Za pomoci Databáze překladových ekvivalentů Treq byly zjištěny ekvivalenty *keprové holínky* nebo *plátěné vysoké boty.*[89] *Holínky z umělé kůže* a *plátěné vysoké boty* nezní přirozeně, naopak

---

[86] KARGALCEVA, N. *Bulgakovův román Mistr a Markétka a jeho české překlady* [online]. Diplomová práce. Univerzita Karlova, 2007. s. 43. [cit. 2020-02-25]. Режим доступа www: <https://is.cuni.cz/webapps/zzp/download/120121894>.
[87] PRIOR, T. *Rudá armáda: obuv a kožená výstroj, kožené a náhražkové materiály, kovové výstrojní součástky 1936–1946* [online]. Rigorózní práce. Univerzita Karlova, 2017. s. 49. [cit. 2020-02-25]. Режим доступа www: <https://is.cuni.cz/webapps/zzp/download/150037757>.
[88] MALACHOVSKÁ, A. *Ruská armáda bojuje s vnitřním nepřítelem. Onucemi* [online]. Aktuálně. cz. [cit. 2020-02-25]. Режим доступа www: <https://zpravy.aktualne.cz/zahranici/ruska-armada-bojuje-s-vnitrnim-nepritelem-onucemi/r~i:article:768871/>.
[89] Кирза. *Treq. Databáze překladových ekvivalentů ekvivalentů* [online]. Ústav Českého národního korpusu FF UK. Praha, 2015. [cit. 2020-02-25]. Режим доступа www: <https://treq.korpus.cz/index.php>.

kompaktnější slovní spojení *keprové holínky* přímo odkazuje k použití *textilie*, a ačkoliv takové slovní spojení není obvyklé a nepoužívá se, máme za to, že svůj účel splní, čtenář nabude dojmu, že jde o jiné, a sice *textilní holínky*.

*Зимой шатались по улицам в **кирзовых сапогах** и в телогрейках, пугая прохожих в сумерках своим видом.*
*V zimě se venku potloukali v **keprových holínkách** a prošívaných vaťácích, a když se začalo stmívat, svým zevnějškem děsili kolemjdoucí.*

V češtině existuje pro *holínky* synonymum *gumáky*, které ale odkazuje k materiálu, ze kterého jsou vyrobeny. Tyto ruské *holiny z kirzy* však nejsou gumové, nýbrž textilní. Proto jako ekvivalent ruského hovorového slova *курзачи* nebyly použity *gumáky*:

*А на **кирзачи** выклянчил у нее же обманом десять рублей, обещая, что потрачу на покупку каких-то дефицитных кроссовок, (...).*
*A na **holiny** jsem si u ní vyškemral deset rublů, protože jsem jí zalhal a slíbil, že peníze utratím za nějaké nedostatkové tenisky.*

Následující věta obsahuje dvě typické reálie spadající do tématu oblečení.

*(...) ничего геройского, разве что автомат сжимает в руках, сам в **тулупе деревенском** и **ушанке**, какой же это герой!*

Тулуп je dlouhý volný kožich s velkým límcem, obvykle z ovčí kůže.[90] Reálie je doplněna přívlastkem *деревенский*, s významy *vesnický, venkovský, sedlácký*, což má snížit představu kožichu, nejde o žádný luxusní kousek, spíš je *odrbaný* a *obyčejný*. Pokud bychom chtěli zachovat původní název a transkribovali jej, čtenář by mu s nejvyšší pravděpodobností neporozuměl, nevěděl by, co si má pod slovem představit.

To se však netýká *ušanky*, i v našem prostředí dobře známé zimní čepice s odklopnými chrániči uší. Opisný překlad není vhodný vzhledem k plynulosti textu, věta je hovorově laděná, úderná. V prvním případě byl proto zvolen simplifikovaný ekvivalent, v případě slova *ушанка* proběhla transkripce:

*Hrdinského na něm není nic, na sobě má **prachobyčejnej kožich** a na hlavě **ušanku**, vždyť jen ten samopal drží v rukách, no jakej je tohle hrdina!*

Věta představuje vnitřní monolog vypravěče, navíc má v ruštině hovorovější syntax, proto jsme zde využili nespisovné koncovky, které vytváří dojem neformálního vyjádření a odkazují k řeči malého kluka.

---

[90] Тулуп. *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный* [online]. Москва: Русский язык, 2000. [cit. 2020-02-27]. Режим доступа www: <https://www.efremova.info/word/tulup.html#.XjhkSmhKjIU>.

V další větě se vyskytl ještě jiný oděv – *сарафан*, a zmíněný v ní je i druh látky, *кримплен:*

Все они, платья, шиты были по одному фасону, навроде ***сарафана*** *с рукавчиками, да из одной старомодной ткани, из* ***кримплена****.*

Сарафан je podle slovníku Jefremovové *платье без рукавов или со вшитыми рукавами из бельевой ткани,* ale také *русская национальная женская одежда*, a dokonce *длинный мужской кафтан особого покроя (на Руси IX-XIII вв.)*[91]. Slovo v podobě *sarafán* se objevuje i v češtině, reálie tedy byla přejata, nicméně nelze očekávat, že toto slovo budou znát všichni čtenáři a že si pod ním představí nejen *část ruského kroje,* ale také jakékoliv *ženské šaty.* Učitelka z našeho textu totiž určitě nechodí do školy v ruském kroji, ale v šatech. Proto bylo třeba v překladu zvolit vhodný opis, např. na základě charakteristických rysů těchto šatů. Učitelka je podle popisu spíše mohutné postavy a šaty jsou šity z *polyesterové nemačkavé látky*[92], z *umělého krimplenu*, a proto jsme *šaty* doplnily popisným přívlastkem *pytlovité*:

Všechny tyhle ***pytlovité šaty*** *s rukávky byly ušité podle jednoho střihu, a navíc byly všechny ze stejné staromódní látky, z* ***umělého krimplenu****.*

2.3.1.3 Školní prostředí

V Rusku je ve školách obvyklá výuka na dvě směny, dopolední a odpolední, která byla zavedena kvůli nárůstu obyvatel, a tím pádem zvýšení počtu dětí ve školách. Zároveň existuje i třetí směna, která je ale výjimečná a měla by být zrušena. V jedné větě je právě ta odpolední, *„druhá směna“* (*вторая смена*), zmíněna:

На школьный двор вырвались после уроков своей ***второй смены****, уже в сумерках.*

V českých školách není výuka na směny obvyklá, proto by doslovný překlad působil rušivě. Výuka *„druhé směny“* probíhá odpoledne, a proto jsme se rozhodli pro substituci výrazem *odpolední vyučování*, který sice v českém prostředí odkazuje ke skutečnosti, že výuka probíhala nejen dopoledne, ale také odpoledne, zároveň však zůstane zachován alespoň jeden důležitý význam, a sice příslovečné určení času, kdy k popisované události došlo.

---

[91] Кримплен. *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный* [online]. Москва: Русский язык, 2000. [cit. 2020-03-13]. Режим доступа www: <https://www.efremova.info/word/sarafan#.XmuI2KhKjIU>.

[92] ZAMLYNOVÁ, T. *Krimplen hospodyňky milovaly. Kdo z něj neměl kalhoty či šaty, jako by nebyl* [online]. inStory.cz, 2019. [cit. 2020-03-13]. Режим доступа www: <https://styl.instory.cz/retro/3424-krimplen-hospodynky-milovaly-kdo-z-nej-nemel-kalhoty-ci-saty-jako-by-nebyl.html>.

*Už se stmívalo, když jsme po našem **odpoledním vyučování** vtrhli do školního dvora.*

Stejně jako v bývalé ČSSR, i v SSSR se ve školách vyučovala vojenská výchova. V povídce je tento fakt odražen prostřednictvím zkratkového slova *военрук*, vzniklého ze slovního spojení *военный руководитель* a označujícího učitele vojenské výchovy ve školách různého typu[93].

*Одной из весен подвыпившим **военруком** был отстрелен нос Горькому.*

Doslovný překlad *„vojenský učitel“* není možný, bude nutné připojit neshodný přívlastek. U nás se analogický předmět jmenoval *branná výchova*. V SSSR předmět *начальная военная подготовка (НВП)* často vyučovali důstojníci v záloze, což je důležité pro další kontext.[94] Podle popisu náplně obou předmětů jsme usoudili, že si byly velmi podobné, a došli jsme k názoru, že bude lepší využít český ekvivalent a doslovně nepřekládat ruské slovní spojení:

*Až jednou na jaře podnapilý **učitel branné výchovy** ustřelil Gorkému nos.*

V další větě se odráží délka povinné školní docházky ve slově *восьмилетка*:

***Восьмилетка** для него была концом учебы – как и многие, дядя Федор надумал идти в училище, чтобы получить профессию автослесаря.*

Ruský školní systém se liší od českého, nicméně v současnosti povinná školní docházka (analogicky naše základní škola), zahrnující jak „základní“, tak „střední“ školu, trvá buď 9, 10, nebo 11 let.[95] V roce 1968 proběhla v SSSR reforma, jejímž výsledkem byla změna struktury základního a středoškolského vzdělávání. Základní škola se zkrátila na tři roky (1. – 3. třída), neúplná střední se prodloužila o jeden rok (4. – 8. třída), střední škola se opět zkrátila (9. – 10. třída).[96] Po dokončení osmé třídy si žáci mohli vybrat, jestli se budou dále „učit“, nebo se „vyučí“; nyní se tak rozhodují v deváté třídě. V našem

---

[93] Военрук. *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный* [online]. Москва: Русский язык, 2000. [cit. 2020-02-27]. Режим доступа www: <https://www.efremova.info/word/voenruk.html#.Xjgg_mhKjIU>.
[94] КРАСИКОВ, С. *Уроки Начальной Военной Подготовки (НВП) в советских школах* [online]. Livejournal, 2015. [cit. 2020-02-27]. Режим доступа www: <https://eska.livejournal.com/2207825.html>.
[95] *Система образования в России* [online]. Госуслуги. Официальный интернет-портал государственных услуг, 2020. [cit. 2020-02-27]. Режим доступа www: <https://www.gosuslugi.ru/situation/obtain_education/education_system_in_Russia>.
[96] ЕРОХИНА, Е. *Школьное поле экспериментов* [online]. Newtonew, 2017. [cit. 2020-02-27]. Режим доступа www: <https://newtonew.com/school/shkolnoe-pole-eksperimentov>.

případě jsme přistoupili ke konkretizaci substantiva *школа* slovem *základka*, které bude dobře fungovat pro představu tehdejšího školního systému:

***Základka** pro něj končila v **osmé třídě,** protože se jako i mnoho dalších rozhodl, že pak půjde na učiliště a vyučí se automechanikem.*

A právě pojem *učiliště* se promítá i do další věty ve zkratce *ПТУ*:

*Дядя Федор знал, что его ждет **ПТУ**, и давно перестал бояться школы (...).*

Zkratka ПТУ odkazuje ke *středními odbornému učilišti* (*профессионально-техническое училище)*. V češtině se proto nabízí zkratka *SOU*. Užití takové zkratky ale působí v povídce rušivě. Vzhledem k menší intenzitě používání zkratek v češtině jsme toho názoru, že použití zkratky není zcela vhodné a čtenář by možná nad zkratkou musel chvíli přemýšlet, než by ji rozklíčoval. Proto jsme využili hovorovou variantu *učňák*:

*Strejda Fjodor věděl, že ho čeká **učňák**, a dávno se přestal bát školy.*

2.3.1.4 Další reálie

Zajímavý byl překlad slovního spojení *мичуринские яблоки:*

*В саду Ботаническом трясли **мичуринские яблоки**.*

Toto slovní spojení je neoddělitelně spojeno s osobou sovětského pěstitele Ivana Vladimiroviče Mičurina, hrdiny socialistické práce, který se stal symbolem socialistického pěstitelství. Podařilo se mu vyšlechtit mrazuvzdorné druhy ovoce, které byly vhodné pro chladné kontinentální ruské podnebí.[97]

Za minulého režimu bylo toto jméno známé i u nás. Používalo se z něho vytvořené substantivum *mičurinec* (zasloužilý pěstitel, dodnes amatérští pěstitelé a zahrádkáři, např. *mladý mičurinec*)[98] či adjektivum *mičurinský* (např. *mičurinský kroužek*). Podoba slova byla pro Čechoslováky vtipná a stala se zdrojem vtipů a říkaček.

Pokud bychom v překladu použili doslovné ruské spojení *mičurinská jablka*, jsme si jisti, že by jej mladší generace povětšinou nepochopila. Pro povídku tato reálie není důležitá, nerozvádí se dál, a proto nevzniká nutnost reálii zachovat, což si lze dovolit

---

[97] *Z nadšeného zahrádkáře Mičurina hrdina budování socialismu* [online]. ČT24. Česká televize, 2010. [cit. 2020-02-27]. Режим доступа www: <https://ct24.ceskatelevize.cz/svet/1337389-z-nadseneho-zahradkare-micurina-hrdina-budovani-socialismu>.

[98] *Slovník dobových výrazů* [online]. Občanský průkaz. Česká televize. [cit. 2020-02-27]. Режим доступа www: <https://www.ceskatelevize.cz/porady/10244923435-obcansky-prukaz/20951212080/10994-slovnik-dobovych-vyrazu/>.

vzhledem k typu textu. Primární je zachování úsečnosti a jednoduchosti věty, ačkoliv se tak ztratí reálie:

V Botanické zahradě jsme setřásali ***jablka,*** *(...).*

V následující větě se vyskytuje název sovětské trafiky, novinového stánku:

Обмен значка на монетку никому и в голову не приходило считать неравным: на значок с Лениным тратил я в ***киоске «Союзпечать»*** *пятнадцать своих копеечек (...).*

V takovém stánku školáci nakupovali školní potřeby, fanoušci fotografie sovětských umělců, ale ke koupi byly třeba také odznaky, ze kterých bylo možné vytvořit celou sbírku.[99] Zde jsme se také rozhodli reálii nezachovat, transkribované vlastní jméno by bylo rušivé, jeho překlad není možný. Transkripce by českému čtenáři nic neřekla, podtextová informace by musela být vyjádřena opisem, což by nebylo vhodné:

Nikoho ani nenapadlo považovat výměnu odznaku za minci za nevyrovnanou, vždyť za odznáček s Leninem jsem v ***trafice*** *utratil svých patnáct kopějek (...).*

V textu se setkáváme s pojmem *баня* v souvislosti s letním dětským táborem:

Тогда всех не принятых в пионеры, человек восемь, повели в пионерскую комнату, как в ***баню****...*

(...), а уже после ***бани*** *с ощущением вымытости ходишь до вечера чужой себе, сам не свой.*

Баня je speciální stavba, místnost určená pro mytí a napařování; může označovat i samotný proces mytí a další procedury. Snažili jsme se dohledat, jak mohla v SSSR taková *баня* na letním táboře vypadat. Podle dobových fotografií i dalšího popisu toho, co se na táboře dělo, lze vyvodit, že autor nemá na mysli *napařování, saunování*, jako spíš *umývání, koupání, sprchování*. V táborech mnohdy nebyly vlastní *umývárny* a děti proto v *банный день* jezdily někam, kde sprchy či „lázně“ byly. Pro děti to bylo něco mimořádného. Takový den je v povídce také zmíněn:

И было такое состояние духа, какое приходило до этого только в летнем пионерском лагере, когда наступал ***банный день*** *(...).*

Zavrhli jsme možné překlady slova *баня – sauna* a *lázně*. Zároveň české *umývárna* nám nejprve nepřišlo vhodné, protože součástí umýváren na táborech nebývají vždy *sprchy*, navíc do *umývárny* může chodit každý sám ráno i večer, nakonec jsme však tento, podle nás ne zcela vhodný překlad, zvolili. Bohužel jsme přišli o zajímavou ruskou

[99] *Торговые киоски времен СССР* [online]. Яндекс Дзен, 2019. [cit. 2020-02-27]. Режим доступа www: <https://zen.yandex.ru/media/ussr/torgovye-kioski-vremen-sssr-5c740e1ea0219800b21baf2e>.

reálii, kterou dozajista ruská „*baňa*“ je. V překladu uměleckého textu však nelze často využívat opisy, které i při velké snaze působí rušivě, poznámky pod čarou, a už vůbec ne poznámky překladatele v závorkách. V ostatních větách jsme se rozhodli pro simplifikaci a omezení významu na *umývání* a *koupání*, protože šlo v první řadě o hygienu. Věty, ve kterých se vyskytuje *баня*, jsme přeložili následovně:

Tenkrát asi osm lidí, všechny, co ještě nebyli v pionýru, zavedli do pionýrské místnosti ***jako do umýváren.***

Do té doby mi takhle bylo jen na letním pionýrském táboře, když došlo na ***koupací den.*** *Ale* ***jak se umyjete****, máte pocit čistoty, až do večera z toho jste celí pryč, jako v cizí kůži.*

Портвешок, „portské víno“, byl druh vína, velmi oblíbený v SSSR, kde se i vyráběl. Podobně jako portské víno mělo více procent alkoholu než vína klasická, jinak s pravým portugalským portským nemělo nic společného.[100] O tomto víně se v povídce mluví:

(...) а потом уходил отсыпаться в школьный сад или еще куда-то, один или уже с какой-нибудь приблудной девчонкой, ***подпоив и ее портвешком****.*

Varianta *портвешок* je slangová, stejně jako i jiné, např. *портвагин*.[101] Pro docílení podobného účinku na čtenáře jsme zvolili slangové *vajno* doplněné opisujícím přívlastkem *silný*:

(...) a potom se šel dospat do školní zahrady nebo někam jinam, sám nebo s nějakou zbloudilou holkou, ***kterou taky nalil silným vajnem.***

Jedním z nejdiskutabilnějších míst v překladu byl převod zkratky *ВДНХ*, celým názvem *Выставка достижений народного хозяйства*, označující jedno z moskevských výstavišť vzniklé v roce 1939, které neslo různé názvy, v současnosti se však opět označuje jako *ВДНХ*.[102] Zkratka se v ruštině běžně používá, transkribovaná varianta je známá i v češtině – *VDNCh*. Pokud bychom překládali jiný než umělecký text (např. text publicistický), bylo by možné uvažovat o vložení celého přeloženého názvu (*Výstava úspěchů národního hospodářství*) nebo opisu (např. *moskevské výstaviště*). To

---

[100] Портвешок. *Словарь русского мата и неформального языка* [online]. [cit. 2020-02-27]. Режим доступа www: <http://www.russki-mat.net/page.php?l=RuEn&a=%D0%BF%D0%BE%D1%80%D1%82%D0%B2%D0%B5%D1%88%D0%BE%D0%BA>.

[101] Портвешок. *Словарь русского арго* [online]. Академик. Словари и энциклопедии на Академике. [cit. 2020-02-27]. Режим доступа www: <https://russian_argo.academic.ru/9579/%D0%BF%D0%BE%D1%80%D1%82%D0%B2%D0%B5%D1%88%D0%BE%D0%BA>.

[102] О ВДНХ [online]. *ВДНХ*. [cit. 2020-03-13]. Режим доступа www: <https://vdnh.ru/visitors/about/>.

ale v našem překladu možné není, a zbývají proto dvě možnosti, a sice odstranění původní zkratky a její nahrazení výrazem *výstaviště* (případně *Výstaviště*, které bude odkazovat k nějakému jednomu výstavišti, nahradí tedy vlastní jméno), nebo použití transkribované zkratky *VDNCh*.

Při použití pouhého *výstaviště* dojde k nechtěnému zevšeobecnění, u výrazu s velkým písmenem (*Výstaviště*) bude docíleno významu jedinečnosti, ale v textu nám tato podoba nepřipadá přirozená, jednotlivá výstaviště mívají konkrétní název (*Veletrhy Brno, Výstaviště Praha*). Co se týče zkratky, na jednu stranu působí v textu rušivě, což umocňuje ještě její zvláštní podoba s *Ch* na konci, na druhou stranu odkazuje k jednomu konkrétnímu místu. V textu se mluví i o známém *sousoší Dělník a Kolchoznice*, které se právě před tímto výstavištěm nachází, přímo v textu proto existuje spojitost mezi *VDNCh* a *sousoším*.

Ani jeden z možných způsobů překladu nehodnotíme jako vhodný, nakonec jsme se však přiklonili k použití zkratky, přičemž si jsme vědomi toho, že si pod ní konkrétní výstaviště představí jen malá část čtenářů a pro ostatní půjde o nicneříkající zkratku, zároveň však nechceme z textu zcela odstraňovat důležité reálie a také chceme čtenáři ponechat možnost být aktivním a zkratku si v případě zájmu dohledat. Při prvním výskytu jsme zkratku doplnili apelativem *výstaviště*, tj. *(...) pompézně zhýralým babylónským kolosem výstaviště VDNCh,* což zní velmi kostrbatě, ale použití apelativa při prvním výskytu je nutné. V překládané části originálu se zkratka vyskytuje celkem pětkrát, v překladu jsme ji však použili jen třikrát, jelikož jsme se snažili její výskyt alespoň omezit, a proto jsme využili i náhradu zájmenem či pouhým výrazem *výstaviště*.

2.3.2 Přímá řeč a vnitřní monolog

V povídce se nevyskytuje mnoho pasáží s přímou řečí, a proto takové promluvy text ozvláštňují (ať už stylisticky nebo z hlediska děje) a fungují jako aktivizační prvek čtenáře.

Například v promluvách ředitelky jsme se snažili zachovat direktivní tón, ale i tak bylo nutné doplnit do vět slovesa, aby věty v českém překladu vůbec měly smysl:

*Но вот школьные стены вдруг сотрясал ее окрик: «**Мать ко мне! Отца ко мне!**»*
*Zato školní zdi se z ničeho nic otřásaly jejími výkřiky: **„Ať přijde matka do školy! A otec taky!“***

V celém překladu jsou pouze na dvou místech použity nespisovné koncovky u přídavných jmen a zájmena, a sice v případě přímé řeči a vnitřního monologu.

Vzhledem k jazyku originálu jsme se v rámci celého textu rozhodli nevyužít nespisovných koncovek v češtině, díky kterým by sice překlad působil přirozeněji a plynuleji, ale jejich použití by v celém textu nebylo opodstatněné. K docílení přirozené hovorovosti jsme proto jejich použití omezili právě na přímou řeč *(mal**ej** sirotek, malink**ej** sirotek*) a vnitřní monolog, který se navíc vztahuje k myšlenkám vypravěče jako dítěte *(prachobyčejn**ej** kožich, no jak**ej** je tohle hrdina).*

2.3.3 Německé promluvy v textu

V ruském textu se vyskytují cizojazyčné pasáže, konkrétně jde o čtyři výskyty přímé řeči, pronášené učitelkou němčiny. Němčina je přenesena do azbuky pomocí transkripce:

*Она изрыгала, как вулкан: **«Ахтунг!»***

***«Битте, битте...»** – наводила она указку, не вспоминая давно никого по именам.*

*Если кто-то замолкал, она просыпалась и багровела не на шутку, произнося: **«Айн, цвай, драй – дас коридор зайн!»***

*(...) просыпалась, что-то вспоминая, и поощрительно, как бы соглашаясь, произносила: **«Я-а, я-а... Дрезден ист гуте штат!»***

Autor mohl ponechat tyto věty v latince a nepřenášet je do azbuky. Možná se snažil být ironický a poukázat na fakt, že učitelka pronášela dokola několik stejných vět, jak se v povídce čtenář dozví. Vypravěčem je dospělý muž, který podle všeho němčinu v životě dále nepotřeboval a pamatuje si nazpaměť právě dokola opakované učitelčiny promluvy, které by ale nezvládl napsat. S prvními dvěma kratšími promluvami není žádný problém, nicméně při převodu dalších dvou promluv vznikají obtíže.

Ať byl autorův záměr jakýkoliv, u třetí a čtvrté věty je třeba se rozhodnout, zda také využít pravidlo „píšu, jak slyším“, nebo věty přepsat správně německy. V našem prostředí je němčina mnohem častější a žáci, i když se ji neučí, často pasivně znají nějaká slovíčka a mnoho čtenářů by dokázalo německé věty nejen správně přečíst, ale také je pochopit.

Zvolili jsme první možnost, transkripci, jelikož se hodí do dětského školního prostředí, koresponduje s úvahou o zapamatování celých promluv nazpaměť a zároveň o neschopnosti jejich správného přepisu.

*Chrlila jako sopka: **„Achtung!“***

***„Bitte, bitte…“** mířila na nás ukazovátkem, protože si dávno nepamatovala naše jména.*

*Když někdo ztichl, probudila se, celá zrudla a řekla: **„Ajn, cvaj, draj – das koridor zajn!“***

*(...) na něco si vzpomněla a povzbudivě, jako by souhlasně, pronesla: **„Jaaa, jaaa… Drezdn ist gute štat!“***

2.3.4 Frazeologizmy

Ve čtvrté kapitole se setkáváme s idiomem *сам не свой*. Podle publikace Ruské idiomy se jedná o někoho, kdo *ztratil duševní rovnováhu, sebeovládání, je něčím mimořádně rozrušený, rozčilený, zneklidněný, a je celý jakoby nesvůj, celý pryč*.[103]

Vzhledem k častému použití spojek *jak (jako)* a *jakoby* v překladu jsme se spojení se spojkou chtěli vyvarovat alespoň tam, kde to bylo možné, proto jsme zde použili frazém *být z něčeho celý pryč*.

(...), а уже после бани с ощущением вымытости ходишь до вечера чужой себе, ***сам не свой****.*

Ale jak se umyjete, máte pocit čistoty, až do večera z toho ***jste celí pryč****, jako v cizí kůži.*

V první kapitole se vyskytuje známý idiom *вымокнуть до нитки*. Do češtiny ho lze převést hned několika způsoby, a sice zmáčet se *skrz naskrz; na kůži; na kost;* případně *zmáčet se, že nezůstala nit suchá (до последней нитки).*[104]

Залили горячей водой пол на кухне и в коридоре, искупались и ***вымокли до нитки****.*

Podlahu v kuchyni a na chodbě jsme zaplavili teplou vodou, vymáchali se v ní a ***zmáčeli se skrz naskrz****.*

2.3.5 Náboženská tematika

Velmi zajímavý je výskyt religiózní slovní zásoby. Oleg Pavlov byl věřící, často mluvil o Bohu, jeho další díla jsou prolnuta zamyšleními o víře. V překládané povídce se nevyskytly přímé náboženské motivy či témata odkazující k víře, nicméně náboženské odkazy jsou patrné v epizodě týkající se hodiny němčiny: *отмолившийся у доски ученик* a *встать монашком у доски.* Autor vykresluje ironii popisovaného zkoušení, „trápení“ žáků, kteří se kvůli svým nesnázím obrací k Bohu, popisuje jejich postoj, který připomíná modlícího se mnicha, jeptišku. Pokud by se podobných slovních spojení či slov objevilo více, dalo by se mluvit o autorském stylu, v našem případě jde spíše o přirovnání popisované situace k představě modlícího se mnicha na základě fyzické podobnosti.

K Bibli odkazuje spojení *райские кущи* a výraz *пришествие,* které byly vzhledem ke kontextu celých vět přeloženy jako *rajské plody* a *soudný den*. Symbolický odkaz lze najít třeba v následujícím přirovnání:

Сияли сталью замершие горны, будто ***священные сосуды****.*

---

[103] PODLESNYCH, A. *Ruské idiomy.* Brno: Computer Press, 2011. s. 303.

[104] Нитка. *Русско-чешский практический словарь* [online]. Lingea. [cit. 2020-02-25]. Режим доступа www: <https://slovniky.lingea.cz/rusko-cesky/%D0%B4%D0%BE%20%D0%BD%D0%B8%D1%82%D0%BA%D0%B8>.

V této větě jsme se spojení rozhodli nezachovat a substituovat, protože zvolený ekvivalent podle nás funguje pro představu, kterou má u čtenáře vyvolat originální spojení *священные сосуды*, v českém (přece jen více ateistickém) prostředí lépe: *Utichlé trubky ocelově zářily jako* ***vycíděné nádobí****.*

2.3.6 Mluvící jména

V povídce se dvakrát vyskytuje tzv. mluvící vlastní jméno, konkrétně příjmení – *Кривоносов* a *Вонюкин*. Mluvící jména mají charakterizační funkci, opírají se o apelativní sémantiku základu.[105]

Chlapec *Кривоносов* má křivý nos a jeho příjmení funguje zároveň jako nadávka. Příjmení vychází ze slovního spojení *кривой нос*, v češtině *křivý nos*. V překladu by bylo možné uvést transkribovanou formu *Krivonosov*, čtenáři by došlo, že příjmení má spojitost s fyzickou vlastností nositele. Zároveň se však nabízí možnost příjmení počeštit a *Krivo-* nahradit českým kořenem *Křivo-* (*Křivonosov*), přičemž díky koncovce *-ov* bude i nadále jasné, že jde o ruské příjmení. Vzhledem k tomu, že v překladu bylo upraveno i další příjmení a zároveň byla nepatrně upravována některá křestní jména a přezdívky, rozhodli jsme se použít variantu *Křivonosov*.

V případě příjmení *Вонюкин* byla náhrada složitější. Ruská podoba vychází ze substantiva *вонь* (*smrad, zápach, puch*), které je možné označit za rusko-české homonymum, jelikož podobně znějící české slovo *vůně* má opačný význam. Příjmení hraje v textu podstatnou roli, a pro docílení jazykové hry ho proto bylo třeba zaměnit, a to tak, že se využije české slovo se stejným významem – nabízí se slova *smrad, zápach, puch*. Za nejvhodnější a nejlépe znějící ekvivalenty pokládáme formy *Zapachnin* a *Puchnin*, které budou mít v českém překladu chtěnou charakterizační funkci, ale zároveň si díky koncovce *-in* zachovávají ruskou formu. Nakonec jsme v překladu použili variantu *Puchnin*.

[105] KNAPPOVÁ, M. *Literární onomastika* [online]. CzechEncy - Nový encyklopedický slovník češtiny. [cit. 2020-03-25]. Режим доступа www: <https://www.czechency.org/slovnik/LITERÁRNÍ ONOMASTIKA>.

Заключение

Целью настоящей дипломной работы было создать адекватный перевод части повести О. О. Павлова «Школьники». Возникший перевод был нами затем проанализирован в комментарии к переводу.

На основе того, что данная работа посвящена переводу, в первых главах теоретической части рассматривались такие понятия и явления из теории перевода, которые важны и в процессе перевода художественного текста. Были приведены основополагающие переводческие термины, к примеру, *эквивалентность* и *адекватность*, и соответствующие виды перевода – *эквивалентный*, *адекватный* и др. В сжатом виде был охарактеризован *художественный перевод* и были описаны его основные черты. Однако, с нашей точки зрения, только изучение теории при переводе литературных текстов не хватает. На особенностях художественного перевода, которые мы считаем самыми важными, будет показано, что еще необходимо для создания качественного и адекватного перевода, и каким образом мы справились с задачами самого сложного вида перевода.

Во-первых, одна из важнейших особенностей перевода литературных текстов заключается в *небуквальности*, не требующей точности, поэтому его результатом скорее является *свободный* (*вольный*) *перевод*. Именно это представляло для нас самую большую проблему, так как раньше нами были осуществлены другие виды перевода, в большей степени переводы публицистических текстов, и, таким образом, повесть была для нас первым более емким по объему литературным текстом. При первом аналитическом чтении перевода были выявлены следующие недостатки: слишком буквальный перевод некоторых понятий и довольно частое копирование русского синтаксиса. Данные недостатки в большей степени нарушали складность повествования, из-за чего будущий читатель мог бы оценить перевод как неудачный.

Мы старались воспроизвести авторский стиль, главными чертами которого является не только насыщенность сложными предложениями с множеством союзов и неопределенными наречиями, но и сочетание книжных слов со словами нейтральными и разговорными. Сначала мы слишком много придерживались языка, структуры и стиля исходного текста, что негативно сказалось на связности повествования. Благодаря анализу перевода, заключающемуся в написании комментария к переводу, были выявлены действительные составляющие

авторского стиля, в результате чего был исправлен перевод в направлении к большей вольности.

Во-вторых, следующая особенность заключается в *соответствии перевода культурным особенностям* и *соблюдении стиля данной эпохи*. Для этого переводчику понадобятся самые широкие знания, не только знание творчества автора и его биографии, но и литературы и общественной обстановки страны, к которой относится художественное произведение. К примеру, переводчик может ознакомиться с произведениями других авторов на языке исходного текста, которые писали о похожих темах, или найти такие произведения, которые по стилю напоминают исходный текст, и, сверх того, ознакомиться с существующими переводами найденных произведений. Переводчику также могут помочь литературные произведения, созданные на языке перевода, с похожими темами и относящиеся к той же эпохе. Впоследствии переводчик может найти «языковой ключ» для перевода, который очень полезен, к примеру, при переводе текстов с множеством сленгизмов из разных областей (например, из области моды) или произведений, насыщенных школьным жаргоном.

Переведенную нами повесть можно отнести к мемуарной прозе (с темой детства). Ее нельзя назвать произведением детской литературы, так как главным героем и рассказчиком повести является не ребенок, а взрослый человек, вспоминающий о своем детстве и юности. Тема повести – жизнь ребенка, подростка и молодого человека в СССР в 1970-х и 1980-х годах. До начала перевода мы ознакомились с биографией О. О. Павлова и его творчеством, а также старались найти похожие произведения так, как было описано выше, для того чтобы проникнуть в общую тему и стиль.

Итак, с одной стороны, П. В. Басинский относит О. О. Павлова к реалистам, а именно к писателям так называемого нового реализма (неореализма), в число которых входят, например, С. В. Василенко, П. М. Алешковский, А. Н. Варламов. К примеру, П. М. Алешковский, современник О. О. Павлова, написал повесть «Жизнеописание Хорька», которая похожа на повесть «Школьники» «странностью» главного героя, юноши, испытывающего аналогичные жизненные трудности, например, у него также неполная семья. У другого реалиста, А. Н. Варламова, заметна ориентация на русскую классическую литературу, как и у О. О. Павлова. В его первых произведениях важна тема раннего детства.

С другой стороны, в чешской среде приобрел большую популярность роман М. Вивега «Báječná léta pod psa» («Лучшие годы — псу под хвост», Иностранка, 2003 г.), написанный в форме семейной хроники на фоне поворотных исторических событий в Чехословакии. Своей темой повесть «Школьники» отчасти напоминает повесть П. Шабаха «Občanský průkaz». С приведенными произведениями русской и чешской литературы мы ознакомились, прочитали их отрывки и попытались найти черты авторского стиля. Не в последнюю очередь мы их сравнили с повестью О. О. Павлова, благодаря чему у нас создалось более широкое представление о современной русской и чешской литературах в контексте выбранной повести.

В-третьих, для художественного перевода необходимо, чтобы переводчик обладал *писательскими способностями*. Сутью данного вида перевода не является точное воспроизведение отдельных понятий и лексем исходного текста, а перенос аутентичной атмосферы произведения, чувств и ощущений, которые оно вызывает у читателя. Переводом художественных текстов не может заниматься всякий переводчик. Все упомянутые способы теоретической подготовки переводчика и его интерес к переводу того или иного произведения важны, но только они недостаточны.

С нашей точки зрения, самой большой проблемой было найти равновесие между соблюдением черт авторского стиля, опасность чего, однако, заключается в буквальности и чрезмерном копировании русского синтаксиса, и стремлением воссоздать образы, чувства и атмосферу. К примеру, некоторые книжные слова из-за их неуместности в конкретном контексте были заменены нейтральными эквивалентами, например, произошла замена глагола *зиять* (*зияла дыра – byla tak velká díra*) или существительного *времяпрепровождение* (*наше времяпрепровождение заключалось – když jsme byli spolu*). Иногда было сложно соблюдать принцип адекватности. Несколько раз был использован прием опущения, к примеру, при переводе реалий, не носящих семантическую нагрузку в контексте предложения или абзаца (*мичуринские яблоки – jablka*), для перевода которых понадобилось бы еще и описание. Все подобные переводческие решения были применены для того, чтобы достичь привлекательности для читателя и избежать излишних добавлений, загружающих перевод.

Действие повести разворачивается в России, а именно в Москве, поэтому мы старались сохранить колорит, воссоздать как можно больше русских реалий, а также избежать нежелательной локализации при переносе отдельных

собственных имен. Для их переноса употреблялась транскрипция. С одной стороны, в чисто транскрибированной форме были перенесены, например, следующие топонимы: *Свиблово (Sviblovo), Марьина Роща (Marjina Rošča), Яуза (Jauza), ВДНХ (VDNCh).* С другой стороны, некоторые антропонимы мы решили транскрибировать и одновременно адаптировать, то есть уподобить нормам чешского языка. К примеру, в повести встречается краткая форма имени *Константин*, *Костик*, которую мы уподобили чешскому звучанию посредством суффикса *-ík* (*Kostík*; аналогично *Павлик – Pavlík*); в случае прозвища *Раушиха* мы заменили исходную форму транскрибированным эквивалентом с суффиксом *-ice* (*Raušice*). Фамилию *Кривоносов*, которая упоминается и обыгрывается в первой главе повести, мы также решили уподобить чешскому звучанию (*Křivonosov*).

В идеальном случае, перед изданием или опубликованием перевод должен пройти коррекцию и редактуру. Однако корректор и редактор не могут исправить плохой перевод, это не является их задачей. В нашем случае в огромной мере помогло чтение перевода другими людьми, отлично владеющими русским языком и имеющими опыт перевода художественных текстов, которые обратили наше внимание на недостатки разного рода, что неоценимо для начинающего переводчика. В контексте проверки перевода необходимо отметить, что очень полезно и бесценно, когда перевод прочитают читатели, не владеющие языком исходного текста и не являющиеся переводчиками (и лингвистами). Такие читатели смогут легко заметить неестественные для чешского языка выражения и обороты.

В повести «Школьники» играют важную роль реалии. В теоретической части была приведена их характеристика, классификация и способы их переноса. На основании указанной базовой классификации реалий можно сделать следующие выводы. В повести чаще всего встречались этнографические реалии (*военрук, баня, портвешок*), и, к тому же, появились и реалии географические (*река Яуза*) и общественно-политические (*Пятый обвод, милиция*). На основе того, что объектом перевода был художественный текст, из основных способов переноса реалий чаще всего употреблялся перевод. Итак, на первый взгляд может казаться, что реалии *ушанка, милиция* и *милиционер* были транскрибированы, но, точнее, был употреблен их заимствованный эквивалент на чешском языке. До этого уже произошло их освоение, заключающееся не только в их адаптации, но и уподоблении нормам чешского языка (*ušanka, milice, milicionář*). Транскрипция

была использована только несколько раз, например, в случае хоронима *Марьина Роща* (*Marjina Rošča)* и эргонима *ВДНХ* (*VDNCh*). На наш взгляд, данное словосочетание и аббревиатура не очень вписываются в художественный текст, нарушая связность текста, тем не менее транскрипция является самым подходящим из возможных способов переноса.

В процессе перевода реалий оказались очень полезными публикации, посвященные проблематике их перевода, так как реалии часто представляют собой понятия, составляющие трудности при переводе. К примеру, при изучении работы Й. Сипко «Этнокультурный базис русско-словацких переводов» был выявлен эквивалент сокращения *стройбат – pétépáci.*[106] Данное сокращение возникло из словосочетания *строительный батальон* и в повести оно представлено определением *стройбатовские казармы. Строительный батальон* можно перевести как *stavební prapor*, однако такое словосочетание в контексте повести не воспринимается естественным (*kasárny stavebního praporu* – 3 слова, несогласованное определение). Й. Сипко предлагает разговорный эквивалент *pétépáci*, возникший из сокращения *PTP – Pomocné technické prapory*, который уместен в нашем переводе благодаря разговорному характеру и похожей этимологии. Характер *строительных батальонов* в СССР и *pomocných technických praporů* в ЧССР не полностью совпадает, и *PTP* не всегда размещались в казармах, а, например, в пустых гостиницах, замках, хозяйственных постройках, даже конюшнях. Возможен еще один эквивалент – *ženisté, ženijní pluk*. Деятельность *PTP* и *ženistů* в большей степени совпадет с деятельностью *стройбата* – все занимались строительством. Обдумав все изложенные факты, мы установили эквивалент *kasárny pétépáků*, который является не единственным возможным переводческим решением.

Во время перевода были использованы, прежде всего, следующие словари: «Толковый словарь русского языка Ефремовой», электронный словарь «Lingea Lexicon 5» и «Rusko-česká elektronická slovníková databáze». В словарях можно найти только буквальный перевод. Они послужили начальным средством в процессе поиска надлежащего эквивалента, так как при переводе художественных текстов приходится переводить не в контексте отдельных слов, а целых предложений, логических частей, абзацев, глав. Когда мы не могли найти

[106] СИПКО, Й. *Этнокультурный базис русско-словацких переводов*. Прешов: Наука, 1999. с. 53.

подходящий эквивалент, мы пользовались базой переводческих эквивалентов «Treq», благодаря чему мы разобрались с некоторыми нелегкими для перевода словами или словосочетаниями.

Текст для перевода можно было выбрать из двух вариантов, из первой и второй редакций. Считая более привлекательной первую редакцию, мы наконец выбрали для перевода вторую редакцию повести, так как она является частью книги, которую можно в дальнейшем перевести. На сегодняшний день была на чешский язык переведена лишь одна повесть О. О. Павлова, «Конец века», вошедшая в книгу «Antologie ruských povídek».[107] Роману «Дело Матюшина» и переводу его части посвящена дипломная работа Кристины Сысловой, написанная в 2018 году.[108] Тем не менее, на чешский язык не была переведена ни одна книга, поэтому перевод может служить основой для будущего переводчика произведений О. О. Павлова, что и являлось одной из целей настоящей дипломной работы. Благодаря комментарию, посвященному главным образом авторскому стилю и переводу реалий, перевод может быть использован на курсах по художественному переводу. Более того, отдельные части работы могут служить материалом для курсов по современной русской литературе.

Что касается методов исследования, при изучении использованной литературы мы применяли чаще всего сопоставительный метод. Этот метод был применен, например, в теоретической части при сопоставлении разных определений теоретиков переводоведения, а также при анализе перевода в рамках сравнения исходной повести с ее переводом, посредством чего были выявлены удачно и неудачно подобранные нами эквиваленты. Помимо всего прочего, перевод был сравнен не только по частям, но и как полный текст, вследствие чего можно было сравнить общий тон обоих текстов.

Частотным оказался метод интерпретации, который мы применяли, к примеру, для выявления лучших эквивалентов. Например, слово *праздный* (*Москва, как что-то праздное, начинала манить издалека райскими кущами (...).*) было интерпретировано на основе нескольких ассоциаций как *vtahující propast*

---

[107] ABUZJAROV, I., BOL'ŠUCHIN, L. J., ŘEHOŘÍKOVÁ L. *Antologie ruských povídek*. Vyd. 1. Brno: Větrné mlýny, 2007. s. 242–249.

[108] SYSLOVÁ, K. *Komentovaný překlad vybraných částí románu Maťušinův případ (Dělo Matjušina) Olega Pavlova* [online]. Diplomová práce. Masarykova univerzita v Brně, 2018 [cit. 2020-01-10]. Режим доступа: <https://is.muni.cz/th/dj114/?lang=en>.

(*Moskva jako vtahující propast začínala zdálky vábit rajskými plody (...).*), причем произошло расширение основы, и посредством конкретизации прилагательного был добавлен конкретный образ.

Метод стилистического анализа был полезен при компенсации стилистически окрашенных лексических единиц на других местах. Итак, как уже было сказано, в тексте повести встречались книжные слова и словосочетания с эмоционально-экспрессивной окраской. Некоторые из них мы заменили нейтральным эквивалентом, а затем на другом месте в переводе использовали окрашенный эквивалент, к примеру, нейтральное слово *соревнование* (*Чтобы обладать им, вступил я тогда в соревнование, по-спортивному страстное (...).*) было заменено историзмом *klání* (*Abych ho získal, zúčastnil jsem se tenkrát bouřlivého sportovního klání (...).*), которое, по нашему мнению, несет желательный иронический оттенок, который чувствуется и в данном предложении в исходном тексте.

Творчество О. О. Павлова не пользуется большой популярностью, что, возможно, обусловлено сложным характером писателя, который проявляется и в его текстах. Но, тем не менее, его произведения были удостоены нескольких премий и были переведены на разные языки. На этом месте следует упомянуть, что в начале 2020 года была издана книга «Отсчет времени обратный: посмертное издание», содержащая статьи о писателе и некоторые его произведения. Данная книга представляет возможность ознакомиться с писателем и им написанными текстами, опубликованными в первый раз.

Произведения О. О. Павлова, одного из ярчайших современных русских авторов, заслуживают внимания не только в России, но и за границей.

Резюме

Настоящая дипломная работа посвящена переводу современной русской повести «Школьники» О. О. Павлова на чешский язык.

Выбирая тему работы, мы руководствовались собственным интересом не только к сфере переводоведения, но и к личности и творчеству О. О. Павлова, произведения которого необычны, даже загадочны, что и стало определяющим фактором нашего выбора. О. О. Павлов – особенный представитель нового реализма, который выделяется среди других современных русских писателей страшными сюжетами. Он показывает мир человеческих страданий, сумрачные пределы жизни, однако всегда интересуется прежде всего человеком, устремляясь внутрь своих героев.

Дипломная работа состоит из теоретической и практической частей. В теоретической части сначала было приведено несколько определений понятия *перевод*, высказанных разными теоретиками переводоведения, которые акцентируют внимание на различных аспектах данного многогранного явления. Например, И. Левый задумывается над *переводом как произведением*, *процессом* и *типом искусства*, а А. Попович определяет *перевод в литературной коммуникации* и *метакоммуникации*.

Далее рассматривались термины *точность, верность, эквивалентность* и *адекватность*, природа которых в сравнении с разными определениями иногда совпадает. Употребляя разную структуру и разделения, теоретики толкуют данные термины разнообразным образом, поэтому сложно обобщить существующие научные сведения. В понимании терминов, посредством которых передается оценка качества перевода, теоретики более или менее сходятся. Итак, перевод можно охарактеризовать как *точный, эквивалентный*, *буквальный*, *свободный (вольный)* и *адекватный*. Сегодня преобладает мнение, что художественный перевод должен быть *адекватным*, воссоздающим единство содержания и форму исходного текста.

Затем мы остановились на проблематике художественного перевода, приведя основную классификацию видов перевода. *Жанрово-стилистическая классификация* основана на характере переводимых текстов, и, таким образом, в ней выделяются *информативный (специальный)* и *художественный (литературный) переводы*. В главе, посвященной художественному переводу,

была намечена его основная характеристика, непосредственно связанная с функционально-стилистической стратификацией русского языка. По этой причине художественная литература насыщена разными средствами художественной выразительности и стилистически маркированными языковыми единицами. Далее мы перешли к *процессу перевода*, во время которого разрушается связь с исходной культурой и одновременно возникает отношение к принимающей, т. е. новой культуре.

В следующих подглавах рассматривались очень важные понятия, а именно *эквивалентность*, *адекватность, оценка литературных переводов* и *интерпретация в контексте художественного перевода*. На основе теоретических сведений была установлена главная цель настоящей дипломной работы, которую можно определить как создание адекватного перевода, передающего характерные черты исходного текста, которые обобщаются как авторский стиль, но одновременно становящегося частью принимающей культуры, в результате чего перевод будет восприниматься читателями как подлинное произведение.

Значительный объем теоретической части заняла проблематика перевода *реалий*, т. е. лексем, обозначающих предметы или явления материальной культуры. В научной литературе наблюдаются разные названия таких лексем. Они обозначаются, например, как *безэквивалентная лексика, экзотизмы, локализмы, варваризмы* и *этнокультуремы.* Теория была заимствована прежде всего из публикации «Непереводимое в переводе», авторами которой являются С. И. Влахов и С. П. Флорин, внесшие большой вклад в теорию перевода не только реалий, но и других языковых единиц, представляющих трудность для переводчика.

Была показана одна из *классификаций реалий*, в основе которой лежит предметный принцип, и, соответственно, выделяются *реалии географические*, *этнографические* и *общественно-политические*. На наш взгляд, одной из самых важных тем настоящей дипломной работы являлась тема *способов переноса реалий*. Реалии можно передавать посредством *транскрипции* и *перевода*, способы которого, в свою очередь, можно разделить на *введение неологизма, приблизительный* и *контекстуальный перевод.* Далее была описана проблематика перевода некоторых видов реалий, встречающихся в тексте, а именно сокращений, советизмов и наименований денежных единиц.

Последняя глава теоретической части из тех, в которых рассматривалась теория перевода, была посвящена *иноязычным вкраплениям в тексте*, представляющим собой слова, выражения, пассажи или даже письма, приведенные в иноязычном написании или транскрибированные на другом языке. Такого рода вставки можно передавать разным образом, либо их сохранить, либо сохранить, но одновременно дополнить примечанием или переводом, либо перевести, либо транскрибировать.

Темы *реалий* и *иноязычных вкраплений* были включены в состав теоретической части на основании ознакомления с текстом повести, содержащей большое количество реалий и необычные пассажи на иностранном языке. Как было показано в заключении, изученная нами теория, связанная с реалиями, в большой степени повлияла на переводческие решения и трансформации, принятые в процессе перевода.

Нашей следующей целью было сделать творчество О. О. Павлова доступным чешским читателям, поэтому не только в части теоретической, но и в практической, и в приложении приводится информация о повести, об авторе и о его творчестве в целом. Итак, в теоретической части описывается тема повести и рассматриваются разные редакции повести, резко отличающиеся друг от друга.

Повесть «Школьники» включает несколько историй, эпизодов, объединенных одним главным героем. Ее основные темы – детство, школа, но прежде всего жизнь ребенка, подростка и молодого человека в СССР со всеми своими трудностями. Главный герой чувствует, что он другой, и на его неуклюжести, невезении и не всегда удачных попытках включиться в коллектив основывается большинство историй. Рассказчик занимает довольно отстраненную позицию, выражая в отношении к описываемым историям иронию.

Повесть можно считать мемуарной. Несмотря на то, что Олег Павлов никогда не назвал данную повесть автобиографической, на основе первой редакции, опубликованной в 1999 году в журнале «Октябрь», выясняется, что автор не только рассказчик, но и главный герой повести. Возможно, писатель вдохновился услышанными историями и в повести описывает не только свои воспоминания, но надо принять во внимание, что в обращении директора школы к главному герою он оставил свою фамилию, которая во второй редакции повести, включенной в книгу «В безбожных переулках» (2007 г.), уже заменена личным местоимением.

Дипломная работа написана на двух языках, а именно на русском и чешском. Язык теоретической части, введения, заключения, резюме и приложений – русский, а язык практической части – чешский. Необычная для выпускной работы двуязычность теоретической и практической частей обусловлена темой, т. е. переводом русского текста, предполагающим использование родного, чешского языка в качестве перевода. Комментарий к переводу также написан на чешском языке, и, таким образом, была обеспечена точность описания, выражения и объяснения мельчайших нюансов, связанных с переводческими решениями и трансформациями.

Практическая часть была составлена из перевода повести и последующего комментария к нему. В выпускных работах, посвященных переводу определенного текста, комментарий обычно делится на три основных части, в которых рассматриваются разные виды переводческих трансформаций, а именно лексические, грамматические и лексико-грамматические приемы перевода. По нашему мнению, для перевода художественного текста такое распределение не подходит, так как оно не охватывает проблематику перевода авторского стиля и особенных черт текста, о которых в процессе художественного перевода стоит задумываться на первом месте.

В начале комментария настоящей дипломной работы была приведена полемика о творчестве автора. В следующей главе был описан авторский стиль, были рассмотрены его отдельные черты, вызывавшие трудности для перевода, и далее были объяснены спорные переводческие решения и трансформации.

Перевод был разделен на главы, как и исходный текст повести. В общем было переведено пять глав и часть шестой главы, которая является слишком большой по содержанию, и поэтому была переведена только ее часть. Для конца было выбрано такое место, где заканчивается одна история и начинается новая, благодаря чему была обеспечена целостность, и, следовательно, конец перевода воспринимается вполне естественным образом.

Поскольку произведения О. О. Павлова всегда вызывали в России большой резонанс, в практическую часть была включена глава о мнении отечественных литературных критиков по поводу его творчества, посредством которой чешские читатели могут узнать больше о неоднозначно принимаемом писателе в России. Критики относятся к нему по-разному, некоторые из них оценивают его произведения как удачные, качественные и интересные, в то время как другие

считают их слишком мрачными, неудачными и скучными. Это, наверно, обусловлено и тем, что язык произведений довольно сложный, часто «неинтересный», и их темы не очень привлекательны и веселы.

Следующая часть комментария была посвящена авторскому стилю, и в ее начале были описаны характерные черты творчества в целом. С языковой точки зрения, переведенная нами повесть отчасти отличается от романов и других произведений автора, в которых в большей степени встречаются просторечие и нелитературная лексика, в том числе вульгаризмы. Далее был рассмотрен перевод некоторых проблемных явлений, которые были охарактеризованы как составляющие авторского стиля, а именно перевод длинных и разным образом осложненных сложных предложений, сложных предложений, содержащих конструкции с тире и союзами, перевод уменьшительных слов, неопределенных местоимений, наречий и перевод названия повести.

Последняя часть комментария к переводу сосредоточивалась на анализе перевода трудных мест и анализе спорных или неоднозначных переводческих решений и трансформаций. Как и в теоретической, так и в практической частях была рассмотрена проблематика перевода реалий. Чаще всего в тексте наблюдались этнографические реалии, к примеру, советизмы *милиция* и *милиционеры*, или понятия, связанные со школой, такие как *военрук* и *восьмилетка*, и перевод таких лексем затем был проанализирован. Следующей частью стала подглава о переводе прямой речи, которая является оживляющим элементом повести, и внутреннего монолога. Интересными для перевода были также относительно необычные вкрапления на немецком языке, некоторые фразеологизмы, а также словосочетания и пассажи с религиозной тематикой. В последней подглаве анализа перевода рассматривался перевод говорящих имен, точнее, фамилий *Кривоносов* и *Вонюкин.*

В приложении размещена биография О. О. Павлова, знакомящая с основными фактами из жизни и творчества писателя. В биографии перечислены не только книги, получившие литературные премии, но и другие произведения. Несмотря на то, что объектом дипломной работы стала только часть повести «Школьники», второе приложение представляет собой полный текст повести на русском языке, содержащей 8 глав.

Предлагаемый нами перевод будут оценивать будущие читатели, однако следует подвести итоги нашей работы. Текст повести был настолько своеобразный,

что создать адекватный перевод казалось почти нереальной целью. Одной из самых сложных составляющих повести для перевода мы считаем соблюдение отстраненной позиции рассказчика и воспроизведение иронического подтекста. Данного явления автор достиг посредством употребления нейтральной лексики в сочетании с маркированными языковыми единицами, а также посредством синтаксиса. В некоторых пассажах наблюдается скопление коротких простых предложений, в то время как в других частях повести преобладают сложные предложения, причем иногда одно сложное предложение создает весь абзац. Некоторые предложения в переводе пришлось упростить не только с точки зрения лексики, но и синтаксиса, так что, с одной стороны, перевод можно определить как свободный, но, с другой стороны, мы старались соблюдать те черты авторского стиля, которые мы считали самыми главными, благодаря чему перевод приближается постановленной цели, переводу адекватному.

В художественном переводе невозможно сохранить все, начиная с особенных черт и реалий, и заканчивая образами, непосредственно связанными с исходной культурой. Поэтому нельзя обеспечить, что результат вызовет у будущих читателей все эмоции и реакции, которые вызывает исходный текст на русском языке. Некоторые намеки, отсылающие к русской культуре и к советской действительности (к примеру, реалии *мичуринские яблоки, баня, киоск Союзпечать, вторая смена*), не удалось перенести, однако это касалось главным образом таких реалий и языковых единиц, которые не несут большую семантическую нагрузку в контексте всего текста.

Несмотря на все трудности, изложенные в комментарии к переводу и заключении, с которыми мы сталкивались в процессе перевода, и недостатки, которые не удалось устранить, мы считаем, что перевод не только сохраняет важнейшие особенные черты авторского стиля, но и передает общий тон, настроение и аутентичную атмосферу. Как и для других переводчиков, которые занимаются переводом художественных текстов, и для нас самое главное, чтобы перевод был интересен будущим читателям.

Список использованной литературы

Книжные источники

ABUZJAROV, I., BOL'ŠUCHIN, L. J., ŘEHOŘÍKOVÁ L. *Antologie ruských povídek*. Vyd. 1. Brno: Větrné mlýny, 2007. 384 s. ISBN 978-80-86907-39-0.

HRALA, M. *Současnost uměleckého překladu*. Vyd. 1. Praha: Československý spisovatel, 1987. 74 s.

HRDLIČKA, M. *Literární překlad a komunikace.* Vyd. 1. Praha: ISV, 2003. 149 s. ISBN 80-86642-13-5.

KNITTLOVÁ, D., GRYGOVÁ B. a ZEHNALOVÁ J. *Překlad a překládání*. Vyd. 1. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2010. 291 s. ISBN 978-80-244-2428-6.

KUFNEROVÁ, Z. *Překládání a čeština.* Vyd. 1. Jinočany: H & H, 1994. 260 s. ISBN 80-85787-14-8.

PECHAR, J. *Otázky literárního překladu*. Vyd. 1. Praha: Československý spisovatel, 1986. 88 s.

ВЛАХОВ, С. И., ФЛОРИН, С. П. *Непереводимое в переводе*. Изд. 1-е. Москва: Международные отношения, 1980. 343 с.

ГАРБОВСКИЙ, Н. К. *Теория перевода*. Изд. 2-е. Москва: Издательство Московского университета, 2007. 544 с. ISBN 978-5-211-05333-5.

КАРДАНОВА, К. С. *Стилистические аспекты перевода*. Изд. 1-е. Москва: Академия, 2010. 171 с. ISBN 978-5-7695-6504-5.

КОМИССАРОВ, Н. В. *Теория перевода (лингвистические аспекты)*. Изд. 1-е. Москва: Высшая школа, 1990. 253 с. ISBN 5-06-001057-0.

ПОПОВИЧ, А. *Проблемы художественного перевода*. Изд. 1-е. Москва: Высшая школа, 1980. 199 с.

НЕЛЮБИН, Л. Л. *Толковый переводческий словарь*. Изд. 3-е. Москва: Флинта: Наука, 2003. ISBN 5-89349-526-8. 320 с.

СИПКО, Й. *Этнокультурный базис русско-словацких переводов*. Изд. 1-е. Прешов: Наука, 1999. 143 с. ISBN 80-967602-8-9.

СУЛЕЙМАНОВА, О. А. *Грамматические аспекты перевода*. Изд. 2-е. Москва: Академия, 2012. 235 с. ISBN 978-5-7695-8740-5.

Электронные источники

KARGALCEVA, N. *Bulgakovův román Mistr a Markétka a jeho české překlady* [online]. Diplomová práce. Univerzita Karlova, 2007. Режим доступа www: <https://is.cuni.cz/webapps/zzp/download/120121894>.

KNAPPOVÁ, M. *Literární onomastika* [online]. CzechEncy - Nový encyklopedický slovník češtiny. Режим доступа www: <https://www.czechency.org/slovnik/LITERÁRNÍ ONOMASTIKA>.

MALACHOVSKÁ, A. *Ruská armáda bojuje s vnitřním nepřítelem. Onucemi* [online]. Aktuálně. cz. Режим доступа www: <https://zpravy.aktualne.cz/zahranici/ruska-armada-bojuje-s-vnitrnim-nepritelem-onucemi/r~i:article:768871/>.

PRIOR, T. *Rudá armáda: obuv a kožená výstroj, kožené a náhražkové materiály, kovové výstrojní součástky 1936–1946* [online]. Rigorózní práce. Univerzita Karlova, 2017. Режим доступа www: <https://is.cuni.cz/webapps/zzp/download/150037757>.

Slovník dobových výrazů [online]. Občanský průkaz. Česká televize. Режим доступа www: <https://www.ceskatelevize.cz/porady/10244923435-obcansky-prukaz/20951212080/10994-slovnik-dobovych-vyrazu/>.

SYSLOVÁ, K. *Komentovaný překlad vybraných částí románu Maťušinův případ (Dělo Matjušina) Olega Pavlova* [online]. Diplomová práce. Masarykova univerzita v Brně, 2018. Режим доступа: <https://is.muni.cz/th/dj1l4/?lang=en>.

ZAMLYNOVÁ, T. *Krimplen hospodyňky milovaly. Kdo z něj neměl kalhoty či šaty, jako by nebyl* [online]. inStory.cz, 2019. Режим доступа www: <https://styl.instory.cz/retro/3424-krimplen-hospodynky-milovaly-kdo-z-nej-nemel-kalhoty-ci-saty-jako-by-nebyl.html>.

Z nadšeného zahrádkáře Mičurina hrdina budování socialismu [online]. ČT24. Česká televize, 2010. Режим доступа www: <https://ct24.ceskatelevize.cz/svet/1337389-z-nadseneho-zahradkare-micurina-hrdina-budovani-socialismu>.

АЛЕКСЕЙЦЕВА, Т. А. *Иноязычные вкрапления в переводе* [online]. Проблемы современной науки и образования, 2017. № 1 (83). 4 с. Режим доступа www: <https://cyberleninka.ru/article/n/inoyazychnye-vkrapleniya-v-perevode>.

БАСИНСКИЙ, П. В. *Ангел – наш!* [online]. Российская газета, 2017. № 245(7411). Режим доступа www: <https://rg.ru/2017/10/29/oleg-pavlov-stal-obladatelem-literaturnoj-premii-angelus-2017-goda.html>.

БАСИНСКИЙ, П. В. *Переулок – не тупик* [online]. Новый мир, 2001. № 8. Режим доступа www: <https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2001/8/pereulok-ne-tupik.html>.

ВИНОГРАДОВ, В. С. *Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы)* [online]. Москва: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. 224 с. ISBN 5-7552-0041-6. Режим доступа www: <http://www.helpforlinguist.narod.ru/VinogradovVS/VinogradovVS.pdf>.

ЕРОХИНА, Е. *Школьное поле экспериментов* [online]. Newtonew, 2017. Режим доступа www: <https://newtonew.com/school/shkolnoe-pole-eksperimentov>.

ИВОЙЛОВА, Н. Ю., СМИРНОВА, А. А. *К проблеме перевода реалий в художественном тексте* [online]. Социальные и гуманитарные знания, 2017. Том 3. № 2. Режим доступа www: <http://j.uniyar.ac.ru/index.php/dnk/article/view/488>.

КАРАБУЛАТОВА, Ю. Ф. *Проблема перевода реалий в художественном тексте* [online]. Орск: Орский гуманитарно-технологический институт ОГУ, 2014. Режим доступа: www: <http://elib.osu.ru/bitstream/123456789/96/1/2294-2297.pdf>.

КОКШЕНЕВА, К. А. *Больно жить* [online]. Студия русской культуры Капитолины Кокшеневой, 2018. Режим доступа www: <http://koksheneva.ru/posts/bolno-jit-oleg-pavlov/>.

КОКШЕНЕВА, К. А. *Писатель большой темы* [online]. Балтика, 2005. №2. Режим доступа: www: <http://www.baltwillinfo.com/baltika/105/b22.htm>.

КРАСИКОВ, С. *Уроки Начальной Военной Подготовки (НВП) в советских школах* [online]. Livejournal, 2015. Режим доступа www: <https://eska.livejournal.com/2207825.html>.

КУЧЕРСКАЯ, М. А. *Лауреатом Солженицынской премии стал Олег Павлов* [online]. Ведомости, 2012. Режим доступа www: <https://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2012/02/27/za_sostradane_k_nim#ixzz1nZ08HwqH%20%D0%98%D0%BD%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B2%D1%8C%D1%8E>.

ЛЕВЫЙ, И. *Искусство перевода* [online]. Москва: Прогресс, 1974. 394 с. Режим доступа www: <http://padaread.com/?book=39638&pg=1>.

МИНЬЯР-БЕЛОРУЧЕВ, Р. К. *Теория и методы перевода* [online]. Изд. 1. Москва: Московский Лицей, 1996. 208 с. ISBN 5-7611-0023-1. Режим доступа www: <https://studfile.net/preview/4121905/>.

О ВДНХ [online]. ВДНХ. Режим доступа www: <https://vdnh.ru/visitors/about/>.

ОТРОШЕНКО, В. О. *Разговор с литературой* [online]. Горький, 2018. Режим доступа www: <https://gorky.media/context/razgovor-s-literaturoj/>.

Отсчет времени обратный: посмертное издание (2020) [online]. Издательство «Время». Режим доступа: www: <http://books.vremya.ru/books/7035-pavlov-o-o-otschet-vremeni-obratnyj.html>.

ПАВЛОВ, О. О. *Вниз по лестнице в небеса. Рассказ* [online]. Новый мир, 2003. № 6. Режим доступа www: <http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2003_1/Content/Publication6_3121/Default.aspx>.

ПАВЛОВ, О. О. *Школьники* [online]. В безбожных переулках. Москва: Время, 2007. 256 с. ISBN: 978-5-9691-0094-7. Режим доступа www: <https://www.kodges.ru/static/read_5286_1_7.html>.

ПАВЛОВ, О. О. *Школьники. Повесть* [online]. Октябрь, 1999. № 10. Режим доступа www: <https://magazines.gorky.media/october/1999/10/shkolniki.html>.

Павлов Олег Олегович. Авторы [online]. Издательство «Время». Режим доступа: www: <http://books.vremya.ru/authors/1145-pavlov-oleg.html>.

ПАРШИН, А. *Теория и практика перевода* [online]. Тенета. Режим доступа: www: <http://teneta.rinet.ru/rus/pe/parshin-and_teoria-i-praktika-perevoda.htm#nakalo>.

ПРОХОДСКИЙ, А. Н. *Проблемы художественного перевода* [online]. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2008. Режим доступа www: < https://otherreferats.allbest.ru/languages/00178338_0.html#text>.

РЕМИЗОВА, М. С. *Можно ли полюбить пионера-героя* [online]. Независимая газета, 1999. Режим доступа www: <http://www.ng.ru/culture/1999-11-12/7_pioner.html?id_user=Y>.

Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги [online]. Биобиблиографический словарь: в 3 томах. Москва: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. 733 с. ISBN 5-94848-211-1. Режим доступа www: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10547>.

Система образования в России [online]. Госуслуги. Официальный интернет-портал государственных услуг, 2020. Режим доступа www: <https://www.gosuslugi.ru/situation/obtain_education/education_system_in_Russia>.

Торговые киоски времен СССР [online]. Яндекс Дзен, 2019. Режим доступа www: <https://zen.yandex.ru/media/ussr/torgovye-kioski-vremen-sssr-5c740e1ea0219800b21baf2e>.

ЩЕРБИНИНА, Ю. В. *Сайт Олега Павлова: «Книги – это книги»* [online]. Литературная Россия, 2015. № 2011/18. Режим доступа www: <https://litrossia.ru/item/5077-oldarchive/>.

ЩЕРБИНИНА, Ю. В. *Сквозное сердце* [online]. Знамя, 2012. № 3. Режим доступа www: <https://magazines.gorky.media/znamia/2012/3/skvoznoe-serdcze.html>.

Книжные словари

PODLESNYCH, A. *Ruské idiomy.* Vyd. 1. Brno: Computer Press, 2011. 377 s. ISBN 978-80-251-2779-7.

Электронные словари

BOUTLER, CH. *Словарь русского мата и неформального языка* [online]. Режим доступа www: < http://www.russki-mat.net/page.php?l=RuEn&a=>.

Internetová jazyková příručka [online]. Ústav pro jazyk český AV ČR, 2020. Режим доступа www: <https://prirucka.ujc.cas.cz/>.

Rusko-česká elektronická slovníková databáze [online]. Slovanský ústav AV ČR, 2007-2011. Режим доступа www: <http://slovnik.slu.cas.cz/slovnik/main/Main.html>.

Slovník českých synonym [online]. Lingea. Nechybujte.cz. 2017. Режим доступа www: < https://www.nechybujte.cz/slovnik-ceskych-synonym>.

Slovník současné češtiny [online]. Lingea. Nechybujte.cz. 2017. Режим доступа www: <https://www.nechybujte.cz/slovnik-soucasne-cestiny>.

VAVŘÍN, M., ROSEN, A. *Treq. Databáze překladových ekvivalentů* [online]. Ústav Českého národního korpusu FF UK. Praha, 2015. Режим доступа www: <https://treq.korpus.cz/>.

Академик: Словари и энциклопедии на Академике [online]. Режим доступа www: <https://dic.academic.ru/>.

ЕФРЕМОВА, Т. Ф. *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный* [online]. Москва: Русский язык, 2000. Режим доступа www: <https://www.efremova.info/>.

Русско-чешский практический словарь [online]. Lingea, 2017. Режим доступа www: <https://slovniky.lingea.cz/rusko-cesky>.

Приложение 1

Биография Олега Павлова

Русский писатель и публицист Олег Олегович Павлов родился 16 марта 1970 года в Москве. После окончания школы был призван в армию во внутренние войска МВД СССР, и затем проходил службу в конвойных войсках Туркестанского военного округа. Однако был комиссован по состоянию здоровья и вернулся из армии с ложным психическим диагнозом. Опыт службы охранника карагандинских лагерей определил «большую тему» автора.[109]

Его первые рассказы были опубликованы в 1990 году. В то время он поступил на заочное отделение Литературного института имени А. М. Горького. В 1994 году в журнале «Новый мир» О. О. Павлов опубликовал свой первый роман «Казенная сказка», который был издан три раза. Молодой писатель был сразу замечен критикой и его имя получило известность. В 1996 году был принят в Союз российских писателей, и с этого времени он стал профессиональным литератором.[110]

В дальнейшем возникла книга рассказов «Степная книга» (1998, 2008) и повесть «Школьники» (1999). В состав трилогии «Повести последних дней» (2001) входят романы «Казенная сказка» (отдельной книгой в 2012 г.), «Дело Матюшина» (2013) и повесть «Карагандинские девятины, или повесть последних дней» (2012). Автор еще написал романы «В безбожных переулках» (2001) и «Асистолия» (2010). Повесть «Школьники» была опубликована в книге «В безбожных переулках» (2007). Его рассказы публиковались в «Новом мире», «Октябре» и «Литературной газете».

В 2002 был удостоен премии «Русский букер» за повесть «Карагандинские девятины». В 2012 стал лауреатом литературной премии Александра Солженицына «за исповедальную прозу, проникнутую поэтической силой и состраданием; за художественные и философские поиски смысла существования человека в пограничных обстоятельствах».[111] В 2017 году стал обладателем международной

---

[109] КОКШЕНЕВА, К. А. Писатель большой темы [online]. Балтика, 2005. №2. [cit. 2020-01-09]. Режим доступа: www: <http://www.baltwillinfo.com/baltika/105/b22.htm>.

[110] *Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги* [online]. Биобиблиографический словарь: в 3 томах. Москва: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. [cit. 2020-01-09]. с. 7. Режим доступа www: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10547>.

[111] КУЧЕРСКАЯ, М. А. Лауреатом Солженицынской премии стал Олег Павлов [online]. Ведомости, 2012. [cit. 2020-01-10]. Режим доступа www:

литературной премии ANGELUS, вручаемой польским городом Вроцлавом авторам Центральной Европы.[112]

О. О. Павлов был ярким публицистом, написавшим несколько остросоциальных очерков, например, «Нелитературная коллекция» (1997) и «Из дневника больничного охранника» (1998). В состав сборника «Гефсиманское время» (2011) входят очерки и эссе в трех частях, названных «Русские письма», «Русская литература и крестьянский вопрос» и «Русский человек в XX веке». Писатель выступал также как литературный критик, и его полемические выступления и литературно-критические статьи были опубликованы в сборнике «Антикритика».[113]

Произведения О. О. Павлова вошли в национальные литературные антологии «Проза новой России» и «Современная литература народов России». Романы и другие произведения переведены на английский, китайский, польский, голландский, венгерский, французский, итальянский, испанский, норвежский и другие языки, хотя на некоторые из перечисленных языков переведены лишь отдельные рассказы или повести.[114] На чешский язык пока переведена только повесть «Конец века», вошедшая в книгу «Antologie ruských povídek».[115] Роману «Дело Матюшина» и переводу его части посвящена дипломная работа Кристины Сысловой.[116]

Один из самых известных писателей своего поколения скончался 7 октября 2018 года в возрасте 48 лет от инфаркта.

В 2020 году была издана книга «Отсчет времени обратный: посмертное издание», составителями которой являются вдова писателя, Л. В. Павлова, и его друг, писатель В. О. Отрошенко. Издательство «Время» данную книгу описывает

<https://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2012/02/27/za_sostradane_k_nim#ixzz1nZ08HwqH%20%D0%98%D0%BD%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B2%D1%8C%D1%8E>.

[112] БАСИНСКИЙ, П. В. *Ангел – наш!* [online]. Российская газета, 2017. № 245(7411). [cit. 2020-01-09]. Режим доступа www: <https://rg.ru/2017/10/29/oleg-pavlov-stal-obladatelem-literaturnoj-premii-angelus-2017-goda.html>.

[113] *Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги* [online]. Биобиблиографический словарь: в 3 томах. Москва: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. [cit. 2020-01-09]. с. 8. Режим доступа www: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10547>.

[114] *Павлов Олег Олегович. Авторы* [online]. Издательство «Время». [cit. 2020-01-09]. Режим доступа: www: <http://books.vremya.ru/authors/1145-pavlov-oleg.html>.

[115] ABUZJAROV, I., BOL'ŠUCHIN, L. J., ŘEHOŘÍKOVÁ L. *Antologie ruských povídek*. Vyd. 1. Brno: Větrné mlýny, 2007. s. 242–249.

[116] SYSLOVÁ, K. *Komentovaný překlad vybraných částí románu Maťušinův případ (Dělo Matjušina) Olega Pavlova* [online]. Diplomová práce. Masarykova univerzita v Brně, 2018 [cit. 2020-01-10]. Režim доступа: <https://is.muni.cz/th/dj114/?lang=en>.

как вынужденное завершение многолетней персональной серии «Проза Олега Павлова», и, таким образом, «Время» опубликовало все, что О. О. Павловым было написано, или сборниками, или отдельными произведениями.[117]

[117] *Отсчет времени обратный: посмертное издание 2020* [online]. Издательство «Время». [cit. 2020-03-24]. Режим доступа: www: <http://books.vremya.ru/books/7035-pavlov-o-o-otschet-vremeni-obratnyj.html>.

Приложение 2

Олег Павлов – Школьники

1

Меня ввели в класс во время урока. Мама – я это чувствовал, еще стояла за дверью и ждала. Ребята обернулись. У доски замер ученик с мелком в руке. Учительница, молодая, но некрасивая – звали ее Розой Федоровной – сказала, чтобы я громко произнес свое имя и фамилию. Класс затих. С последней парты строил рожицы почему-то оскорбленный моим появлением мальчик, раздувая шарами щеки, скашивая глаза к переносице... И вдруг выпалил: «Очкарик!» Все засмеялись. Учительница стукнула мальчика указкой по спине, так что он съежился; нервно схватила мою руку своей – цепкой, сильной, и усадила за пустующую в соседнем ряду парту. Весь урок наказанный упрямый мальчишка не давал мне покоя, кривлялся и шипел, обзывая «очкариком», «жирдяем», и такое было со мной в первый раз: ни свою полноту, ни то, что ношу очки, до этого дня не ощущал как что-то обидное.

Прозвенел звонок. На перемене в зале, запруженном детьми, мы сцепились и валяли друг друга по полу, пока нас не растащили взрослые. Потом еще кто-то меня обозвал: за мной бегали да кричали на все голоса уже трое или четверо, а тот живчик был у них заводилой. Я бросался увальнем в стайку мальчиков, отчего им становилось еще веселей. Они стремительно разбегались – рассыпались как бусины, а я пытался их догнать, и, не догоняя, задыхаясь, чуть не ревел.

Мальчика, ставшего моим мучителем, звали Костей. Фамилия у него была смешная для детей, как обзывание, – Кривоносов. Но мальчик относился к своему носу всерьез, заставляя и всех в классе уважать его необычную форму. Мы устраивали драчки на каждой перемене. Он легко уворачивался от моих бросков – а я даже не чувствовал боли от его тычков и только сильнее свирепел. И я тоже получал над ним силу, когда дразнил «кривоносым», издеваясь над его фамилией, хоть нос – вздернутый и сплющенный, как утиный клюв, – смешил сам по себе. Возращались мы из школы одной дорогой. Снова сцеплялись и дрались. Но в этом одиночестве своих поединков, как будто братья, вдруг сроднились.

После уроков шагали к нему или ко мне домой. Так открылось, что и он жил только с мамой. Наши мамы работали, но Костина всегда оставляла сыну записочку – на каждый день, в которой перечислялось, что должен он съесть на обед и сделать по дому.

В чужой квартире было много необычных вещей, таких, как пианино или проигрыватель с пластинками. У Кости была своя комната, своя кровать в уголке, покрытая ковром. А над кроватью, протянуть руку – полки с разноцветными книгами, с фотографиями разных людей и похожими на игрушки сувенирчиками. Меня влекло все чужое. Играть в чужие игрушки. Вести беседы с чужой мамой,

когда она о чем-то спрашивала. Нравилось есть чужую еду... Мы честно делили его обед на двоих.

В шкафчике на кухне можно было найти бутылку вина, которую его мама, как нам казалось, прятала. Это вино мы воровато попивали. Замеряли, сколько было жидкости в бутылке, и Костя разливал кислую красную водицу по рюмочкам. Боясь опьянеть, мы мешали эти капли с водой, но переворачивали квартиру кверху дном, воображая себя пьяными. Было, начав плескаться водой, залили пианино. Когда испугались, вытерли насухо, но пианино испортилось – и этого нельзя было скрыть.

Чувствуя себя виноватым перед Костей, я привел его к себе домой, и мы устроили потоп. Не как-то нарочно, а потому что играли. Поливали друг друга из душа. Залили горячей водой пол на кухне и в коридоре, искупались и вымокли до нитки. Ходили босые по воде. В квартире на первом этаже, и без того сырой, дышало паром целое горячее озеро. Казалось даже, что вода прибывает сама по себе, и мы долго ничего не могли с ней сделать, черпая тарелками прямо с пола. Костя вдруг сказал, что, если засыпать ее сахаром, она должна исчезнуть – раствориться. Мы рассыпали по разлившейся кругом воде весь найденный в кухонных шкафах сахар – и он немедленно растворился в ней, однако все получилось не так, как мы с Костей думали. Мы продолжили тоскливо вычерпывать с пола теперь уже совершенно противную жижу. Кое-как осушили квартиру. Босые ноги липли к сладкому полу, отчего было удивительно и весело, как будто мы ходили пришельцами по чужой планете.

Когда мама вернулась с работы, я не увидел в ее глазах усталости и не понял, что за благородный порыв перед своим дружком взваливаю на нее к вечеру труд поломойки. Но я честно ждал наказания – а мама, переведя дыхание, молчаливо замывала до ночи то, что мы с Костей наделали в квартире. Чай пить было не с чем. И пили горький, несладкий – а я терпел эту горечь с гордостью и удивлением, что в который не был наказан мамой за то, что сделал.

Костю я все равно считал счастливее себя, даже когда он сказал, что его настоящая, родная, мама давным-давно умерла. Я чувствовал, что это тайна, и хранил ее, хотя и не понимал, какая же еще могла быть мама у Костика, кроме той, которую я видел, и зачем он помнил о какой-то женщине. Я хранил эту тайну, пока мы не подрались. Зимой. На школьный двор вырвались после уроков своей второй смены, уже в сумерках. С неба сыпался снег. Двор воздушно утопал в белых хлопьях, но воздух был по-зимнему мглистый, сизый, как будто расцарапанный до крови стеклянисто сыплющимися снежинками. Кучка ребят затеяла играть в снежки. А мы с Костей боролись, катались по снегу, тоже играя. Костю я поборол. Он отбежал в гущу, к ребятам, и вдруг громко крикнул: «Твоя мама пьяница!» Ощущение тошноты быстро сменилось во мне приступом исступленной ярости. Но из-за своей неуклюжести я так и не поймал Костю, а все бегал и бегал за вертким, ловким мальчиком, зло на бегу выкрикивающим одно и то же, пока бешенство не исторгло уже из меня освобождающие, торжествующие вопли: «А твоя мама умерла! Сиротка! Детдомовская сиротка!»

Костя перестал убегать и кинулся на меня; и тогда уж он, а не я, рыдал от услышанного, орал так страшно, будто его резали.

Этот его ор так меня испугал, что бросился я бежать, спасаться, но тщетно – Костя ледышкой ударился в спину. Растащила нас страшная огромная женщина – директор школы. Она выскочила во двор в одном платье, схватила нас кутятами и поволокла в теплую тишайшую школу, где слышен был гулко каждый звук. Чудилось, что это огромных размеров пузатое существо проглотит нас. Волосы ее имели какой-то нечеловеческий красновато-рыжий цвет, как у огня. Мы были отпущены живыми: но всесильное существо сказало, чтобы завтра мы привели в школу родителей.

Мы бродили в зимних сумерках, что казались глубокой вечной тьмой, и думали, что случится страшное, если наши мамы придут к директору, как будто на суд. Не в силах остановить время, мы с Костей решили его обмануть – и притвориться, что этого дня не было. Мы дали друг другу клятву, что ничего не скажем нашим мамам, а на следующий день ждали, обмирая от звука шагов, прихода директора за нами в класс. Но огромная страшная женщина забыла о нас.

Я все же попал к директору школы очень скоро, за разбитое в классе стекло. Меня толкнул мальчик по фамилии Рябов, и я повалился на застекленный шкаф. Он отбежал, и Роза Федоровна схватила за шиворот меня. В набитом учебниками шкафу зияла дыра, будто и не стекло было разбито, а совершил кто-то кражу. Меня куда-то потащили. Ввели в огромный кабинет, где сидела она, директор школы, насупив брови. Роза Федоровна что-то шепнула ей в ухо, она побагровела и оглушила меня, стоящего перед ней столбиком, безжалостным кромешным ором: «Поставим на учет в милицию, там воспитают! Мать в школу!»

Придя домой, весь вечер трепетал и ждал, что за мной придут. Выключил в комнатах свет, чтоб подумали, что никого дома нету, а чтобы не раздалось звонков по телефону, сдвинул незаметно трубку. Происходящее со мной осталось незаметным для мамы.

А что ее вызывают к директору школы – этого произнести не смог и начал день за днем скрывать. В школу ходил от страха не пойти, на уроках сидел чуть живой. Верил, что в силах этой огромной бровастой женщины отнять меня у мамы и посадить в милицию; школа и милиция были чем-то похожим в моем сознании – тем, куда пойдешь, даже если не захочешь, потому что заставят много-много людей, которые сильнее тебя одного. Мало что зная о милиции, я хорошенько помнил, что именно это слово было страшным отцу – помнил, как он пугался, когда мама грозила позвонить в милицию. Я знал, что в милицию «забирают», думал, на веки вечные. Думал, милиция – что-то похожее на темную комнату, где тебя наказывают темнотой, прячут от родных, лишают дома, не кормят, и все это до конца жизни.

Слово «милиция» застыло в моих ушах. А после появилось легкое заикание; и потом, спустя много лет, приходя от чего-то в волнение или чувствуя страх, начинал заикаться.

Ее звали Аллой Павловной. Слыша ее голос, я почему-то чувствовал себя сиротой. Она могла орать на всякого и, казалось, распоряжалась чуть ли не жизнями детей. Ей покорялись родители: всегда можно было увидеть, как мужчина или женщина одиноко стояли у дверей ее кабинета, распахнутого настежь, и ожидали как будто наказания. Алла Павловна помнила про разбитое стекло. Как я ни прятался от нее, но в спину ударяло басом: «Ты! Ну-ка подойди ко мне!» Не чуя под собой ног, я подходил к ней, громадной своим животом и боками. «Когда будет мать в школе? Пусть платит или вставляет стекло». Сказать ей что-то в ответ я не смел. Поднять глаза тоже было не по себе, потому что мигом отнималось все живое в душе.

Директор школы каждое утро встречала у порога учеников: от первого и до последнего, все должны были пройти мимо нее, показать сменную обувь, да и себя самих, как будто это было вхождение из одного мира в другой, в котором каждый обязывался учиться, не лениться, слушаться, хорошо себя вести, даже уличную обувь пряча в мешки, а надевая в знак смирения тапочки. «Здравствуйте, Алла Павловна!» – громко и старательно произносил каждый. Казалось, она не видела и не слышала. Но вот школьные стены вдруг сотрясал ее окрик: «Мать ко мне! Отца ко мне!»

У меня не было отца. Те, у кого не было отцов, обнаруживались в классе у всех на глазах самым обычным образом. Все дети завтракали. Школьный завтрак стоил три с копейками рубля в месяц. Детям из неполных семей завтрак в школе оплачивало государство. Роза Федоровна не церемонилась и деньги собирала прямо на уроке, проходя с целлофановым пакетом между партами. И ты у всех на глазах ничего в этот пакет не опускал. А когда не хватало на весь класс котлетки или сосиски, то было всегда чувство, что съел чужую – того, чьи родители платили за школьный завтрак.

2

Сад школьный по весне расцветал, цвели старые яблони, и в нем было много укромных мест.

Осенью только падалица манила воронье, и сад забыто пустовал. А колючие диковатые кусты шиповника, которым заросла школьная ограда, в сентябре истекали кровинками ягод, кислосладких на вкус. И все жевали шиповник, даже на уроках.

При школе жила сторожиха – пугавшая, как ведьма, тем, что наружу выходила только с метлой или, зимами, с лопатой, в любую погоду совершая одну и ту же молчаливую работу, зыркая недобро из обмоток платка на расшумевшихся школьников. У бабы этой, такой вздутой и краснолицей, словно ее кусали пчелы, жила рыжая крохотная девочка лет шести, дичившаяся всего вокруг, как зверек, подле которой, в свой черед, преданно вертелась маленькая бесхвостая дворняжка. Все школьники знали собачку, и ко всем она глуповато ластилась, а если угостить, то после встречала как благодетеля с радостным визгом – подползала чуть не на брюхе, виляя обрубком так, будто это тикали ходики, у ног совсем вжималась

в землю и дрожала. Младшие гладили ее да тискали, отнимая друг у друга. Кто постарше, отчаянные дразнилки, лаяли, строили дикие гримаски, от которых дворняга мучилась и отползала задним ходом. А остолопы, что бегали за школу на перекур, остепенившись, забаву подыскивали посерьезней, со смыслом: подманивали к себе и выдыхали в собачью рожицу клубы табачного дыма. Собачонка чихала, взвывала истошно и мчалась к сторожихиной дочке, своей хозяйке. А от этого воя истошного и от вида насмерть испуганной любимой собачки рыжая девочка пугалась и сама начинала реветь. На плач истошный девочки выбегала неуклюже из каморки баба-сторожиха: всплескивала руками, принималась утешать ее, баюкая, утирая фартуком слезки.

Но собака выла, а девочка плакала опять и опять...

Безликое громоздкое строение школы украшали барельефы великих русских писателей – на высоте второго этажа, над парадным подъездом, выступающие из стены и глядящие друг другу в затылок. Одной из весен подвыпившим военруком был отстрелен нос Горькому. Тогда сбивали сосульки с карнизов и крыш. Но самая заметная повисла на носу у Горького, оплывала, будто свечка, горя огоньком солнечных лучей, и грозила упасть кому-то на голову.

Военрук, желая угодить Алле Павловне, сам напросился на этот подвиг – обещал выстрелом из мелкашки устранить сосульку. На школьном дворе собралась толпа любопытных учеников, которым хотелось посмотреть, как стреляет винтовка. Алла Павловна самодовольно ждала; она лично углядела эту сосульку и подписала ей приговор.

Военрук, полковник в отставке, неизвестно каких войск, кажется, впервые за свое еще недолгое учительство изготовился показать на деле мастерство стрелка. Он очень волновался, вид имел самый важный: крепенький коротышка с грудью-панцирем и руками-клешнями, похожий на рака, и такой краснолицый, словно варили его в кипятке.

Звука выстрела никто не услышал – мелкашка как будто сглотнула пульку, а не выплюнула. И на глазах у всех от барельефа неожиданно откололся нос – упал и разбился.

Военрук был посрамлен. Несчастный полковник в один миг оказался мазилой и к тому же нанес школе значительный ущерб, изуродовав ее парадный фасад. Нос, однако, за все годы так и не починили. Он отрастал у Горького зимами, изо льда, а веснами растаивал. И вспоминался, как только взглянешь, полковник в отставке, горемычный коротышка, что сделал один-единственный выстрел и лишил себя уважения.

Их всех отчего-то было жалко. Преподававшие с мелом в руке, особенно математику, выглядели поневоле неряхами: мел выедал их руки, что становились высушенными, заскорузлыми, будто у маляров, и въедался в одежду, крошась прямо с доски, когда испещряли ее отрешенно оспинками цифр. У многих преподавателей в классах учились собственные дети; сыновья-школьники старили усталых, в возрасте, женщин, чопорно скрывающих к тому же материнские чувства. Чтобы казаться справедливыми, они все одинаково вызывали своих детей

отвечать урок по фамилии, как чужих, да за примерный ответ ставили плохие оценки.

Только молоденькие училки, преподававшие иностранные языки, что вороковали на уроках как натуральные немки или англичанки, как-то женственно ласкались к ученикам и были ответно любимы за эту убаюкивающую свою слабость, но появлялись, как солнышко да исчезали, все такие же ласковые, в долгих отпусках, всякий раз заставляя испытать схожее с ревностью чувство; исключая Катерину Ивановну.

Раух, или, как ее звали за глаза, Раушиху – природную немку, с маслянисто-сонливым кукольным личиком, передвигавшуюся по школе при помощи толстенной указки, на которую опиралась будто на посох. Но появлялся даже наперед указки ее живот, плывущий низко над землей наподобие воздушного шара. Воздушный этот шар, как хамелеон, принимал фруктово-ягодные цвета ее платьев – то малиновый, то вишневый, то абрикосовый. Все они, платья, шиты были по одному фасону, навроде сарафана с рукавчиками, да из одной старомодной ткани, из кримплена.

Указкой она и учила – без злости, а как-то даже добротно вколачивая воспитанникам знание немецкого языка, услышать который не на уроках можно было только в фильмах о фашистах. Когда наводила порядок – страх, добродушно засыпала, но стоило раздаться в классе посторонним звукам, как веки ее разлипались, и гора плоти приходила в движение. Она изрыгала, как вулкан: «Ахтунг!» Все замирали, после чего Раушиха успокаивалась, добрела и сменяла отмолившегося у доски ученика на другого.

«Битте, битте...» – наводила она указку, не вспоминая давно никого по именам. Тот выходил бочком, чтоб не попасть под действие указки, и, вставая монашком у доски, за ее величественной массой, начинал читать тот же самый заученный этюд на немецком или стихотворение. Можно было и соврать, нагородить околесицу из каркающих слов – только не запнуться, не замолчать. Этого Раушиха не выносила. Если кто-то замолкал, она просыпалась и багровела не на шутку, произнося: «Айн, цвай, драй – дас коридор зайн!»

Когда-то она побывала туристкой в Германской Демократической Республике, да и то в одном городе, Дрездене, и – стоило вдруг выскочить из учебника его названию – просыпалась, что-то вспоминая, и поощрительно, как бы соглашаясь, произносила: «Я-а, я-а... Дрезден ист гуте штат!» Сама она по-немецки произносила один и тот же десяток предложений, похожих на пословицы; по-русски говорила еще ленивей и короче, словно, заговаривая на этом языке, ей приходилось всплывать из нездешнего, еще более глубокого сна.

3

Отчего-то почти все улицы в Свиблове – этой бывшей деревеньке, носили имена полярных летчиков или мореплавателей, – а были еще улицы Амундсена,

Нансена, проезд Дежнева... И бетонные плиты жилых домов казались кладбищем давно умерших покорителей Арктики. Ледовая пустыня зияла где-то во мгле и мерзлоте космоса, простужаясь на вселенском ветру, необитаемая для людей. Но одиночки рода человеческого все же побывали там – и вот парадом куцых однородных улиц, где из-под асфальта все еще пробивались к свету какие-то ростки да лопухи, вздумали всем сразу воздать почести, упокоив почему-то здесь.

Этот район Москвы обживали татары, переселенные в шестидесятых годах из Марьиной Рощи. Кроме татар, населяли район деревенские, кто жил еще в деревне Свиблово до времени, когда ее снесли. Было в Свиблово две школы – наша, «хорошая», и та, о которой говорили нам, что научиться в ней можно только плохому. У многих ребят родители учились когда-то в нашей школе, ее и построили первой, еще до переселения в хрущевские пятиэтажки новых жителей. Тех, о ком ничего не знали, в школу принимали неохотно, как будто вынужденно, потому что поселились на закрепленных за школой улице Снежной и проезде Серебрякова; улицы Седова и Русанова отходили другой школе, которой нас пугали.

Пыльные и пустоватые летом, зимой тесные от сугробов, улочки поделены были злобой на свои и чужие. Своих, начинающих спиваться парней, которых ждали или тюрьма, или армия, боялись – а чужаков били, сбиваясь в стаи и отлавливая во дворах. Кто возвращался из армии, обзаводились семьями, шли работать – где отцы, там и сыновья. Свибловские брали в жены татарок, татары женились на свибловских, жили обычно и умирали. От деревни осталось кладбище за оврагом у речки Яузы, где кончались дома, – оно не имело названия, было похоже издалека на свалку металлолома, рыжея ржавчиной крестов да оградок, и хоронили там, самозахватывали на бесхозном кладбище клочки земли, только семьи деревенских – доживших свой век уже в городе стариков и старух.

Свободы, простора, отбыв положенное в школе, искали не во дворах, а на пустырях, где обрывались новостройки, – в оврагах, по обоим берегам обмелевшей, но все еще манящей к своей открытой воде Яузы, и у двух прудов размером с футбольное поле, где летом купались, а зимой расчищали от снега пятачки льда и катались на коньках. На лесистом холме, над той плоской подошвой, где извивалась ядовитой мутной змейкой Яуза, а загнанная в трубу, под землю, разбухала двумя прудами, возвышались брошенная усадьба свибловских помещиков да разоренная церковь с ободранными каменными стенами и с проломленным в темечке череповидным куполом. Оттуда доносился только вороний гвалт.

От деревенских домов, окружавших когда-то усадьбу и бесследно исчезнувших у ее развалин, остались подвалы, погреба – ходы в них, покрывшиеся дерном, сровнявшиеся с землей, то и дело отыскивали, а бывало, что и проваливались под землю. Потому мертвой усадьбы помещиков боялись. В лесу на холме, в завалах усадьбы и разрушенной церкви что ни месяц находили трупы, и можно было видеть, как, прочесывая местность, бродили милиционеры в поисках следов очередного преступления, похожие на грибников.

Мы жили километрах в тридцати от Красной площади и Кремля, но я знал, как они выглядят, только по картинкам. Кругом была как будто и не Москва: чужие одинаковые районы, такие же окраины, где обрывались, даже если доходили, ветки метро. Выше всех домов в районе вознеслась пятнадцатиэтажная высотка, и с ее крыши можно было увидеть простертое до горизонта почти вровень с небом голубоватое и зыбкое московское море, с тысячами далеких домов, похожими на уплывающие кораблики.

Москва, как что-то праздное, начинала манить издалека райскими кущами Ботанического сада и помпезно-разгульной вавилонской громадой ВДНХ. В саду Ботаническом трясли мичуринские яблоки. А на выставке можно было поживиться серьезней. В школе знал я ребят, что ходили на ВДНХ и возвращались со жвачками или заграничными монетками. Они менялись с иностранцами на советские значки. Одноклассник научил меня, что нужно делать, и я, обзаведясь десятком значков с Лениным, тоже стал ходить на ВДНХ, страстно желая подсобрать коллекцию монет.

Чужая речь там слышна была повсюду – и роились вокруг иностранцев назойливые горделивые стайки детей, не давая им нигде прохода, обсыпая особенно густо каждого иностранца с негритянской наружностью. Дети боялись только милиционеров. Что совершаю я плохой поступок, в этом сомнений у меня не было, и я тоже боялся, когда сновал с жадностью под ногами у интуристов, заманивая их золотыми россыпями значков, приколотыми с обратной стороны школьной куртки. Негров считал я хорошими, остальных же как будто обманывал, думая, что иностранцы – это враги нашей страны, и только ради монетки или жвачки улыбался для них, позволял соприкоснуться с собой. Обмен значка на монетку никому и в голову не приходило считать неравным: на значок с Лениным тратил я в киоске «Союзпечать» пятнадцать своих копеечек и вовсе не понимал, что монетка, на которую я этот копеечный значок обменивал, была не чем иным, как американским долларом... Никто не разбирался, сколько и какой валюты за день нагребал в обмен на копеечные значки. И вполне могло случиться, что после, уже в коридорах школы, американский доллар, которых у самого оказывалось полно, с радостью менялся на чешскую крону, ну а уж за африканскую монетку с какой-нибудь пальмовой веткой отдавать надо было и американского дядю, и канадского оленя. Удивляло, что иностранцы чаще всего не брали значков, а давали монетку просто так. Невозможно было понять, отчего они такие добрые.

И вот на выходе с выставки – центральном, под самой колоннадой, человек в штатском вцепляется мне в плечо и начинает куда-то тащить. Толпа кругом заволновалась. Тот старается меня унять, а сам лопочет испуганно: «Спокойно, граждане, спокойно... Я сотрудник...» Затаскивает в какое-то помещение, за билетными кассами – а там с десяток детей на скамейке сидят, уже пойманных, стоят несколько милиционеров да эти, в штатских костюмах.

При виде милиционеров стало тут же до слез стыдно и страшно. Заныла жалобно и вся ребятня. Милиционеры растерялись, а люди в штатском принялись нас успокаивать и обласкивать. В тот миг я почувствовал, что нас не будут

наказывать... И воцарилось ожидание прощения, будто все мы ждали, голодные, что нас накормят. Один в штатском спросил, есть ли пионеры, и все дружно ответили, уже по-пионерски: «Е-е-есть...» Он начал говорить как пионервожатый, что иностранцы вовсе не обменивались с нами, а считали, что дают нам, советским детям, милостыню, как нищим. От стыда горело у меня лицо, я чувствовал, как жарко, обжигая все внутри, ходит во мне кровь. Дети стали в очередь к столу, высыпая монеты, отдавая жвачку. От ощущения, что теперь все стало в мире и во мне правильным, хотелось броситься целовать этих добрых дядечек, и живо было чувство, что очистился душой. Нас стали отпускать по одному. Каждый давал честное слово, что больше не будет ходить на ВДНХ за монетками. И я сторонился иностранцев, но не от страха, а из чувства брезгливости, опасаясь их нечистоты, скрытой за блестящим видом и улыбочками.

4

Тогда всех не принятых в пионеры, человек восемь, повели в пионерскую комнату, как в баню... И было такое состояние духа, какое приходило до этого только в летнем пионерском лагере, когда наступал банный день: раздеваться вместе со всеми ребятами догола стыдно, но и волнующе; ново и обездоленно держишь в руках полотенце с мыльцем; переживаешь, как бы не разглядели в тебе какое-нибудь уродство, за которое начнут дразнить; предчувствуешь помывку как испытание, а уже после бани с ощущением вымытости ходишь до вечера чужой себе, сам не свой. Мы нестройно вошли в комнату, до этого дня запретную, куда разрешали входить только ребятам с красными галстуками... Вся ее обстановка вызывала в душе трепет, казалась таинственно-торжественной, – и это алое знамя с ликом Ленина, тяжелое своим золотым шитьем и бархатом, что дышало как живое и переливалось светом, хоть даже не колыхалось. Сладковато пахло от почетных грамот, развешенных на стенах – отчего-то они источали сладость. Сияли сталью замершие горны, будто священные сосуды. Там же – в шкафах, за стеклом, покоились безмолвные головы пионерских барабанов, обтянутые похожим на иссохшую кожу процарапанным пергаментом в темных разводах.

В младших классах моим любимым был урок музыки. Он начинался с прослушивания грампластинки.

Бывало, класс разучивал слова, мелодию – и новую песню исполняли под ее же аккомпанемент. Делать это было весело и легко. Но я помню потрясение, когда услышал Гимн. Даже слушали его стоя, и учитель музыки – долговязый мужчина, похожий на смычок, тоже встал у своего стола. Сначала несколько мгновений слышно было из проигрывателя мышиное шебуршание. И стоило грянуть первым же громким звукам – окутала дрожь. Волны ярости, страха, счастья хлынули одна за другой, и я, сам не понимая отчего, стал ощущать в себе это возвышенно-воинственное. Тяжелая толща звуков колыхала душонку, будто щепку, а когда эта волна, достигнув выси, вдруг падала, дух перехватывало. На следующий урок под курткой школьной, за поясом у меня спрятан был меч, как я это воображал: обструганная под клинок деревяшка, которую утащил с урока труда.

Пока разучивали слова, ничего со мной не происходило. Но зазвучала музыка – и что-то воинственное снова повелевало душой; я сжимал свой меч, готовый к неведомой битве, осознавая почему-то как величайшую тайну этот жест, скрытый ото всех. А когда запел, глаза вдруг тепло заволакивало влагой, и, слыша собственный голос, ощущал я такую силу и такой восторг, как будто погиб и воскрес.

Нужно было выучить клятву и сделать свой альбом об одном из пионеров-героев. Пионерский галстук обошел меня ранее только по болезни. Чтобы обладать им, вступил я тогда в соревнование, по-спортивному страстное, очутился в отличниках – но заболел. А не повязав его в числе первых, с год удрученно жевал в памяти эту клятву пионера, помнил ее как обиду на несправедливость; тогда вступить было отличием среди других, а теперь вступление стало уделом отстающих, кто плелся в хвосте класса по успеваемости и поведению. Но волнение явилось снова, а подумать, что в пионеры все равно примут каждого, никто даже из отстающих не смел.

Мы расселись за продолговатым столом, как одна большая семья, и пионервожатая достала стопу уже готовых альбомов, изданных в виде книжек, наподобие детских: больших, мягких, где главное всегда – это картинки, и обратилась с вопросом, а есть ли у кого-то из нас любимый герой и, может, кто-то сам ей скажет, о ком бы хотел делать альбом.

В одном порыве, будто отнимая друг у друга, все начали выпрашивать Павлика Морозова. Вожатая растерялась, а когда прекратила шум, стала сама раздавать альбомы по очереди с таким видом, как если бы назначала судьбу... Мне достался Леня Голиков. Я увидел его на картинке, и стало до слез обидно: ничего геройского, разве что автомат сжимает в руках, сам в тулупе деревенском и ушанке, какой же это герой!

Леня Голиков, казалось, одиноко и просяще глядел на меня с парадного своего портрета... Этого мальчика даже не мучили, как других пионеров-героев, – и отсутствие мучений делало его подвиг в моем сознании каким-то ненастоящим. Свой альбом я украшал, будто могилку. Все шло в ход. И цветная бумага, и даже елочный «дождик». На заседании совета дружины, где в полной тишине принимали наши знания, вожатая сделала мне выговор за пестроту, и о подвиге Лени Голикова рассказал я уже чуть не плача, так что ей пришлось меня утешать, чувствуя, наверное, свою вину. А когда повязывали пионерский галстук и я клялся не пожалеть жизни, чувствовал, что вру. Ко мне являлся много дней грустный убиенный мальчик и светом потухших глаз только о том и жаловался: я убит, я убит, я убит... Было страшно от мысли, что я мог бы не родиться, если бы мама погибла на войне. И я выспрашивал маму: а что ты ела, когда была война? Чем кормили детей? Ее ответ должен был сделаться моей верой, что голодной смертью люди не умирают даже во время войны. А став пионером, больше всего этого боялся: умереть.

Это ощущение, возвышающее да тошнящее, схоже было с голодом. Приготовлением к смерти казались пионерские линейки... В январе, когда умер

Ленин, и уже в апреле, в день его рождения, все классы строились шеренгами в спортивном зале – это был такой огромный зал, с дощатыми, как в казарме, крашеными полами, высоченными потолками и зарешеченными наглухо окнами – чтобы стекла в них не разбили случайным отскоком спортивные мячи. Из потолка и стен торчали крючья гимнастических снарядов, похожие на дыбу. Ровнехонько за спинами нашими свисали канаты. И вся эта обстановка заставляла чего-то напряженно, мучительно ждать, чувствуя раздавливающую душу покорность.

Линейки пионерские начинались всегда рано утром, еще до уроков. Оттого, что не выспался, кружилась легонько голова. С утра мало кто успевал поесть, и поэтому стояли мы в шеренгах натощак; помню это голодное ощущение, когда рот затекал безвкусной слюной. По рядам рыскали учителя, проверяя, у всех ли есть галстуки. Голоса их звучали гулко, как приказы... Многие уже стыдились носить пионерские галстуки, считая себя куда взрослее, и без всякой радости повязывали мятые алые тряпицы, доставая их из карманов.

Нашей пионервожатой была девушка лет семнадцати с зардевшимся лицом, белой кожей. Мы звали ее Мариной, будто подружку, ведь у пионеров все были равны и дружны. Пионеры, кто повзрослей, стоя в безликих шеренгах, томились, поедая голодными пугливыми взглядами обтиснутую кукольной юбочкой и пионерской рубашкой девушку. И начиналась линейка. Трубил горн... Воспаряла барабанная дробь... Голоногая пионервожатая маршировала к директору, звонко докладывая о сборе дружины. Аллу Павловну злил ее нечаянный развратный плотский вид – а Марина чуть дышала, не понимая, чем провинилась перед ней. «Продолжайте...» – произносила директор в гробовой тишине. И тогда вносили знамя дружины... Алла Павловна следила за каждым. Если ей что-то не нравилось, то молча подходила к тому, кого приметила, и одергивала, стискивая по-женски губы от злости. Или если замечала, что у какой-нибудь девочки в ушах сережки или подкрашены ресницы, то рявкала на весь зал: «Беляева, ко мне! Вынимай из ушей побрякушки!», «Румянцева! Шагом марш в туалет смывать мазню!»

Бывало, на линейке кому-то делалось плохо, и падали в обморок прямо лицом об пол. Чаще всего случалось это с девочками. Но линейку не останавливали – и этот миг был самый торжественный, жуткий: к упавшей или к упавшему подбегала учительница, помогала подняться, давала платочек утереть разбитый нос и, прячась за шеренгами учеников от недовольного цепкого взгляда Аллы Павловны, бесшумно уводила в медпункт.

5

В ту же осень, когда распалась наша семья, а мама и мы со старшей сестрой после обмена, похожего на выселение, очутились в чужой сырой квартирке, и когда я снова пошел в первый класс в новую школу, произошло это событие: взрослый мальчик спас меня на перемене от пинков да тычков... Вдруг я увидел спокойного взрослого мальчика с красивым лицом, похожего на пионера, какими

они и могли рисоваться в моем воображении – красивые, благородные. Увидел – и кинулся к нему за помощью, справедливостью, защитой... Я очень хотел, чтобы мальчишки, что клевали меня стайкой на переменах и с которыми в одиночку у меня не было сил справиться, вдруг увидели, что я дружу с таким мальчиком. И тут же соврал, чтобы он захотел со мною подружиться, что могу подарить ему жвачку. Как-то мама приносила мне с работы жвачку. И я верил, что она сможет сделать это еще раз, если попрошу. Мальчику понравилось, что я пообещал ему жвачку. Он пошел со мной в класс, и я показал его притихшим ребятам. Они начали просить у меня прощения, хоть он их даже не заставлял, а просто стоял за моей спиной и смотрел в их сторону.

На следующий день мальчик потребовал обещанное. А я снова соврал и пообещал, что принесу жвачку завтра – и на следующий день прятался от него по углам. Но мальчик хорошо помнил о должке и подстерег меня у класса на перемене, а я снова что-то отчаянно соврал, пообещав уже сразу две жвачки, если он подождет до завтра. Не помню, сколько еще он ждал и верил мне. Мальчик стал злым, когда понял, что нечего с меня взять. Затащил в туалет и стал бить так, как умели они, которые постарше: кулачонками да по лицу, в кровь. И я помню ясно, что это было не больно, а тоскливо. Скованный мыслью, что обманул его, я желал подспудно какого-то наказания, чтоб снова стало мне легко жить, как если бы прощенному. Но мы росли, мальчик помнил меня – и не прощал. А жвачек, чтобы отдать, у меня не было. Мама их больше не приносила.

Чем старше он становился, тем больнее бил. Подстерегал в школьном туалете – отнимал деньги, развлекался, принуждая пойманных ребят делать что-то унизительное. Он побаивался уважительно лишь директора школы, но Алла Павловна обходилась с ним так, как ему льстило. И если гневалась, то все же обязательно вылетало: «А ну-ка, красавец!» А он вальяжно подставлялся самцом под ее тумаки и посмеивался, отбегая, а она меняла тут же гнев на милость.

Он тоже рос без отца, но его мамаша работала горничной в гостинице «Космос», поэтому ему все завидовали. На переменах он уединялся с самой красивой девушкой в школе: со смуглой толстоватой армянкой, что обращала на себя восхищенное внимание школьников большой грудью. Уводил ее в глубь зала, где за спинами одноклассников, как за ширмой, они срастались в поцелуе и не разнимали губ до самого звонка, словно пили что-то друг у друга изо рта с показным наслаждением; один раз, чтобы все это видели, он даже срыгнул через плечо после поцелуя струю слюны. Что не успевали углядеть снующие по коридору учителя, было на виду у школьников, толкущихся в зале, человек шестидесяти из разных классов. По залу блуждал восхищенный и завистливый шепоток. Все ходили парочками, группками, но как будто боялись остановиться на месте и обратить внимание на то, что происходило у окна.

Всякий раз, видя ее отдающейся ему в руки для поцелуя, я почему-то готов был заплакать, как будто он отнимал что-то мое. Я слышал, как он называл ее любовно: «Женушка моя...» А бывало, орал через весь школьный коридор: «Жена!» Я замечал все новые подробности: она стала носить его вельветовую

рубашку. Однажды она вошла в только что опустевший после звонка буфет, где я и еще один мальчик, дежурные, убирали за своим классом. Когда девушка обращалась к буфетчице, я услышал ее голос: неожиданно грубый, неприятный. Купила себе эклер и сок. Отвернувшись, встала в двух шагах у окна – а мы с товарищем замерли, пораженные собственной к ней близостью. Отнести пустой стакан ей было лень. Увидев нас, она поставила его на стол, который мы убирали. В этом жесте не было ничего, кроме лени и еще, быть может, презрения. Но мне казалось, что она обратила на меня внимание. Я был с ней рядом, чувствовал ее запах и даже, когда притронулся к оставленному на столе пустому стакану, ощутил тепло – ее, так мне это чудилось.

Спустя всего несколько месяцев, зимой, можно было увидеть, как она, располневшая, стояла на переменах одна и, уже прячась от множества взглядов, смотрела в пустое белое окно. Одноклассники делали вид, что не замечают ее, но сторонились – и как будто выставляли на всеобщее обозрение. Она не выглядела несчастной – только, быть может, злой и еще верила в свою особенность в сравнении с другими. Алла Павловна заходила на этаж и, довольная тем, что видела, произносила во всеуслышание, поверх голов: «Все толстеешь, дорогуша? Ну ничего, будешь следить за фигурой!» И я не знаю, что приходило на ум школьникам, но сам вспоминал почему-то пирожное; как она ела эклер – с любовью к шоколадной глазури, нежному белому крему.

Однажды ее одинокая фигура, в которой, казалось, появилось какое-то уродство, совсем исчезла. Говорили, что ее исключили из школы. Он тоже очень скоро исчез, схлынув весной с теми, кто не хотел больше учиться. Той последней весной он не раз заявлялся в школу пьяный уже с утра. Зачем-то еще ходил на уроки, хотя его жизнь давно стала загульной, взрослой. Алла Павловна не пускала его в школу, а если узнавала, что он все же пробрался и сидит за партой, пьяный, то сама приходила за ним прямо в класс, брала за шиворот и вышвыривала за порог школы. Он оставался до окончания уроков на школьном дворе. Отнимал деньги, а кого постарше – своих одноклассников, что выбегали на переменах бодрячками покурить – посылал за бутылкой, а потом уходил отсыпаться в школьный сад или еще куда-то, один или уже с какой-нибудь приблудной девчонкой, подпоив и ее портвешком. Я столкнулся с ним в то время на проторенной школьниками тропинке; школьная ограда была крепка, но со всех четырех сторон света в бетонном заборе неведомой силищей были пробиты ходы кратчайших путей. Он куда-то брел прочь со школьной территории, а я прогуливал урок и слонялся в ее окрестностях. Он посмотрел на меня, и, наверное, не узнал. Всучивал мне как дружку сигарету. Просил, чтобы помог дойти домой. Вцепился судорожно и не отпускал – от слабости он еле держался на ногах... И я ощутил, как он трясся. Ощутил я это так явственно, что позабыл свой собственный страх и легко себя освободил: рванулся что было сил, а он упал и рыдающе взвыл, но я уже мчался в школу.

6

Звали мы его Игорьком, он был ненамного старше нас, но все молодое в нем как будто давно исчезло... Так разительно отличался он от мальчишек, что льнули к его силе, храбрости, глотая с восторгом воздух опасной жизни, а когда смеркалось, разлетались по домам... Отца с матерью он не помнил. Говорил, что родился в тюрьме. Воспитывался у бабки с дедом, но когда вырос, они пускали в квартиру, только если приносил бутылку водки. Нам он рассказывал, что дед приучил его пить водку с шести лет.

Смуглое, казалось, неумытое лицо Игорька одеревенело от шрамов, похожее на бойцовский щит. Рядом с ним мы ничего не боялись. Взгляд его не был угрожающим или властным. В нем подчиняло ровное, спокойное бесстрашие. Оно было как пламя, в котором, даже не чувствуя боли, медленно сгорал человек – или черное что-то, спрессованное в камень. Ради фокуса, чтобы поразить наше воображение, он мог затушить о себя сигарету и не издать ни звука. Говорил он редко и мало. Чаще молчал, как будто даже перед глазами видел все время то, что не в силах был выразить словами. На хорошее откликался смехом, на плохое – сопением. Или вдруг отчетливо произносил, все для себя решая: «сука», «подлюка». А когда волновался, голос его звучал как собачий лай. Он презирал бродячих собак, потому что они всего боялись; любил птиц, но не домашних попугайчиков или канареек, а тех, что кормились на улице, с уважением называя их «ворами» и восторженно наблюдая, когда какой-нибудь воробей красиво и ловко умыкал крошки чуть ли не с его руки.

Кто входил в стаю, где он был вожаком, погружался в таинственный отрешенный мирок, соблюдая его ритуалы... Он выносил за хвост еще живую крысу, оглушенную и пойманную в нашей землянке, – а случалось это что ни день – и проделывал все молча: облил бензином из майонезной баночки, которым всегда и разводили мы огонь, поджег, швырнул... Зрелище устраивалось для всех. Начиная пылать, крыса судорожно оживала. Глядя, как она дико верещит и носится по кругу огненным комком, он приговаривал: «Горит, подлюка...» Так он казнил какое-то зло – что-то жадное, трусливое, подлое. Все мучились, но смотрели. Когда верещание вдруг замолкало, а пламя гасло, становилось легко. Зло сгорало заживо, и только дымился обугленный холмик. Крысу уже не было жалко: каждый убил бы мерзкую тварь, чем смог, найдя ее в землянке.

Много лет я видел Игорька Митрофанова еще в школе, но не смел заговорить или подойти так близко, чтобы обратить на себя его внимание. С ним всегда ходил еще дружок, по фамилии Вонюкин. Вонюкин был рыжим, поменьше ростом и тщедушней Игорька, – у того даже волосы ежились, упрямые и дикие, все равно что иголки. Скуластая сумрачная рожица одного и лоснящаяся прыщавая мордочка другого были отражениями очень разных душ, но что-то делало их неразлучными как братьев. Казалось, они носили одну и ту же одежду; с детства одевала их одинаково бедность, и когда повзрослели, одеждой служили взрослые обноски – добытые неведомо как и расклешенные по старой моде брюки, армейские зеленые рубахи навыпуск да солдатские ботинки. Зимой шатались по

улицам в кирзовых сапогах и в телогрейках, пугая прохожих в сумерках своим видом. Им нравилось наводить в районе страх.

Вонюкин с криком и как-то судорожно всегда что-то выхватывал у малышей, особенно если кто-то выходил из буфета после завтрака с пирожным или котлетой, и сразу же отправлял выхваченный кусок себе в рот, будто его и не было. Тех, кто жаловался, он запугивал, пинал. Пожалуй, только я и не уступал сложением Вонюкину, хотя был младше. Однажды, когда он что-то отнял у меня, я навалился на него и опрокинул на пол. И тогда к нему кинулась вся ребятня, кто пиная, кто щипая, кто хватая за волосы и куда-то волоча. Вонюкина с ликованием свергли. Но восстание маленьких рабов было подавлено спустя самое короткое время. Вонюкин вдруг взбежал на этаж с еще одним мальчишкой – и указал ему на меня. Паренек быстро подскочил и ударил меня в живот. Он был куда сильнее, но я в каком-то отчаянном порыве все же стерпел боль и ринулся на него. Мы даже сцепились, но тут подскочил Вонюкин, после чего они в несколько мгновений легко справились со мной и осыпали градом проворных ударов. На помощь никто не пришел: ребята пугливо сбились в кучку и смотрели, как меня бьют. А когда экзекуция закончилась, кто-то с восхищением и страхом шепнул на ухо: «Тебя бил Игорек Митрофанов!»

В моей жизни стало опасностью больше; временами я ощущал присутствие этих двоих где-то рядом, будто они были призраками, что могли появиться однажды ночью, придя за мной даже в квартиру, где я жил. Мне казалось, что Вонюкин не ложился по ночам спать, а тот, другой, которого все боялись, приходил в школу откуда-то из темного сырого подвала. Шли годы. Бывало, я вдруг видел две сцепленные сгорбленные фигурки, что вырастали из темной точки вдалеке или появлялись прямо за поворотом, и хотя тянуло почему-то остановиться, сворачивал или убыстрял шаг. Ни Митрофанов, ни Вонюкин тогда уже не учились в школе. Но я слышал и знал о них больше, чем мог рассказать о себе самом, хотя о таких, как они, не смели громко говорить... Знали дома, в которых они живут, с какими девчонками гуляют, где собираются вечерами, – и никто не хотел оказаться у них на пути. А если кому-то не везло – побитые, гордились этим, будто подвигом, потому что страх перед ними был неотделим от восхищения. Завидовали даже тем ребятам, что ходили под их покровительством, как если бы они обретали недоступную для всех остальных свободу.

В нашем классе учился Саша Федоров – или, как его прозвали за рассудительность и очень серьезный вид, «дядя Федор». Восьмилетка для него была концом учебы – как и многие, дядя Федор надумал идти в училище, чтобы получить профессию автослесаря. Мы ходили в школу без котомок со сменной обувью, считая себя взрослыми – и свободными от этой унизительной обязанности. Если дежурили по школе десятиклассники, то они еще могли не пропустить на урок и заставить подчиниться, понимая, что унижают. Обычно, если цепляли на входе нашего, мы тут же угрожающе обступали одинокую парочку дежурных. Все они выглядели одинаково глупо и смешно в приталенных пиджаках, выглаженных сорочках и папиных галстуках. Они готовились стать

студентами институтов и университетов – а нас ожидали экзамены на пригодность к дальнейшей учебе. В тот год нам постоянно твердили, что из трех классов сформируют какой-то один, в котором продолжат учиться только самые умные и воспитанные, а со всеми остальными распростятся. Как будто учителя превратились в судей, а школа – в какое-то странное место, откуда всех не одумавшихся за восемь лет отправляли отбывать наказание на заводы, фабрики, стройки...

Дядя Федор знал, что его ждет ПТУ, и давно перестал бояться школы; задержанный на входе дежурным, не заметил его повелительного жеста – руки на своем плече, смахнул ее, двинулся дальше, но тот схватил его за куртку и рывком притянул к себе. Дядя Федор был обречен и все же начал бодаться, брыкаться – это забавляло его мучителя, и он играючи вертел им, держа как будто на привязи. Я видел это, но во мне не было сил прийти на помощь: побороть смущение перед благодушным красавчиком.

Это в него влюблялись девочки, а учительницы – и молодые, и постарше – сами того не замечая, по-женски кокетничали со смуглым мускулистым блондином. Он родился и вырос за границей. Папа его был послом в африканской стране. Родители отослали его на родину, под надзор бабушки – доучиваться в простой советской школе и зарабатывать комсомольскую характеристику. Но почему-то красавчик, с вызывающей грубостью отказываясь от лестных общественных поручений, зато стал капитаном школьной волейбольной команды и вообще отличником по физкультуре. Если просили рассказать об экзотической африканской стране, особенно учителя, он принимал нарочито глуповатую позу лектора и как на политинформации докладывал о системе апартеида. Презрительная гримаса всегда мучила его лицо. Если бы захотели выяснить, что же известно о новичке, оказалось бы, что ничего о нем до сих пор не знают, а все впечатление производили заграничные вещи, в которые он одевался, и голливудская внешность.

Вдруг раздался треск – оторвался рукав. Дядя Федор оказался на свободе, и, трогая рваный клок на плече, как рану, казалось, морщился от боли. Старшеклассник отступил на несколько шагов и ждал – не пропускал в школу... Уже прозвенел звонок. Возбужденные и почему-то окрыленные, несколько человек решили, что тоже не пойдут на урок. Вдруг дядя Федор вскрикнул: «Пошли за Игорьком... Нужно рассказать Игорьку...» Отправились впятером. По пути поняли, что он ведет нас прямо к Митрофанову, потому что знал его, жил с ним в одном дворе... И чувство, что окажемся приближены к нему, кружило голову, как будто, ищущие правду, мы и могли бы найти ее только у него!

Митрофан с Вонюкиным отлеживались в беседке детского сада. Там они, наверное, мыкались еще с ночи. Взгляд Игорька был хмурым, мутным. Уставшее лицо оплело паутиной морщин. Сначала говорил только дядя Федор. Потом все подняли голос и наперебой рассказывали о том, что произошло в школе, чувствуя, как бывший ее ученик, проснувшийся утром на скамейке детского сада и страдающий теперь похмельем, начинал что-то обдумывать и понимать.

Вонюкин крикливо порывался прогнать нас, наверное, ревнуя к дружку, у которого просили мы помощи, но почему-то Игорек поднялся – и, казалось, сам же повел нас за собой. Своего обидчика вызвал на перемене сам дядя Федор. Он принял вызов – и стоял один в нашем окружении, глядя все с той же презрительной гримасой; а старшеклассники, вышмыгивая перекурить, жались в сторонке у парадного входа. Вонюкин сорвался и бросился было на красавчика, но его остановил окрик Игорька, вдруг взявшего его под защиту. Драться решили без свидетелей. Игорек велел нам ждать на школьном дворе, а они направились куда-то в сад, который будто бы глухо затих, когда скрылись высокий спортивный парень и коренастый оборвыш.

После драки, которой никто не видел, новенький еще долго не показывался в школе – а у Игорька не заживала ссадина на разбитой губе. Он с удивлением трогал ее пальцами, будто живое существо, и восхищался: «Вот все целое, а губищи – это у меня всегда в кровь!» С того времени мы каждый вечер собирались в беседке детского сада или ходили выводком за Игорьком, не понимая, что порой ему было некуда идти. Постепенно он свыкся с нами, стал меньше пить и думал уже как будто обо всех. Вечно недоволен был Вонюкин. Он раздавал глумливые клички, но Игорек за ним не хотел повторять, и поэтому никто уж не откликался. Вонюкина с детства дразнили то «рыжим», то «вонючкой». За что ему досталась такая фамилия, он не понимал и мучился, мечтая ее при получении паспорта поменять на какую-нибудь красивую. Но для окружающих было пыткой даже смотреть на него – и видеть по всему лицу вздувшиеся гниющие прыщи.

Наше времяпрепровождение заключалось в поисках некоего важного дела, которое мы окутывали тайной, если что-то тайное и не увлекало за собой: то мы искали клад на берегу Яузы, то вознамерились своими силами раскрыть убийство, когда на территории детского сада однажды был найден так и оставшийся неопознанным труп мужчины. Не понимаю, что было игрой, а что жизнью. Мы слушались Игорька. Не знаю, когда он был самим собой – превращая с нами свою жизнь в какую-то военно-спортивную игру или, в другое время суток, исчезая по ночам вместе с Вонюкиным и появляясь – похожий на мертвеца, с мертвенно-сизыми губами, мертвым взглядом. Вонюкин ухмылялся и говорил, что он вор и умрет в тюрьме, раз уж там родился, – и это Игорьку льстило, нравилось, как будто успокаивало нервы. Он придумал плавать на пенопластовых плотиках по Яузе и рыть землянку на зиму. Он воображал себя капитаном пиратской флотилии, командиром фронтового блиндажа, а мы были его морячками и солдатиками, хотя всерьез учились терпеть боль, отвечать за свои поступки и даже слова. Но научить чему-то житейскому Игорек не мог, разве что пугал рассказами о тюрьмах с лагерями, которых знал столько, будто сам отсидел полжизни где-то там, за колючей проволокой и решетками. А потом поучал, что надежнее всего в жизни – работа автослесаря или хотя бы крановщика; они с Вонюкиным пошли в училище, где учили на крановщиков.

Чтобы не отличаться от него, каждый обзаводился телогрейкой да кирзовыми сапогами. Я свою выпросил у бабушки. Она работала на почте и получила телогрейку как униформу на зиму. А на кирзачи выклянчил у нее же обманом десять рублей, обещая, что потрачу на покупку каких-то дефицитных кроссовок, и долго ходил с дружками у стройбатовских казарм, пока один служивый не перекинул пару стоптанных сапог через забор, за что я тут же просунул в щель свой червончик, обмирая и от гордости за себя, и от счастья. Это было одеждой для какой-то особенной мужской жизни; она обнимала собой, баюкала, грела, заключала в приятную сильную тяжесть, защищала и утешала, будто броня, была сигналом для своих и чужих.

В кинотеатре «Сатурн» каждое воскресенье последний сеанс был сходкой; а если не приходили показать себя – тех в Свиблове не признавали за силу. В сумерках просмотрового зала, где вставали широкоэкранные тени фильма, выясняли под шумок накопленные за неделю обиды или сговаривались о делишках. Но мы жадно смотрели фильм, подавленные, как лилипуты, размахом экрана, и ничего не боялись, потому что за нас все улаживал Игорек. Одинокая фигурка Игорька в это время передвигалась по залу, он кого-то укрощал, кого-то мирил. Там, на последнем сеансе, в тепле и под укрытием вальяжной темноты, собирались только дворовые палачи да уличные хозяева чужих жизней. И мы тоже сидели в их гуще, будто незваные гости, содрогаясь от того, что творилось на экране, и от визга пьяных шлюшек, елозивших на коленях у взрослых парней. После сеанса толпа вываливала в ночь и катилась шумным дружным комом, пока постепенно не таяла. Одни исчезали в одних улицах, другие растворялись в черноте других, тот сворачивал за угол, а этот шел прямо или цеплялся к первой попавшейся компании, откуда пахло винцом, и отправлялся сам не зная куда и с кем, чтобы не пропасть в одиночку.

Праздники тоже собирали толпу, когда несколько раз в год одаривали зрелищем – салютом под открытым небом. В разных уголках Москвы, где открывался хоть какой-то небесный простор, стекались на ночь глядя тысячи и тысячи людей. Люди стояли как потерянные, забытые и будто в ожидании пришествия устремляли лица в чужевато-пустое до этих мгновений небо. Раздавался гром, взлетал и взрывался горящий желтый шар, все кругом озаряло жаркое пульсирующее сияние, и становилось светло, как при свете дня. Каждый удар салюта встречали победные вопли, свист, улюлюканье, рвущиеся на свободу из людских глоток, будто совершалось что-то бесповоротное и великое. Эти митингующие толпы держались до последних всполохов. А когда небо вдруг гасло, народ умолкал и расходился.

Милиция следила, чтобы из толпы не доносилось матерных выкриков и не было драк, хотя этим обычно и кончалось, как и тогда, в ноябре, у памятника Рабочему и Колхознице, когда отгремели последние орудийные залпы, рассыпавшие в ночном небе кроваво-желтые конфетти.

Игорек обещал купить вино, и каждый готовился быть пьяным, чтобы ехать смотреть салют. Встретиться было условлено в детском саду, где и всегда. Я еще

не испытывал, что такое быть пьяным, но почему-то не боялся того, что произойдет. Игорек пришел с большой бутылкой за пазухой, которую называл «бомбой». Воздух уже залили чернильные сумерки, потрескивал дождь. Слезливые огоньки домов удаляли их же баракоподобные темные очертания. Пришла моя очередь. Я хлебнул из пущенной по кругу бутылки, не показывая вида, что делаю это в первый раз.

Карамельная сладость запеклась во рту и на губах. Я прислушивался к себе и ждал чего-то, схожего с ударом, но приторная жидкость из холодной бутылки вдруг превратилась во мне в доброе тепло. Тот первый глоток был полон доброты и тепла, от которых кружило голову, как от переизбытка кислорода; я снова прильнул к обогретому губами ребят, теплому и влажному сосцу грудастой бутылки, ощущая плаксивое чувство уюта и родства со всеми, кто из нее пил.

В тихоходный пучеглазый автобус, что ходил по маршруту от улицы Русанова до ВДНХ, пьяные компашки врывались на каждой остановке. Помню, сжатый человеческими телами, я чувствовал себя в толще какой-то сильной воды, которая будто бы дышала мной и плавно качала из стороны в сторону в своих невесомых объятьях. К памятнику Мухиной свибловские пошли толпой – и влились в огромное людское море. Меня несло со всеми. Помню крики радости, громовые раскаты, разноцветный огненный дождь, падающий с неба. А потом озверелые вопли и зубовный скрежет драки: после салюта – все равно что по команде – пошел район на район, толпа на толпу, как фокусники, доставая из воздуха солдатские ремни, самодельные нунчаки, велосипедные цепи, которые засверкали в ночи над головами. Я не успевал опомниться в бешеной скорости кружащихся ударов и почему-то застыл с опущенными руками, а вокруг бушевало и гудело это побоище. Казалось, я был невидим и неуязвим. Оно не тронуло меня и не задело. В сознании медленно возникало то, что происходило не со мной. Прямо на моих глазах дрались двое парней. Они били друг друга наотмашь, будто слепые. Только сжатые зубы, принимая удары кулаков, издавали сухой хруст.

Стоило засвистеть милиционерам – и все бросились с площади перед памятником врассыпную. Я очнулся в ночном автобусе, где было светло и пустовато, как в больничной палате. Человек тридцать возвращались домой. Многих недосчитались, и думали теперь, что их поймала милиция. Одни хвастали полученными ранами, другие – собственной силой. Гордились, что в сегодняшней драке Свиблово победило Пятый микрорайон, но мне было все равно. Воздух сверлил одобрительный гул. Неожиданно я осознал, что мною тоже были довольны. Кто-то видел и рассказывал, что я завалил несколько «пятаков», – обознался или соврал, но сам я не открывал рта и опустошенно молчал.

К своему дому я шел один по вымершей улице. Вытрезвленная временем и холодом голова была как чужая. Качались на ветру, расплескивая желтый жиденький суп, фонарные тарелки. Шарахались по асфальту тени, выплеснутые как помои. Отовсюду в мой мозг сползались по-тараканьи какие-то шорохи. Вдруг по спине пробежал знобящий страх, а затем из темноты и шорохов повеяло ужасом: я почувствовал чье-то присутствие, что-то живое, если не шедшее следом,

то наблюдающее за мной. Не знаю почему, но мне почудилось, что кому-то нужна моя жизнь. Это было как предчувствие смерти, столь же бессмысленное, сколь и пронзительное. Я представлял, что сейчас из темноты навстречу мне выйдут незнакомые парни, мне так и виделось: этой ночью, сразу же после одной расправы, в Свиблово пришли, чтобы отомстить, они, «пятаки», у которых, наверное, кого-то убили наши, а завтра здесь найдут труп, потому что теперь они должны убить, – так уже было, я знаю, мне рассказывали! Справа был дом, пятиэтажка, в которой не светилось ни одного окна. Слева тянулся не застроенный ничем пустырь – одинокие голые кустарники, холодная земля с остатками еще зеленой травы, по которой этой ночью в ноябре почему-то стелился влажный тяжелый туман. Свет, опускавшийся парашютом с высоких фонарных столбов, тоже окутывала его дымка. Вдруг за кустами уже отчетливо послышалась возня и какое-то мужиковатое кряхтенье. На свет точно бы с большой высоты плюхнулась огромная серая ворона. Она зыркнула в мою сторону и выжидающе замерла, наблюдая, что я сделаю в ответ. Осевшая птица производила впечатление больной или раненой, по крайней мере я чувствовал, что ей трудно взлететь. Но стоило мне понять это, как она совершила над собой усилие – и вспрыгнула, начиная толкать себя крыльями вперед, а в коготках ее намертво было схвачено что-то дохлое. Она смогла пролететь со своей добычей десяток метров. Но затем все повторилось опять, и я успел заметить свесившийся в воздухе крысиный хвост...

Дохлая крыса была тяжелее вороны, и та выбивалась из сил, перенося в ночи свою добычу.

Все было ясно, но я бросился бежать к своему дому, как будто наперегонки со смертью; я бежал по спящей пустынной улице и яростно ревел, чтобы освободиться от страха, воображая, что сметаю на своем пути всех врагов.

Зимой местом наших сборов стала землянка, где было тепло и светло от самодельных свечей из колотого на куски парафина. Мы устроили свое убежище в стороне от людей и домов. Парафин приходилось воровать, остальное доставалось даром, со свалки... Бросовая деревянная тара, чтобы топить «буржуйку», которую сделали из найденной там же бочки. Выброшенный диван. Автомобильные кресла. Облезший полированный столик. Колченогая тумбочка. Все это принадлежало только нам. В землянке был один на всех магнитофон, который любовно называли «Электроникой». Весь раздолбанный, перемотанный изолентой, он был как маленькое переносное кладбище – в одну выемку укладывали братскими трупиками батарейки, а в другую – похожую на гробик кассету. Батарейки испускали дух в магнитофоне, на последнем издыхании из черных скорбных дырочек динамика доносился один и тот же заедающий похоронный марш, в который превращалась любая музыка, записанная на кассетах, даже рок-н-ролл. Был и свой телевизор – стоял в углу для красоты, отражая в своем мертвом экране огоньки самодельных свечей и наши странные лица.

Проникали в землянку ползком, через лаз, и там, на дне ямы, тоже не разгибались, иначе можно было ушибить голову, зато она была широкой и непотопляемой – крытая в два наката досками, полотнами почти новенького рубероида, законопаченная паклей, засыпанная с холмиком землей. Постепенно все свыклись, что поселили себя на свалке. Так решил Игорек и место это выбрал сам – а ему никто не перечил. Он говорил, что оно самое спокойное. Здесь жила, стая бездомных собак и слетались кормиться птицы, порой даже утки; свалка обрывалась у берега Яузы, что ни в какие лютые морозы давно уж не замерзала, нагретая заводскими стоками, и утки оставались на реке зимовать.

За свалкой никто не следил, мусорные машины опорожнялись на этом пустыре у Яузы по ночам, скрытно; наверное, не доезжая до полигона, экономили время и делали больше ходок – перевыполняли план. Мусор был унылый, и редко что в сваленных кучах удивляло глаз. Рылись, мечтая найти, например, золотое кольцо, – а находили ничего не стоящие частицы чужих мирков, с которыми вдруг жалко становилось расставаться; уносили – и не понимали, почему же какие-то люди захотели от этого избавиться.

Вещи со свалки оказывались точно бы волшебными, заставляя переживать до этого неведомое и мучиться непонятным. Один раз я нашел в картонной коробке старые грампластинки. У меня был проигрыватель, оставшейся от сестры, и я принес их домой. Сквозь шум и треск звучало фортепьяно – возвышенная тоскливая музыка казалась зовущей в другую жизнь. Я пытался что-то представить, закрывая глаза и долго слушая, но не мог. Видел черноту и как бы фосфоресцирующую пыль, начиная поневоле чувствовать к себе жалость и с удивлением думать, что было б со мной, если бы я вдруг ослеп: открыл глаза, но увидел бы ту же самую пульсирующую черную пустоту.

Еще помню, как раскопал в мусоре чемодан, который оказался набит письмами, почтовыми открытками... Все было порвано на клочки и рассыпалось в руках – кроме телефонной книжки, слишком плотной, чтобы ее можно было разорвать. Казалось, она еще хранила чье-то прикосновение: пухленькая, вытянутой формы, в изящном переплете, похожая на дамский кошелек. Почему-то в ней было много фамилий с телефонами и адресами в столице Югославии Белграде. Поскольку в ней не все страницы были исписаны, я не задумываясь превратил ее в свою, а для этого, где оставалось место, похожими синими чернилами как можно ровнее вписал телефонные номера одноклассников и маминой работы. Я брал ее с собой в школу, показывал нарочно ребятам и говорил, что у меня есть знакомые за границей – в Белграде, где я будто бы когда-то бывал. Чужие фамилии выучились почти наизусть. В моем сознании они принадлежали каким-то мальчикам и девочкам, с которыми я уже давно дружил. Югославия стала вдруг моей самой любимой страной, но только однажды я увидел ее название – на афише кинотеатра «Сатурн», там показывали югославский фильм. Вход на «любовную драму» был запрещен детям до шестнадцати. Возможно, я становился слишком робок прямо у порога своей мечты и к тому же успел надоесть раздраженным одинаковым старухам, дежурившим у входа, вместо того

чтобы хоть раз суметь им понравиться или разжалобить. Никакие ухищрения не помогли пробраться на сеанс – и уже купленный в кассе кинотеатра добрым дядечкой или тетечкой билет, и серьезное взрослое выражение, которое я как мог старался придать своему лицу, и ботинки на самой толстой подошве.

Дно нашей земляной ямы, казалось, кишело мечтами. Они возникали что ни день в замороченных куревом, кричащей из магнитофона музыкой да карточной игрой головах, и пацаны начинали бредить неисполнимыми желаниями, говорили и говорили до хрипоты, чувствуя себя заговорщиками и тут же превращая все в тайну. Главной у всех была мечта о каком-то путешествии. Игорек говорил, что если сделать весной плоты получше, то по Яузе можно уплыть из Москвы, а там добраться и до больших рек; просто плыть по течению, устраивать стоянки с кострами на берегах, питаться пойманной рыбой. Его словам верили, да на словах все и было легко, как будто они переносили по воздуху даже не чувства и мысли, а время, реки, плоты. Легко было ждать и далекой весны. Но приготовления все же начались. Для побега из Москвы нужны были деньги. Кто-то додумался, что добывать их можно здесь же, на свалке, и тогда освоили муравьиный, но честный промысел: собирали в мусоре бутылки с банками, сдавали в пункт приема стеклопосуды, получая за сданное когда сколько, но всегда не меньше трех рублей.

Работать должны были все. Деньги общие хранились в землянке, о тайнике знал каждый из нас – их прятали в пустом чреве телевизора. Сосчитали, мечтая, что к маю можем скопить рублей пятьсот. Но скопленное то прибавлялось, то таяло: Игорек безвольно уступал нашим же уговорам всего разок потратиться на кино или съездить всего разок на ВДНХ и покататься на аттракционах. К Новому году в копилке было рублей пять. Тогда на общие деньги решили купить вино, потому что праздники мы отмечали уже вместе, как будто семьей.

Новогодняя ночь началась для меня за праздничным столом с мамой. А после двенадцати я быстро собрался и, сказав, что иду кататься с ребятами на горках, побежал в землянку. Игорек восседал там уже пьяненький, щедрый, подавая полный стакан. Я выпил, думая, что повторится все, как было в прошлый раз, но, когда пошли веселиться на горке, пил на морозе еще и еще, начиная слабеть. Может, вино было другое, крепче, или все кругом – стремительней и просторней, а морозный, обжигающий дыхание воздух – свежей.

К черной излучине Яузы издалека спускались плавные склоны, у которых выстроились последние высотные дома. В ту ночь они горели свечками в пышном снежном торте – столько его намело к этому дню. Но та первая январская ночь была полной глубины и покоя, и не стало метелей, чтобы их задуть. У берегов огромной белой реки с ее застывшими снежными волнами гуляло множество семей, подвыпивших компаний и всякий празднующий народец. С визгом и хохотом, поднимая искристые брызги, в нее бросались на санках или ныряли в чем были, скатываясь на животах и спинах до самой Яузы, а выползали наверх в новых одеждах, похожие на снеговиков. Кого-то кидались спасать глупые

верные собаки, снующие всюду за хозяевами, потом начиная кружиться и лаять от восторга, что искупались в снегу. Тут же стреляли бутылки шампанского.

Зажигались звездочки бенгальских огней, мерцающие и там, на голубовато-серебристых склонах, по которым рассыпались, наверное, сотни людей, – и, казалось, в небе.

В ту ночь моя душа как будто отошла от тела. Я видел перед глазами только небо. И когда в глотку лилось вино... И когда катился с горы, а потом бездвижно лежал на снегу... И когда хотел подняться, но падал... Небо, небо, небо! Это было легко и приятно. Чудилось, что засыпаешь, лежа на мягкой перине. И когда небо вдруг исчезло, а вместе с ним и явь, что-то разверзлось подо мной, и я точно бы начал падать на дно воронки, которая бешено кружила в страшной черноте. Я рвался изо всех сил наверх – но не мог пошевельнуть даже губами. Только душа легко выпорхнула из-под тяжести век, как будто и была моими глазами. Черная воронка и весь ее ужас тут же исчезли: я лежал с открытыми глазами и смотрел на небо. Я чувствовал, что живу, только пока вижу его. Я уже не помнил, что веселился с пацанами и пил вино. Я думал, что почему-то умираю один где-то на краю зимы. Только мороз. Только голые руки в снегу. Ее, зиму, я даже слышал, это была ее долгая гулкая тишина. Я мог лежать умирающим на поле великой битвы в каком угодно веке и чувствовал бы, наверное, все то же самое, что и замерзая тогда на снежной перине парализованным маленьким человечком: я мучился лишь страхом, не понимая, что же со мной произошло.

Последнее, что я мог увидеть в своей жизни, – это ночное январское небо, покрытое, чудилось, льдом, все еще темным, как вода, но уже с новой зеркальной поверхностью, в которой отражалось лишь все такое же новое, сверкающее и блестящее.

Но обо мне вспомнили, меня нашли. Когда я исполнил чей-то приказ сунуть два пальца в рот, мне казалось, что это хлещут мои же несчастные внутренности. Я вернулся к жизни с этим запахом во рту. Сохлая прибрежная трава выше человеческого роста понуро стояла в сугробах. За ней чернела и мерцала незамерзающая вода, что тихо и чуть заметно проползала стороной, по течению. Тогда, находя себя у берега Яузы, я поневоле увидел все наоборот. Близко – этот обретенный вместе с жизнью берег, а там, далеко, где маячили высотки домов, бессмысленное чужое копошение праздника.

Никто не помнил, когда я вдруг пропал и когда меня нашли. Я сам не понимал, сколько же пролежал без движения на морозе. Все это могло быть и одной минутой, показавшейся вечностью, и долгим временем, которое, однако, пролетело в моем сознании как мгновенье.

Наутро после новогодней ночи я валялся в постели, мучимый жаром легочного воспаления и страхом перед самим этим состоянием умирания, которое так легко овладевало мной и потрясло еще там, когда валялся ни живой ни мертвый у Яузы. В постели меня качало, будто в лодочке, и все еще мутило, наверное, от остатков алкоголя в крови. Я похлебывал горячее молоко, с мужественным видом принимая заботливость растерянной матери, и чувствовал

себя почему-то стариком – шамкающим, дряхлым, близким к смерти. Я болел весь январь и от безделья взялся читать учебники, не желая возвращаться в класс инвалидом по всем предметам.

Пацаны все это время не давали знать о себе. Я вернулся в их жизнь после месяца небытия, уже, наверное, чужой. И тоже почувствовал, что все стало по-другому: у Игорька появилась любовь. Малолетних шлюшек было не так уж много, и они быстро оказывались на слуху. Эту звали Галей, а на улице Галкой-цыганкой. Она пила, курила, матерно ругалась, потому что хотела быть похожей на пацанов. Обрюзгшей уже в четырнадцать лет девчонкой, похожей на старую цыганку, если и соблазнялись, то спьяну – а потом гнали от себя. Она росла с нами, у всех на глазах, мы вместе учились в школе, а кто-то и в одном с ней классе. Но я почти не помнил ее и не замечал все годы, кроме того времени, когда она вдруг стала обращать на себя внимание большой грудью. Глуповатой некрасивой девочке, наверное, это было приятно. Она, наверное, почувствовала в этом неожиданную силу, превосходство. И ее грудь лапали взглядами даже взрослые ребята. Чтобы получить власть, увлечь, Галке нужно было делать с ними то, что она потом уж делала со всеми, кого еще могла соблазнить. Но ее бы не пустили после этого в общее веселье, компанию, а уж тем более в свою жизнь. Красивые, пусть и гулящие девчонки получали за это возможность властвовать над парнями, которых все боялись, веселиться на их деньги если и переходя из рук в руки, то как будто по любви. А Галка брала деньги хоть за раз, соглашаясь делать это с кем угодно.

Игорек боялся женщин. У него не было о них даже разговоров, обычных для парней. Женщины для него были чем-то вроде милиции, о которой он тоже молчал и которую, казалось, брезгливо, но все же боялся. Не знаю, влюблялся ли он когда-то до этого. Думаю, это произошло с ним в первый раз – и потому, что Галка-цыганка стала к тому же первой в его жизни женщиной. Внешность его и повадки могли только вызвать отвращение у обыкновенных девчонок, а шлюшки к нему тоже не липли, как и он к ним, потому что даже эти спивающиеся пропащие душонки тянулись к шику, деньгам, комфорту, которых с Игорьком не было бы: когда он воровал, то мучился, а мучаясь, все пропивал, ходил в обносках, жил где попало, прятался от людей.

Игорек знал ее, но злился, если видел, и говорил не раз, что Галка – «крыса». Она боязливо пробегала мимо, унося в своих мстительных глазках то ли обиду, то ли злость. Болтать Галке о том, что говорит о ней за глаза Игорек, мог только Вонюкин. Он крутился кобельком вокруг ее запахов и давно не одалживался, получая, когда хотел, свое. В новогоднюю ночь Галка рыскала счастья, ждала праздника, приставая то к одним, то к другим, но ей даже не наливали. Она бы и осталась в ту ночь одна, но подвернулся Вонюкин. Своего вина у него не было, поэтому повел в компанию, зная, что Игорек, уже пьяненький и добренький, стакан ей все же нальет.

Она смеялась, веселилась, сидя в обнимку с Вонюкиным, но поглядывала за Игорьком. Вонюкин любил подпаивать дружка, чтобы чувствовать себя потом

значительней и сильней. Если Игорек выпивал в меру, то просто становился веселеньким. Если перебирал, начинал жаловаться на свою пропащую жизнь, а под конец плакал и жалобно мычал, не выговаривая слов. Но тронуть его и тогда было опасно – он тут же вспыхивал, приходя в бешенство. Вонюкин подливал ему, Игорек мычал, но что-то случилось.

Говорили, тот просто усмехнулся – и полетел от удара в снег. Добивать Игорек не стал. Тут же все забыл, простил. Вонюкин затих, потом потихоньку стал усаживать Игорька поближе с Галкой – и как будто шутя, для веселья, начал их женить, играя в свадебку. Игорьку стало весело и хорошо. И она смеялась, пила теперь уж с ним в обнимку, шептала «мой цыган», «мой черныш». Когда все выпили и праздник на горке стал затухать, а пьяненькие разбредались кто куда, Вонюкин с Галкой поволокли Игорька в землянку – и там она осталась, а Вонюкин ушел. Сам он потом хвастался, что устроил их «первую брачную ночь», желая от Игорька благодарности. Но, зная его, мы понимали, что хотел он сделать что-то другое. Наутро Галка-цыганка встречала всех в землянке как атаманша. Игорек угрюмо молчал, но терпел. А стоило появиться выпивке и начаться поминкам по празднику, повторилось, что было.

Казалось, что Игорек с Галкой притворяются влюбленными; но оба они и могли только притворяться, как будто вставляя вместо чувств протезы... Она – что жалеет, он – что любит... Они притворялись, что могут быть счастливыми, иметь детей, семью... У него уже был паспорт, он отвечал как взрослый человек за все перед законом, но Галке-цыганке до совершеннолетия оставалось два года. Он сам же с удивлением и восхищением говорил, что Галка, если бы захотела, могла его посадить. Их бы расписали, если бы она вдруг забеременела, но как было похоже, это с ней почему-то уже и не могло произойти. На словах она «беременела» чуть не каждую неделю, приводя Игорька всякий раз в торжественный трепет и делая неожиданно покорным, когда чувствовала, что он выходит из подчинения. Он дрался за ее «честное имя» на улицах, но когда сам же ревновал, то нещадно бил. Игорька страшило, что она его однажды бросит. Галке же была страшной мысль уйти от него – но вела она себя еще более бесстыже, как будто бесновалась, чувствуя, что он не отпустит ее от себя живой.

Так как водил ее Игорек повсюду за собой или держал без выхода к свету в землянке, то делать это Галка могла только там, в этой норе, из которой он ее не выпускал, приставляя и нас к ней как охрану. Когда его не было, она липла в землянке к пацанам. Но мы пугливо выбегали наверх и ждали там Игорька – а при нем молчали. Это Вонюкин в его отсутствие делил с Галкой-цыганкой «супружеское ложе», которым стал выброшенный кем-то когда-то диван. Но и тогда все молчали, жалея Игорька, да и почему-то Галку с Вонюкиным.

Игорек стыдился и не давал ей делать того, что хотела, только тогда, когда Галка, как бы играя с пацанами, заголялась – а дразнила нарочно его, чтобы заставить ревновать и страдать, быть потом избитой, снова орать про свою беременность, послать покорного и поглупевшего за выпивкой, чтобы в который раз отметить это событие, напоить до жалобного плача и стонов, а потом

убаюкать, как младенчика, что находился в полной ее власти... Помню, однажды напившемуся до бесчувствия и только жалобно мычащему Игорьку она у всех на глазах со смехом всунула в рот свою обвисшую, как у кормящей суки, бухую грудь – и он, засыпая, начал ее блаженно сосать.

«Галка-цыганка хочет споить Игорька... Он ведь сам ее крысой называл... Скорее бы его в армию забрали, пока она ничего не сделала... А нам куда... Пропал Игорек... Все, пора по домам... Хватит этого... Ему и дела больше нет до нас...» – шептались пацаны. Но бесприютность, которую чувствовали, снова и снова сгоняла в землянку. Мы еще верили, что придет весна, Игорек вспомнит о реках и плотах, все станет по-прежнему и он поправится. Он никого не обижал и не давал в обиду другим, но становился все молчаливей и мрачнее. Только твердил сам себе под нос: приду из армии, работать буду крановщиком, женюсь на Галке... Когда у них в землянке были мир да любовь, то из трубы, что выходила наружу, чуть возвышаясь над покатым холмиком земли, валил густо дым: топили как в бане, лежали там голые. И другие заходить в землянку не смели. Стояли ждали, когда высунется уже одетый Игорек и позовет. Но могли не дождаться. Слышали противные стоны, доносившиеся как будто из-под земли, – а там, где стояли, чувствовали под ногами мерную сильную дрожь. Докуривали. Плевались. Расходились кто куда, нужные только сами себе, да еще Вонюкину. Тот незаметно становился за главного... Приказывал. Решал. Тоже возмущался, подзуживал – и за это начинал нравиться ребятам.

Как-то уже весной дядя Федор нашел на свалке побитый дырявый эстрадный барабан. На него натянули полиэтиленовую кожицу – и он зазвучал, и мы размечтались, что если еще синтезатор с гитарой найти, сразу сделаемся знаменитыми. Но собирать бутылки стало как-то лень. Поэтому решили обойтись без синтезатора. Будущей рок-группе тут же придумали название: «Свалка». Кто-то приволок из дома гитару. Она дребезжала, надрывался барабан, и под этот гвалт, только и стараясь перекричать, дико вопили всего одно слово: «Свалка! Свалка!» Эту песню записали кое-как на магнитофон и трясли заедающую «Электронику», извлекая долгожданные звуки, слушая с восторгом то загробное урчание, которое делало ее, эту песню, еще таинственней и чудесней.

Через несколько дней мне шепнули, что Вонюкин залез ночью в какой-то павильон на ВДНХ и унес стереоколонку. О ней даже не мечтали. Но теперь она оказалась в наших руках. Ее спрятали на чердаке школы – так придумал сделать Вонюкин, опасаясь, что Игорек заставит от нее избавиться, как только узнает о краже. В сумерках по пожарной лестнице я тоже забрался на крышу пятиэтажного здания, потом проник на чердак – и увидел ее... Она была огромных размеров, новенькая, с иностранными буквами на корпусе – наверное, концертная. Прошла неделя. Хоть был уговор надолго забыть о том, что прятали на чердаке школы, каждый день, не в силах утерпеть, мы лазали воровато на чердак, чтобы полюбоваться добычей. Нас поймала на пожарке Алла Павловна: думала разогнать курильщиков за школой – а увидела, как мы лезли на крышу. Пойманные, мы сознались, что прячем на чердаке. Колонка оказалась в кабинете

директора школы. Только не сознавались, откуда она попала к нам: взять вину на себя было неправдой, а выдать Вонюкина значило стать «крысой», совершить предательство, навсегда опозорить себя.

Алла Павловна обрела равнодушный к нашим судьбам и беспощадный вид. Сказала: «Завтра сообщу в милицию».

Мы чувствовали себя героями, думая, что не сознались в главном. С какой-то наивностью верилось, что нас не осудят за воровство. Поверят, что мы ее просто нашли, а если что-то произойдет и все же установят факт кражи, то Вонюкин обязательно сам же сознается, ведь это сделал он, а не кто-то из нас.

«Я ничего не видел, поняли? Они не докажут... Говорите, что нашли... На свалке...» – шипел перепуганный Вонюкин, когда узнал обо всем. Это происходило в землянке, где мы собрались как будто в последний раз. Игорек, помертвевший от пьянства, валялся на диване. Он то начинал судорожно говорить вслух, то затихал... Он говорил, что нам надо бежать... Снаряжал куда-то на Север. Бросил тут же клич, чтобы нам отдавали деньги, какие у кого есть... Но казалось, это он зачем-то запугивал нас, чтобы стало страшно, – или просто бредил.

С утра Игорек встречал нас одиноко у школы: проводил на уроки и ждал, когда они закончатся, сидя все это время на приступке, похожий на зверя, которому тяжко даже двинуться из-за какой-то глубокой раны... Закончились уроки. Мы его окружили. Он сказал: «Пошли... Что ни услышите, молчите. И своих чтобы это... не выдавать».

Алла Павловна нас не ждала, а Игорька встретила так, будто сразу поняла, зачем он появился и что задумал: «Слушать ничего не буду. Иди вон!» Игорек переборол невольную робость и молча стоял напротив нее, всем видом давая понять, что никуда не уйдет. Она сдалась – даже что-то немощное, дряблое проявилось в ее лице. «Колонку я с выставки украл. Потом сказал, чтобы спрятали на чердаке школы. А что краденая – они не знали, я им не сказал. Все. Теперь звоните ментам». Проговорив это вызывающе спокойно, он замолчал, но директор школы тоже молчала и уже сама с робостью глядела на бывшего ученика.

«Звоните ментам!» – не вытерпел молчания Игорек.

«И позвоню, позвоню... Пусть приедут... Пусть узнают, чьи же там отпечатки пальцев!» – заголосила возмущенно и вдруг умолкла, понимая, что произойдет... «Не смей!» – крикнула порывисто, испуганно. Но было поздно. А через несколько минут, взяв себя в руки, сердито кивнула на главную улику преступления: «Это останется в школе. И никому не слова».

Мы вышли на свободу. Стали смеяться, радуясь, как все легко нам сошло с рук. Все мы думали одно и то же: Алла Павловна сделала очень выгодное приобретение для школы, а концертная колонка, которую никто бы и не догадался в ее стенах искать, наверное, окажется теперь в актовом зале, хотя могла бы достаться не школе, а нам, если бы не глупая случайность... Игорек, шедший впереди, вдруг развернулся – и мы успели увидеть только ужасную нечеловеческую гримасу на его лице. Как будто заключая в объятия, он ринулся на нас и начал избивать всех троих, а мы не успевали продохнуть, барахтались под

его ударами. Казалось, все длилось несколько мгновений. Мы ползали по асфальту... А он исчез.

На месте землянки увидели мы только черную обугленную яму. Она еще дымилась. Никого не было кругом. Вокруг бродили голодные собаки – и не пугались, потому что давно привыкли к нам, а в тесном небе над свалкой галдело, как и всегда, воронье.

Казалось, жизнь оборвалась, и больше некуда идти.

7

Наряженные, с букетами цветов для учителей, выпускники встречались на школьном дворе... Все смешили друг друга своим видом и робели перед входом в школу, будто новички, но старались, как могли, казаться взрослыми, под стать элегантным платьям и новым костюмам. Вдруг во двор зашли с улицы двое парней, привлекая всеобщее внимание. В одном из них кто с удивлением, кто с испугом узнавали пропавшего много лет тому назад одноклассника. Вдовин был в обносках – в зимнем шерстяном свитере, что болтался мешком на худом теле, и в клоунских выцветших штанах, а его неизвестный дружок, годами постарше, красовался в линялой синеватой майке, откуда выдавались мускулистые руки в наколках. Они уселись на ступеньках парадной лестницы. Чувствуя, что его узнали, Вдовин притворился, будто ни с кем незнаком. Он, конечно, понимал, какой это был день – праздник, поэтому и заявился себя показать. И я вдруг почувствовал разочарование, от которого даже не стало больно: почувствовал, что сам пробыл все эти годы не в гуще себе подобных, а один-одинешенек. Что мне уже неинтересна их жизнь и я не понимаю, отчего надо было нам жить так тесно, почти как братьям и сестрам, воспитываться по одним правилам, как в детдоме, носить одинаковую форму, десяток лет видеть одно и то же, а может, и чувствовать, как близнецам, одинаковые страхи, радости и даже страдания, чтоб в конце концов разойтись, навсегда забыв друг о друге и о том, что с нами было.

Я встречал их на Яузе, они всегда ходили вдвоем... Мама у Вдовина, я слышал, была пьяницей. И у Лобачевского мама тоже сильно пила. С первых классов они отстали по учебе. Не помню, чтобы их вызывали к доске. Все годы сидели тишком на галерке, за спинами ребят, никто с ними не дружил. Лобачевский – худой, со впалыми синюшными глазами. Молчал все время и виновато улыбался, стоило встретиться с ним взглядом. Вдовин был другим. Упитанный, ловкий, смышленый. Когда приходила их с Лобачевским очередь дежурить в классе, он притворялся больным, и убираться оставался его дружок, за двоих.

И вот все разговоры только о них, и носится гулом: су-у-уд! В актовом зале школы выездное заседание районного суда: на скамье подсудимых – ученики седьмого класса Вдовин и Лобачевский.

Приказом директор школы отменяет все уроки. В первую минуту, когда в классах объявляют, что занятий не будет – все окрыленные, кричат и радуются.

Но окрик учителя обрывает веселье, мы строимся, идем в актовый зал, на последний этаж, оставив портфели и учебники в классе.

Столпотворение на лестничных пролетах, суматоха, нервные окрики растерянных учителей делали это восхождение похожим на эвакуацию. Огромное парадное помещение распахивало свои двери только в дни особых торжеств – для концертов, выпускного бала... Даже пионерских линеек в этом зале не проводили, потому что берегли лакированный паркет. Стены здесь светились потусторонней белизной, а воздух, что долго хранил только возвышенное молчание, щекотал чем-то очень волнующим, как если бы в грудь проникало скопленное в этом зале за все время ожидание праздников. Галерея одинаковых просторных окон зеркально отражала небо, глядя прямо в его высоту, с которой – если прильнуть и смотреть на то, что творилось на школьном дворе, – виднелись лиственные полушария деревьев и муравьиное копошение человечков. Каждое окно – как парадный портрет, обрамленное тяжелым багровым бархатом гардин, будто помпезной рамой, а на нем то застывало одиноко облачко, то возникал в синеве черный промельк птицы, быстро мазнувшей по небу своим крылом. Кругом пахло новой мебелью, хотя мягким стульям, наряженным в красные велюровые костюмчики, было уже много лет. Но их столько же лет берегли, а если утруждали, то лишь несколько раз в году. Даже те, что ослабели и едва стояли на расшатанных ножках, служили украшением чуть в сторонке от стройных рядов, в углу. Мест в актовом зале хватало на всех школьников. Это было помещение куда больше спортивного зала – в нем могли уместиться все классы. Рассевшись на красных мягких стульчиках, завороженные ученики глазели на сцену.

Она, сцена, даже пустая, и массивные бархатные волны кулис, что нависали над ней – или открывали как дно морское, когда раздвигались на жужжащих механических шарнирчиках, излучали такую силу одним своим видом.

В углу, пониже сцены, у ее подмостков доживал свой век старый, разбитый немецкий рояль. Прикосновение к его клавишам грозило наказанием, и потому сильнее влекло совершить это преступление. Стоило улучить момент, чтобы близко не было учителей и Аллы Павловны, сорваться с места, опрометью броситься к цели – а тогда уж впопыхах бабахнуть по клавишам кулаком, мгновенно убегая прочь. Сколько было гордости, счастья – а старый рояль взвывал истошно или мрачно, и долго еще гудел, стонал, ныл, но что-то в нем, убитое одним ударом, под конец устало затихало. В школу ходил настройщик, старик, похожий на врача. Приходил – и всякий раз огорчался, слушая своего больного. Они долго оставались наедине, будто друг другу жаловались. В тиши из актового зала доносились то высокие, то низкие заунывные звуки, нервно отстукивая азбукой Морзе какие-то монологи, понятные лишь старику. Он уходил в расстроенных чувствах и волнительно отчитывал как бы за халатность завхоза – огромную безмолвную бабу, что надзирала за школьным имуществом, отпирая и запирая двери, за которыми оно находилось, будто в тюрьме. Она имела угрюмый вид и вечно громыхала связкой ключей. Носила их в одной руке, одной и той же рукой проворачивала без устали в дверных замках, будто и была

однорука. Хоть рояль тоже подлежал учету, у нее действительно не было никакой жалости к этой старой громоздкой вещи. Но когда настройщик восклицал «какой инструмент! какой инструмент!», завхозиха становилась похожей на ребенка: внимала ему с удивлением, даже страхом, чувствуя самой непонятную вину. В ее груди прятался томный бархатистый бас. «Не сомневайтесь, больше никого к пианино близко не подпущу! У-у-у-у... Паразиты!» – звучал отпущенный на свободу голос. При этом она кому-то грозила кулаком, сжимая в нем свою огромную связку ключей, что начинали звонко галдеть будто голодные птенчики.

Судьи – скучные по виду люди – одеты были даже не нарядно, а как-то бедновато. За спинами ребят стоял конвоир. Вышла Алла Павловна: «Сегодня мы будем судить двух наших бывших учеников. Прошу внимания! Чтобы в зале была тишина». Никто из нас в тот день не думал, что окажется на суде. Вдовин и Лобачевский с месяц как исчезли из школы, были всеми позабыты – и вот сидели за партой на возвышении, наряженные в отутюженную школьную форму, в белых рубашках, застегнутых под горло на пуговку; так им было велено, потому что по решению дружины на скорую руку исключили из пионеров – лишили кумачовых галстуков.

Они глядели со сцены в огромный зал. В качестве свидетелей вызывали учителей, и они произносили речи, которые я даже не помню оттого, что не было в них никакого смысла. Это длилось с час и походило на митинг. Их судили за кражу. Когда дали слово самим подсудимым, то Лобачевский не смог ничего произнести: стоял и виновато улыбался. Вдовин просил прощения, даже заплакал... Наверное, он верил, что их не осудят, если привезли в школу. И поэтому, когда судья читала приговор, слушал его немощно, растерянно, как будто обманутый, – а когда коснулся плеча конвоир, рванулся в последней истошной надежде из-за парты, упал на колени и заголосил со сцены в зал: «Простите меня! Ну пожалуйста! Я больше не буду! Простите! Простите!..» Из-за занавеса мигом выскочили на крик двое милиционеров, схватили его под руки и уволокли. На сцене остался один Лобачевский, о котором, казалось, забыли, и это стояние его неприкаянное, свободное, длилось несколько минут, а после вышли уже за ним, подбирая под локоток – вежливо, даже картинно, как будто осознавая, что находятся на сцене.

Закрывать суд было некому. Учителя плакали. Плакала и Алла Павловна, не стесняясь слез. Школьники тихонько покидали зал. И еще несколько дней послушание царило в учебных классах, на переменах, будто все отказались от прежней жизни и начали новую.

8

Мало кто знал, наверное, что стало со мной, а я не знал, что стало с другими. За это время мы разменяли квартиру и переехали на другой конец Москвы, я провалился на экзаменах в институт – а тогда, в ноябре, только очутился в подмороженной столице, дуриком комиссованный из конвойных войск после

полугода службы, еще коричневый от азиатского, в кожу въевшегося загара. И вот меня разыскали, позвонили: «Хороним Толю...»

Он был моим одноклассником – один из братьев, о котором, покинув, как и все, приемную эту школьную семью, я тут же забыл. Из Германии, куда он попал служить под самый вывод советских войск, думая, что повезло и увидит заграницу, вернулся цинковый гроб. Умер он не своей смертью, а какой – об этом только шептались у гроба. Родителям сказано было сопровождающими из воинской части, что застрелился в карауле. Но этому не верили... У Толи осталась дома жена и годовалый ребенок – сын, которого он даже не увидел. Эту девчонку не утешали. Она отрешилась в своем горе, казалось, с нечеловеческой серьезностью, думая только о своем детеныше и о себе. Открытый гроб стоял на двух кухонных табуретках с тонкими, похожими на спички, ножками у подъезда дома, где жил Гладков. На щеках у Толи со времени, когда он умер, отросла щетина. Он лежал в новенькой парадной форме, как и положено тем, кто возвращается со службы. А я думал об одном: как однажды ночью в карауле решил застрелиться, но не сделал этого, когда представил себя лежащим в гробу... Не оставалось тогда во мне самом никаких сил, чтобы вынести борьбу за жизнь, самой невыносимой болью которой было только одиночество, но вдруг в мгновение от выстрела я увидел себя лежащим в гробу и расплакался с жалостью к самому себе. То есть и не к себе, а к тому, другому, каким себя вдруг увидел – лежащим на дне огромной деревянной лоханки, из которой жрет смерть. И эта жалость сострадания к тому, другому, вдохнула воскрешающую силу, так что я ожил, не чувствуя больше ни боли, ни унижения, потому что жил, был живой. Меня могли убить. И я мог, наверное, убить. Но как соринку, как ничтожную соринку, другая сила – не та, что в людях, а для которой они сор, – смахнула меня вдруг в сторону, в другое место и к другим людям, в другое время и другую жизнь.

Ребят на похоронах было мало: только несколько человек, что устроились в институтах, – остальные еще служили. Храбрясь в окружении заплаканных девочек, про себя я врал, если спрашивали, что был ранен, когда нашу часть перебросили для наведения порядка в Азербайджан. Все знали о волнениях в этой республике из теленовостей – а я так врал при виде цинкового гроба, все же чувствуя по глупости Толика героем, глядя на казавшееся мужественным его мертвое лицо и стыдясь сознаться, почему сам не дослужил, комиссованный по состоянию здоровья как бракованное изделие. Стало страшно обидно за себя, как будто остальные ребята ушли на войну: сражались, погибали! Война... Война... Вот что трепетало в груди – и душа, окрыленная, когда собранный с миру по нитке духовой оркестр затянул похоронный марш, рвалась легко на какую-то войну, чтобы скорей бросить все обыденное и одолеть свою же трусость, которую так стыдно было чувствовать, глядя на мужественное лицо покойника в парадной солдатской форме. Траурная музыка звучала для меня как марш победы, пока мысли о смерти не закружились исступляюще в голове: он умер, я умру, все умрем... От обилия впечатлений, в их суетливой спешке нужно было заставлять

себя думать о Толике: вспоминать его другим, живым, воскрешать в памяти его взгляд, голос. А что это значило? Что Толик умер.

Не сразу, да и не ожидая этого, я узнал среди собравшихся Аллу Павловну – и вздрогнул, как это всегда бывало в школе, когда попадался на глаза директору. Она стояла одиноко, по другую сторону гроба, и строго-сосредоточенно смотрела на Толю, как будто на ученика, от которого ждала ответа... Как я давно помнил этот ее взгляд, но никогда он не проникал в меня так глубоко, отраженный этой последней, для всех кто прощался с Толей, минутой. Я понял, что она узнала меня: когда встретились глазами – кивнула. Кончилось прощание. Родные с близкими нестройно потянулись к автобусу, в который погрузили гроб, Алла Павлова поравнялась со мной, утирая проступившие слезы. Добрая, слабая, спросила в какой институт я поступил... В какой хочу поступать... Почему не обращаюсь к ней за помощью... О ее эмиграции в Соединенные Штаты Америки стало известно так: она распродавала свои вещи и обзванивала всех, кто мог ее помнить и быть благодарным – своих любимцев из бывших учеников, родительниц, которых она когда-то чем-то облагодетельствовала. Те, кто с нею разговаривал и что-то у нее покупал, рассказывали, что никак не могла она распродать хрустальные вазы – лет тридцать ей на День учителя дарили от родительского актива хрустальные вазы. Кто-то из тех же родительниц за бесценок и приобрел по вазочке на память об Алле Павловне.

Ждал автобус, но чужое горе тогда само оттолкнуло меня от своих еще молчаливо открытых дверок. Хоронить Толю Гладкова повезли на заброшенное кладбище за Яузой, без разрешения – там и не было никакой конторы, при этом кладбище. Только чтобы к дому он ближе был. Так хотели родители, не желая понимать, что бесхозное старое кладбище, его бугры да оградки, скоро неминуемо сровняют с землей, потому что даже оно отжило свой век вместе с теми, кто упокоился, хоронил, берег, помнил... Один, я пошел к метро. Больше я не жил здесь, а если бы жил, то идти было бы некуда. Все кругом стало маленьким, как будто очень далекое. Дома, дворы... И отдалялось еще зримей, пока шел к метро, узнавая – и с чувством отданного долга теряя из виду. Можно было задержаться, даже побродить, но нельзя было вернуться – и все исчезло.

В детстве стоило подумать – и я пугался, засыпая, что могу вдруг не проснуться и больше не вернусь в этот мир, хоть он тоже казался сном. Просил: «Мама, только разбуди меня...» А она шептала, убаюкивая: «Спи, спи...» И будила утром в школу. Много-много лет я просыпался, слыша над собой: «Вставай, пора в школу!»

С первого класса я ходил в школу одной и той же дорогой. Несколько раз то мама, то сестра провожали меня, чтобы запомнил и не заблудился... За нашим домом, похожим на оплывшую парафиновую свечу, шеренга таких же хрущоб – их было четыре. Надо пройти по тропинке, выложенной из бетонных плит, мимо этих домов, после свернуть и идти прямо, а там перейти свою улицу – Седова. Оказываясь на другой стороне, я проходил мимо киоска «Табак» и с замиранием вдыхал горьковато-травянистый душок, которым он благоухал, обкуренный теми,

кто стоял в очереди и просительно заглядывал в скрытное запретное окошко... Я думал, что курить, наверное – это очень вкусно, как съесть мороженое. Только оно для взрослых. Они курят и тут же становятся в очередь, чтобы взять еще несколько вкусных упаковок. Рядом, весь из стекла – киоск «Союзпечать», где продавали газеты с журналами и всякую всячину: значки, воздушные шарики, авторучки, марки... Сразу же я останавливался и заглядывался, начиная мечтать, как бы все это однажды купить, и каждая побрякушка, безделушка, вещица завораживали только во всем наборе, разнообразии и блеске. Но нужно спешить в школу, иначе опоздаешь на урок и запишут замечание в дневник... Вот кирпичный дом, в котором почта, и осталась еще половина пути: чужими дворами, срезая угол, короче и короче, напрямки! Там, в чужих дворах, я прибавлял шаг, даже зная, что здесь живут одноклассники. Меня покидало чувство своего угла, такое привычное и дающее, что бы ни случилось, опору. В ясной памяти утренних часов я перебегал тихий пустынный проезд, как будто еще одну пограничную полосу. Иногда по нему проезжал одутловатый, качающийся с боку на бок автобус. Курсировал он, набитый битком, пока не провели метро, а потом маршрут, наверное, забыли отменить. Ждать автобуса нужно было долго, поэтому и от своего дома я ходил до школы пешком. Его остановка невдалеке – безлюдная, одинокая – казалась похожей на какое-то укрытие, а укрыться в ней можно было только от дождя. Сторожевой башней, все презирая, в проезде возвышалась серая, под камень, многоэтажка, заставлявшая обходить себя с почтением; и мне грезилось, что в доме этом люди живут счастливей, чем в моем, таком невзрачном и уже далеком. На первом этаже неприступной башни жила девочка, в которую я влюбился в первом классе... А на девятом девушка, что влюбила в себя, когда учился в девятом... Только бы успеть! Вот дыра в заборе... Тропинка в саду... Двери... Раздевалка... Лестницы... Согретый общим дыханием класс... И долгое испытующее томление уроков.

Время замерло. Солнечный свет разливается за окном или хмурый сумрак, сыплет дождь или снег, волнуются ли, покоятся там, за беззвучным прозрачным стеклом похожие на стражу плотные и высокие, вровень с крышей, деревья – ничто не проникает в его колбу. В ней часы и годы. Учителя, не знающие того, что о них думают. Ожидание – от одних наказания, от других – прощения. Добро и зло, явленные в предметах, которым учишься. Записываешь долги, как заповеди, в размеченный до конца дневник. Решить задачу по математике... Написать упражнение по русскому... Девочка за партой с тобой, пахнущая, наверное, своей мамой, ласковая и нежная к своим тетрадкам, ластикам, карандашам, заколкам. Такая близкая, родная – и такая чужая, отстраненная, как доносчица, следящая за каждым, даже нечаянным прикосновением к себе. Пятерка, двойка, тройка, четверка, кол... Страх и спасение... Протянутые за ответом руки всезнаек, выпрашивающих положенную для себя благодать.

Все обрывалось сошествием в класс последнего в этот день звонка. Он отпускал на свободу. Никому не нужных с той же минуты, как будто отверженных в этом упоении воздухом, движением, собой, всем вокруг. Душа, как выросшая

капля, тяжелая бременем счастья, срывалась и падала в бессмысленное буйство; а по дороге обратно, домой, утихала. Всегда он казался последним, этот звонок, но железное пронзительное дребезжание час за часом оповещало о начале и конце уроков даже ночью, когда по коридорам огромной пустой школы, наверное, бродила, как призрак, сторожиха; когда только она мучилась и не спала.

Шагая по бетонным плитам, я до сих пор испытываю подспудно чувство покоя, и оно очень явственное, выпуклое, как бывало, когда выходил рано утром из дома – на урок в школу, и беспокойство пробуждения тут же рассеивалось на воздухе; особенно зимой, в утренней лиловой мгле, когда, шагая невесомо, пружинисто по спрессованному морозом снежному насту, серебрящемуся наподобие лунного грунта, я приходил в себя от ощущения своей нездешности, как будто очутился на другой планете, далеко от Земли, а то, что ярко, холодно светило в еще мглистом небе, и казалось жалостливо Землей.